

А. Н. ОСТРОВСКИЙ

Р173554

СВОИ ЛЮДИ
СОЧТЕМЯ



БЕДНОСТЬ
НЕ ПОРОК

ДЕТИЗДАТ ЦК ВЛКСМ 1941





А. И. ОСТРОВСКИЙ

СВОИ ЛЮДИ—СОЧТЕМСЯ БЕДНОСТЬ НЕ ПОРОК

**Вступительная статья и примечания
К. АНДРЕЕВА**

*Центральный Комитет
Всесоюзного Ленинского Коммунистического Союза Молодежи*
ИЗДАТЕЛЬСТВО ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва 1941 Ленинград

СОДЕРЖАНИЕ

<i>К. Андреев.</i> А. Н. Островский (вступительная статья)	5
Свои люди — сочтемся	26
Бедность не порок	89
Примечания	136

А. Н. ОСТРОВСКИЙ

«Спешу поделиться с вами моим открытием. 1847 года, апреля первого дня, нашел я рукопись. Рукопись эта проливает свет на страну, никому до сих пор в подробности не известную и никем еще из путешественников не описанную. Страна эта — Замоскворечье. Кроме имени, — и то сомнительного, не происходит ли оно от слова «скворец», — и положения, все остальное в ней покрыто таинственным туманом, сквозь который доносятся лишь кое-какие слухи. Но они столь сбивчивы, неясны и неправдоподобны, что не всякий благомыслящий человек сможет им поверить».

Так начал молодой Островский свое первое произведение «Записки замоскворецкого жителя». И не случайно друзья прозвали его Колумбом Замоскворечья: с самого начала своей литературной деятельности он очень отчетливо заявил, что хочет быть бытописателем и поэтом своеобразного и мало кому известного мира, в котором он родился и вырос.

Сто лет назад Москва была совсем не похожа на современную. Заштатная столица, далекая от европейских влияний, она жила обособленной, старомодной и патриархальной жизнью. Пышные дворянские особняки, где доживали свои дни опальные или просто ушедшие на покой вельможи, стояли рядом с деревянными лачужками мелких ремесленников и торговцев. Только большие — проезжие — улицы мостились камнем. Бесчисленные же кривоколенные переулки и тупики стояли летом зелеными, заросшими травой, а осенью утопали в грязи. Строгий указ Петра Первого «строиться не среди дворов, а

линейно по улицам и переулкам для высокого Его Царского Величества интереса» мало соблюдался: улицы сменялись пустырями, меж домами лежали сады, огороды, луга, пруды. В лужах купались утки и гуси, на завалинках сидели жители: судачили, глазели, грызли орехи. Жизнь шла неторопливо, наполненная мелкими домашними интересами, сплетнями и пересудами, скрепленная меткими и хвастливыми поговорками: «Москва всем городам мать», «Кто в Москве не бывал, красоты не видал», «В Москве толсто звонят, да тонко едят», «Московская грязь не марается», «Новгород — отец, Киев — мать, Петербург — голова, Москва — сердце».

Крепче всего этот старый московский быт устоялся в Замоскворечье. Между красными, синими и желтыми церквями, в маленьких домиках, за розовыми ставнями и кисейными занавесками, жило московское купечество. Замоскворецкие жители верили, что «где-то народился новый Бонапарт», суеверно боялись непонятных и поэтому страшных слов «металл» и «жупел», устраивали ярмарки невест и втихомолку обдeldывали крупные и мелкие мошенничества. Они ели уху рядовую, красную, черную, опеканную, вялую, сладкую, пластовую, пироги подовые и пряженые — с зайчатиной, яйцами, сметками, вязигой, сарацинским пшеном, рыжиками, маком, привозную издалика рыбу — лососину корельскую, осетрину шехонскую, лодогу и сырть ладожскую, редьку в патоке, пили брусничную воду, сбитень, квас, вино ренское, мадеру, а то и шампанею. На масляной купцы катались на тройках, на троицу девушки гадали у Москворецкого моста на венках: чей поплывет, не утонет, той раньше замуж итти. 19 августа гуляли под Донским монастырем: плясали новомодную польку, грызли орехи, пряники, цареградские стручки, пили сбитень, качались на качелях, катались на каруселях. Но за всей этой пышной внешностью скрывалась дикость, варварская жестокость, бесправие женщин, истязание детей, эксплуатация приказчиков, скорбная, безысходная нищета мелкого люда.

Здесь, в Замоскворечье, в маленьком домике на церковном дворе, 24 апреля (по старому стилю) 1823 года родился Александр Николаевич Островский.

Отец его, выходец из духовного сословия, был мелким чиновником, служившим сначала в сенате, а потом в Московской палате гражданского суда. Мать была дочерью московской просвирни. Она умерла, когда ребенку шел всего девятый год, и отец вскоре женился вторично.

Семья была большая — одиннадцать детей от первого брака и восемь от второго, — и дети были предоставлены самим себе. Забравшись в большую библиотеку отца, маленький Александр, по его собственным словам, «весьма рано ознакомился с русскою литературой и почувствовал склонность к авторству».

Осенью 1835 года он поступил в Первую московскую гимназию, подготовленный домашним репетитором.

В гимназии он отличался средним прилежанием, но окончил ее с правом поступления в университет без испытаний, куда и был зачислен осенью 1840 года.

Годы ученья Александра совпали с резким изменением всего уклада жизни семьи Островских. Его отец, женившийся на баронессе Эмилии Тессин, в год поступления сына в университет вышел в отставку с чином коллежского асессора, сделался частным адвокатом и сумел добиться внесения своего имени в дворянскую родословную книгу. К 1842 году он — уже собственник большого дома у Серебряных бань, близ Яузских ворот, куда в этом же году и переехала семья Островских, не желавших иметь ничего общего с родным Замоскворечьем. Чтобы поддержать свое вновь приобретенное дворянское достоинство, Н. Ф. Островский покупает небольшое имение и становится помещиком, владельцем трехсот душ крестьян.

В начале сороковых годов прошлого столетия Московский университет переживал свой лучший период. Студенческая общественная жизнь была развита, как никогда; существовали многочисленные кружки, где горячо обсуждались общественные и литературные вопросы, где будущие знаменитости завязывали тесную дружбу. Недавние питомцы университета — Лермонтов, Герцен, Белинский — были властителями дум всего молодого поколения. Близлежащие трактиры — «Британия», «Печкинская кофейня» — были своеобразными студенческими клубами: каждый день там велись споры о политике, литературе, искусстве, театре. Журналы, слишком дорогие для студенческого кармана, служили главной приманкой в этих трактирах: их читали вслух, устанавливали очередь на чтение; ссорились из-за них с состоятельными посетителями, пользующимися преимуществами у содержателей. То было время статей Белинского в «Отечественных записках» о Шекспире и Гоголе, и новые номера журналов постоянно были предметом бесконечных споров и служили поводом к литературным столкновениям. Молодой Островский, увлекающийся театром и навсегда полюбивший

литературу, с головой погрузился в эту кипучую студенческую жизнь.

Катастрофа наступила неожиданно. Весной 1843 года Островский, без всяких оснований, не был допущен к экзаменам для перехода на третий курс. Повидимому, исключение Островского было вызвано столкновением его с деканом юридического факультета профессором Крыловым. Этот Крылов, строгий и неумолимый в обращении с бедными студентами и угодливый и снисходительный по отношению к богатым, был широко известен как взяточник и вымогатель. Что именно привело Островского к столкновению с Крыловым, доподлинно неизвестно, но, так или иначе, этот инцидент заставил юношу покинуть университет навсегда.

Молодой Александр Островский, которому только что исполнилось двадцать лет, оказался буквально на улице.

Идеалистически настроенный юноша, не желавший жить на средства отца, увидел для себя выход только в одном: надеть на себя канцелярскую лямку. Осенью он поступил на государственную службу канцеляристом Московского совестного суда, откуда через два года перешел в «словесный стол» Московского коммерческого суда.

Этот период жизни Островского нельзя не назвать мрачным. Материальное положение молодого и честного чиновника было более чем скромным: по усмотрению начальства, ему было положено жалованье в четыре рубля в месяц — даже ниже предусмотренного законом. Кроме того, ему пришлось увидеть жизнь с самой неприглядной стороны. По своей работе он столкнулся с тем же самым миром Замоскворечья, который знал в детстве, только на этот раз он увидел его изнутри и хорошо узнал его обратную сторону. В совестном суде разбирались главным образом гражданские споры между родителями и детьми. В коммерческом суде перед молодым Островским прошла неприглядная вереница дел о торговой несостоятельности. Он познакомился с целым арсеналом мошенничеств, лжесвидетельств, хитроумных уловок, при помощи которых обходилась закон. И самым ужасным было то, что в окружавшей его действительности он не видел ничего, что мог бы противопоставить этим богатым и почитаемым мошенникам. Его товарищи чиновники соперничали во взяточничестве, вымогательстве и пьянстве. Чуткий и наблюдательный юноша с головой погрузился в этот страшный мир лжи, насилия и обмана,

где единственной ценностью были деньги, а правом почиталась сила. Это было подлинное «темное царство».

Но, как ни тяжелы были для молодого Островского эти годы, они дали будущему драматургу богатейший и неисчерпаемый материал для его творчества. «Не будь я в этом аду, — признавался он сам впоследствии, — не написать бы мне «Доходного места».

Соприкоснувшись вплотную с этим близким по рождению, но чуждым ему по духу миром, молодой Островский не порвал связей со своими прежними друзьями. Он продолжал усердно посещать «Железный трактир», как в просторечии именовалась «Печкинская кофейня», и постоянно принимал участие в горячих спорах молодежи. Его общественно-политические и литературные взгляды окончательно оформляются, и к 1846 году вокруг него образуется уже целый кружок единомышленников, получивших впоследствии название «Кружок Островского».

Ведущую роль в этом кружке играл известный в то время критик и поэт Аполлон Григорьев, а также собиратель русских народных песен Третий Иванович Филиппов. Вокруг них группировались самые разнообразные люди: молодые писатели А. Ф. Писемский и Андрей Печерский, поэты Б. Алмазов и Н. Берг, начинающий критик Е. Н. Эдельсон, талантливые актеры П. М. Садовский и П. Ф. Горбунов, музыканты Н. Г. Рубинштейн и О. И. Лютш. Друзья спорили о литературе, увлекались народной песней и театром. Общепризнанным главой этой талантливой молодежи был Островский: на него были обращены взоры, на него возлагали самые большие надежды.

К середине сороковых годов относится начало литературной деятельности Островского. Он написал несколько драматических сцен и в 1847 году напечатал в журнале «Москвитянин» повесть «Записки замоскворецкого жителя». Но все это были только ученические пробы пера, критикой и читателями не замеченные и не удовлетворявшие самого автора. Вслед за этим наступил большой перерыв в его литературной деятельности: три года имя Островского не появлялось в печати. Но этот перерыв был кажущимся: друзья писателя знали, что он упорно работает над своим первым большим произведением.

В это время Островский, до сих пор безвыездно живший в Москве, совершил первую поездку в имение отца, впоследствии столь любимое им Щельково.

Эта поездка открыла Островскому очень многое. Впервые он увидел природу вплотную, с глазу на глаз, позна-

комился с Волгой, столкнулся с жизнью народа, близко и по-настоящему узнал Россию. Природу он полюбил болезненно-мучительно и навсегда. Сохранился его дневник, относящийся ко времени его пребывания в Костроме:

«Пошли мелкими улицами и вдруг вышли в какую-то чудную улицу. Что-то волшебное открылось нам. По улице между тенистыми садами расположены серенькие домики, довольно большие, с колоннами, вроде деревенских помещицких. Огромные березы обнимают их с обеих сторон своими длинными ветвями и выдаются далеко на улицу. Все тихо, патриархально, тенисто. На немощеной улице играют ребятишки, кошка крадется по забору за воробьями. Заходящее солнце со своими малиновыми лучами забралось в это мирное убежище и дорисовало его окончательно...

Пошли по этой улице дальше и вышли к какой-то церкви на горе, подле благородного пансиона. Тут я, признаюсь, удержаться от слез был не в состоянии, да и едва ли из вас кто-нибудь, друзья мои, удержался бы. Описывать этого вида нельзя. Да чуть ли не это и вызвало слезы из глаз моих. Тут всё: все краски, все звуки, все слова. А заставьте такого художника, как природа, все эти средства употребить на малом пространстве, посмотрите, что он сделает. Тут небо от самого яркого блеску солнечного заката перешло через все оттенки, до самой загадочной синевы, тут Волга отразила все это небо да еще прибавила своих красок. Облака, растресканные самым изящным образом, столпились на западе посмотреть, как заходит солнце, и оно уделило им на прощанье часть своего блеску. А диким гусям стало завидно, и они самым правильным строем, вытянувшись поодиночке углом, с вожаком в голове, потянулись на запад; вот они поровнялись с солнцем, их крылья блеснули ослепительным светом, и они с радостным криком полетели на север.

Мы стоим на крупнейшей горе, под ногами у нас Волга, и по ней взад и вперед идут суда, то на парусах, то бурлаками, и одна очаровательная песня преследует нас неотразимо. Вот подходит расшива, и издали чуть слышны очаровательные звуки; все ближе и ближе, песнь растет и полилась, наконец, во весь голос, потом, мало-помалу, начала стихать, а между тем уж подходит другая расшива, и разрастается та же песня. И так нет конца этой песни. С правой стороны у нас собор и главный город, все это, вместе с устьем Костромы, облито таким

светом, что нельзя смотреть... Я измучился, глядя на это...»

Любовь к природе неразрывно соединялась у Островского с мучительной жаждой творчества.

«Какое-то отчаяние овладело мной,— писал он. — Неужели мучительные впечатления этих пяти дней будут бесплодны для меня?»

Но они не оказались бесплодными. По возвращении в Москву Островский с новой энергией принялся за свою пьесу, над которой работал уже три года.

3 декабря 1849 года у Погодина, историка и известного публициста того времени, издателя большого общественно-литературного журнала «Москвитянин», состоялся торжественный вечер: Островский должен был читать свою первую пьесу «Банкрот».

На чтении, помимо литературных друзей Островского, присутствовали крупнейшие литераторы того времени: профессор Московского университета Шевырев, писатели Вельтман, Мей, Ростопчина, знаменитые актеры Щепкин и Пров Садовский.

Молодой, очень скромный блондин, стеснявшийся незнакомых лиц и говоривший очень тихим голосом, оказался превосходным чтецом. Скоро все присутствующие подпали под влияние его таланта. В середине чтения приехал Гоголь. Он тихо вошел и встал у притолки. Когда раздались аплодисменты и шумные знаки одобрения, он ничего не сказал и за весь вечер ни разу не подошел к Островскому. Но он хорошо понял значение пьесы молодого автора и навсегда сохранил к нему дружеское расположение. Несколько лет спустя, зайдя на улице Островского, он соскочил с извозчика и подбежал к Александру Николаевичу, чтобы пригласить к себе на именины.

Пьеса «Банкрот» имела успех необычайный. Когда чтение окончилось, Шевырев сказал: «Поздравляю вас, господа, с новым драматическим светилом в русской литературе». Известный писатель В. Ф. Одоевский записал в своем дневнике: «Я считаю на Руси три трагедии: «Недоросль», «Горе от ума», «Ревизор». На «Банкроте» я поставил номер четвертый».

Вечер этот решил судьбу Островского: он стал знаменитым русским писателем.

«Я не помню, как я пришел домой,— пишет Островский, — я был в каком-то тумане и, не ложась спать, проходил всю ночь по комнате, — такими сказочными словами показался отзыв Шевырева».

Успех новой комедии был необыкновенный. Пьеса обошла буквально всю Москву: сам автор и его друг Прох Садовский читали ее в литературных кружках, светских гостиных, купеческих домах. Она распространялась в многочисленных списках. Ее читали в трактирах и салонах, читали студенты и купеческие приказчики, мещане и аристократы. Слава об Островском разлетелась по Москве в несколько дней.

Однако молодого автора ждал тяжелый удар.

Пьеса «Банкрот», в которой драматург впервые в русской литературе с беспощадной объективностью изобразил мрачную действительность московского Замоскворечья, показалась «неприличной» царской цензуре. Погодину, человеку реакционных взглядов, только с большим трудом, благодаря своим связям в Петербурге, удалось получить разрешение на напечатание в его журнале комедии Островского. Само название пьесы сочли недопустимым, и по требованию цензуры оно было заменено более безобидным: «Свои люди — сочтемся». Островскому было указано, что «благородная и полезная цель таланта должна состоять не только в живом изображении смешного и дурного, но и в справедливом его порицании... в распространении высшего нравственного чувства».

Однако этим дело не ограничилось. Московская цензура отправила в Петербург на автора донос. Дело было признано столь важным, что дошло до самого царя, который наложил на ходатайство цензуры, требующей запрещения комедии Островского, следующую резолюцию:

«Совершенно справедливо, напрасно напечатано, играть же запретить во всяком случае, уведомляя о том князя И. Волконского» (министра императорского двора).

В результате пьеса была категорически воспрещена к представлению на сцене, а Островскому, прослужившему в судебных учреждениях восемь лет, было предложено оставить службу, и он был отдан под негласный надзор полиции.

В том же году, совершенно без всякой причины, очевидно только потому, что Островский был «поднадзорным», был запрещен его перевод шекспировской комедии «Укрощение злой жены» («Укрощение строптивой»). Молодой писатель оказался почти в безвыходном положении: он лишился государственной службы, которая хоть и с грехом пополам, но все же давала ему кусок хлеба, и одновременно увидел, как перед ним закрывается путь дальнейшей литературной деятельности.

Предложение Погодина, пригласившего Островского на постоянную работу в редакцию журнала «Москвитянин», было для молодого писателя настоящим якорем спасения. Со всем пылом и увлечением молодости он отдался работе в журнале.

Это время было самым мрачным из всего мрачного николаевского царствования, — эпоха официального застоя и преследования всякого живого и свободного слова. Многие «властители дум» в пятидесятых годах уже не существовали: Лермонтов и Белинский умерли; Герцен жил за границей; журналы владели жалкое существование.

Погодин, несмотря на свои консервативные убеждения, был человеком умным и дальновидным. Он очень хорошо видел, что читатели уже не доверяют журналистам, находящимся на хорошем счету у полиции. Он понимал, что поднять его журнал смогут только новые люди, популярные в среде молодежи, которые смогут привлечь к работе в журнале молодые таланты, быть может не признанные официально, но уже завоевавшие себе популярность в студенческих кружках.

В основном Погодин решил опереться на так называемый «Кружок Островского». Новое руководство «Москвитянина» получило название «Молодой редакции».

В обновленном журнале общественный отдел взял на себя Аполлон Григорьев, а литературную часть — Островский. Погодинское желание исполнилось: на несколько лет «Москвитянин» стал центром журнальной деятельности в Москве.

«Молодая редакция» мечтала о том, чтобы полностью взять журнал в свои руки, но Погодин, настоящий его владелец, этому воспрепятствовал. На деле работа в «Москвитянине» превратилась для Островского в тяжелую службу. Ежедневно он ходил пешком из Серебрянического переуллка, у Яузских ворот, где жил, в редакцию, помещавшуюся у Новодевичьего монастыря, и занимался там черновой работой по журналу до позднего вечера. Островский стыдился того, что Погодин его эксплуатирует, и никогда никому не говорил, сколько он получил с «Москвитянина» за пьесу «Свои люди — сочтемся». Но за работу в журнале Островский получал ничтожно мало. Он редактировал журнал, читал все гранки, писал рецензии и статьи и за все это получал 15—20 рублей в месяц. Рассчитывая на увлечение молодых сотрудников любимым делом, Погодин нищенски оплачивал труд и всячески их эксплуатировал. Именно в этот период

Погодин записал в своем дневнике: «Сотрудники надоедают своими претензиями, надо с ними крепче».

Островский проработал в «Москвитяине» шесть лет — до конца существования журнала. Этот период совпал с периодом интенсивного творчества драматурга: им были написаны пьесы: «Бедная невеста», «Не в свои сани не садись», «Бедность не порок» и «Не так живи, как хочеться», не считая других, более мелких произведений.

Несмотря на то, что из-за цензурного запрещения первая пьеса Островского журнальной критикой была обойдена полным молчанием, слава драматурга продолжала расти. В 1853 году его пьесы наконец увидели сцену: в Московском Малом театре впервые была поставлена комедия Островского «Не в свои сани не садись». Успех был огромный. На спектакли нельзя было достать билетов ни в Москве, ни в Петербурге. Но, несмотря на то что пьеса прошла сотни раз, автор не получил за нее ни копейки.

Следующий год принес Островскому небывалое торжество: его новая комедия «Бедность не порок» была поставлена сразу в двух лучших русских театрах — в Москве, в Малом театре, и в Петербурге, в Александринском. Успех превзошел не только ожидания скромного автора, но даже и его мечты.

В эту эпоху русский театр находился в состоянии кризиса. Несмотря на то, что на сцене выступали такие исключительно талантливые актеры, как Мочалов, Щепкин, Садовский, театр того времени не мог завоевать всеобщего признания. Лучшие театры находились в руках царского правительства; на сцене шли пошлые водевили и нелепые мелодрамы. Классические же произведения русской литературы вроде «Горе от ума» или «Ревизора» на подмостки театров пробивались с очень большим трудом. Реалистические пьесы Островского были тем новым словом, которое громко и отчетливо прозвучало со сцены, вызвав широкий общественный отклик. Островский обновил русский театр. Начиная с этого времени его пьесы вошли в постоянный репертуар столичных и провинциальных театров.

Крымская война, ознаменовавшая конец мрачной эпохи николаевского царствования, освежила и обновила затхлый воздух русской действительности. Начинаясь, это движение революционно-демократического движения. Это широкое общественное движение не могло не коснуться и Островского.

В 1856 году «Москвитянин», постепенно перешедший на реакционные позиции, прекратил свое существование. Это не было случайностью: «Молодая редакция» распалась. Дружеские связи Островского с кружком Аполлона Григорьева слабели.

Неожиданное обстоятельство помогло Островскому расширить круг творческой деятельности.

Журнал морского министерства «Морской сборник» организовал в 1856 году целый ряд командировок писателей в разные районы России для исследования быта и деятельности местного населения. Очерки, написанные на основании этих поездок, должны были печататься в журнале. К этому своеобразному начинанию, получившему наименование «Литературной экспедиции», был привлечен и Островский как один из наиболее талантливых и популярных молодых писателей.

При разверстке районов исследования Островскому досталась область Верхней Волги — вплоть до Нижнего Новгорода. Если для некоторых ее участников экспедиция была только источником заработка, то для Островского она стала делом кровным: не переставая быть поэтом, он широко раздвинул поле своей деятельности и стал историком, этнографом, статистиком, экономистом и языковедом.

Еще раз писатель соприкоснулся с природой, с бытом родной страны. Одно время он мечтал написать целый цикл пьес под общим названием «Ночи на Волге». Нет сомнения, что именно во время этого путешествия у него созрели замыслы многих будущих пьес и исторических хроник.

Творческая деятельность Островского продолжала быть столь же плодотворной. Он пишет комедии «В чужом пиру похмелье», «Доходное место» и «Воспитанница» и первую пьесу из трилогии, посвященной похождениям его несравненного героя Бальзаминова. В 1859 году он заканчивает отчет о своей экспедиции на Волгу, и в этом же году выходит первое собрание его сочинений.

Издание это вызвало замечательную статью Добролюбова «Темное царство», которая оказала сильное влияние на всю последующую критическую литературу об Островском.

Начиная с тридцатых годов прошлого столетия в среде дворянской интеллигенции оформляются две общественно-литературные партии — славянофилы и западники, развивающиеся в борьбе между собой.

Славянофилы отрицали положительное влияние западноевропейской буржуазной культуры на Россию, считали проникновение этой культуры в страну временным явлением, утверждали, что Россия должна идти своим особым, «самобытным» путем исторического развития. Общественным идеалом славянофилов было восстановление допетровских порядков, крепостнического строя с неограниченным господством помещика.

В противовес им западники считали, что отсталая в экономическом и культурном отношении Россия должна идти в дальнейшем по пути Западной Европы, то есть по пути буржуазного развития, — крепостничество и неограниченную самодержавную монархию они считали устаревшими социальными системами, тормозящими развитие прогрессивных начал. Западники считали, что государственная власть должна перейти в руки передового дворянства, которое, по их мнению, и должно было осуществить необходимые реформы.

Творчество Островского уже несколько лет подряд было предметом горячих споров между представителями обеих литературных партий. «Молодая редакция» «Москвитянина», возглавляемая Аполлоном Григорьевым и тесно связанная с славянофилами, считала его своим. С другой стороны, работа Островского в одном из наиболее радикальных журналов западников, «Современнике», в котором он начал печататься с 1857 года, давала повод зачислить его в лагерь западников. Борьба литературных партий вызывала целый ряд несправедливых оценок, пристрастная критика старательно приписывала Островскому достоинства и недостатки, которые она хотела бы видеть в его пьесах, но не разбирала его произведений по существу. Но спорить, собственно говоря, было не о чем. Сам Островский очень отчетливо определил свои общественно-политические взгляды в одном из писем к Некрасову:

«Как вам умирать, с кем же тогда мне идти в литературе? Ведь мы с вами только двое настоящих народных поэтов, мы только двое знаем его, умеем любить его и сердцем и чувствовать его нужды, без шаблонного западничества и без детского славянофильства. Славянофилы наделали себе деревянных мужичков и утешаются ими. С куклами можно делать всякие эксперименты. Они есть не просят...»

Именно так понял Островского Добролюбов.

«Признавая главным достоинством художественного

произведения жизненную правду его, — писал он, — мы тем самым указываем и мерку, которую определяется для нас степень достоинства и значения каждого литературного явления. Судя по тому, как глубоко проникает взгляд писателя в самую сущность явлений, как широко захватывает он в своих изображениях различные стороны жизни, можно решить и то, как велик его талант...

Верность действительности, жизненная правда постоянно соблюдаются в произведениях Островского и стоят на первом плане, впереди всяческих задач и задних мыслей».

Добролюбов первый из критиков Островского понял громадное значение его реализма и указал, что у него «драматические коллизии выставлены как столкновения богатых и бедных, старших и младших, своевольных и безответных». Он дал также резкий отпор критикам, объявившим Островского «купеческим писателем». «Типы комедий Островского, — писал он, — заключают в себе не только исключительно купеческие или чиновничьи, но и общенародные черты».

Один из вождей революционного демократического лагеря, Добролюбов сам говорил, что «литература представляет собою силу, значение которой состоит в пропаганде, а достоинство определяется тем, что и как она пропагандирует». Поэтому в своей статье он остановился не столько на литературных достоинствах пьес Островского, сколько на изображаемых драматургом общественных отношениях.

«Темным царством» Добролюбов назвал тот мир замоскворецкого купечества, описанию которого Островский посвятил свои первые пьесы. Но читатели хорошо понимали, что для Добролюбова «темным царством» была вся царская Россия, задавленная, угнетенная, исеченная, находящаяся в тисках крепостного права и капиталистической эксплуатации. И гениальный критик приветствовал Островского, бесстрашно показавшего всему миру это «темное царство» — со всеми его язвами и в то же время со всей жизненной силой и художественным богатством русского народа.

Новой пьесой, заставившей замолчать всех недоброжелателей Островского, была его «Гроза».

В этой пьесе Островский впервые изобразил не душевный мир Замоскворечья, а всю Россию. Вымышленный город Калинов, расположенный высоко над Волгой, для читателей и зрителей стал олицетворением всей страны:

«Жестокие нравы, сударь, в нашем городе, жестокие!

В мешанстве, сударь, вы ничего, кроме грубости да бедности нагольной, не увидите. И никогда нам, сударь, не выбиться из этой коры! Потому что честным трудом никогда не заработать нам больше насущного хлеба. А у кого деньги, сударь, тот старается бедного закабалить, чтобы на его труды даровые еще больше денег наживать... И что слез льется за этими запорами, невидимых и неслышимых!»

Отказавшись от мелочного изображения быта, Островский создал ярчайшие символические образы темного и страшного мира — Кабаниху и Дикого — и гениально нарисовал трагический образ русской женщины — Катерины. Из Колумба Замоскворечья Островский превратился в настоящего всенародного писателя, родоначальника русской национальной драмы.

Пьеса имела необычайный успех. Академия наук наградила ее премией, автор же был неоспоримо признан первым русским драматургом.

«Гроза» вызвала появление второй большой статьи Добролюбова об Островском — «Луч света в темном царстве», в которой гениальный критик еще более ярко раскрыл общественное значение творчества Островского.

Цензурные преследования не позволили Добролюбову сказать все до конца, и ему приходилось прибегать к «эзоповскому языку» намеков и недоговоренностей.

«Если же наши мысли, — писал он, — сообразны с пьесой, то мы просим ответить еще на один вопрос: точно ли русская живая натура выразилась в Катерине, точно ли русская обстановка во всем ее окружающем, точно ли потребность возникающего движения русской жизни сказались в смысле пьесы, как она понята нами?.. Ежели наши читатели, сообразив наши заметки, найдут, что точно русская жизнь и русская сила вызваны художником в «Грозе» на решительное дело, и если они почувствуют законность и важность этого дела, тогда мы довольны, что бы ни говорили наши ученые и литературные судьбы».

Дело, о котором писал Добролюбов, — это намечавшийся в те годы революционный подъем. В сильном характере Катерины Добролюбов увидел начало протеста слабых, угнетенных, обиженных; с образом Катерины он связывал начало революционного пробуждения народа.

Начиная с этого времени Островский все больше сближается с Некрасовым и редакцией «Современника» — Тургеневым, Григоровичем, Толстым. Печатаясь в «Совре-

меннике» с 1857 года, он поддерживал тесную связь с его редакцией вплоть до запрещения журнала. С 1868 года, когда Некрасов и Салтыков-Щедрин приобрели «Отечественные записки», Островский стал постоянным сотрудником и этого органа революционной демократии. До запрещения «Отечественных записок» в 1884 году он деятельно сотрудничал в этом журнале, поместив в нем двадцать два своих произведения.

Между тем царская цензура продолжала преследовать драматурга. Его пьеса «Доходное место», о которой он сказал: «там будут наши гражданские слезы», была категорически воспрещена к представлению во всех театрах. Прославленная его комедия «Свои люди — сочтемся» попала на сцену только в 1861 году — через двенадцать лет после написания, — да и то в изуродованном цензурой виде. Автору пришлось ввести в конец пьесы полицейского, который извещает Подхалюзина о ссылке его в Сибирь. Порок, таким образом, наказывался, а добродетель торжествовала.

Глубокое изучение родной истории уже давно толкало Островского на драматическое воплощение одного из наиболее героических эпизодов в жизни русского народа. Работа над новой пьесой растянулась почти на пять лет. Только в 1862 году драматург наконец закончил работу над этой замечательной исторической хроникой, которую назвал «Козьма Захарьевич Минин-Сухорук».

Исторический эпизод, избранный Островским, неоднократно обрабатывался драматургами. Но Островский впервые сделал героем своей пьесы народ, впервые вывел на сцену Минина не как посланца божьего, а как всенародного избранника, защитника демократических прав.

Я делу земскому рожден. Я вырос
На площади, между народных сходов.
Я рано плакал о народном горе,
И, не по летам, тяжесть земской службы
Я на плечах носил своей охотой.
Соблазну власти я не поддавался;
И как пчелка бережет цыплят,
Так я берег от властных и богатых
Молодшую, обидимую братью.

Только с большим трудом удалось напечатать пьесу в «Современнике», но, несмотря на то что из кабинета царя автору был пожалован бриллиантовый перстень, царская цензура не разрешила «Минина» к постановке, находя пьесу «несвоевременной». И патриотическая хроника гениального драматурга, изображающая героическую

борьбу русского народа с иностранными захватчиками, несколько лет пролежала в архиве Третьего отделения.

Только в 1864 году, когда Островскому перевалило уже за сорок лет, начался сравнительно спокойный период в жизни писателя. Но, несмотря на то что его пьесы шли во всех театрах России, принося казне миллионные доходы, драматург постоянно нуждался в деньгах, и часто ему приходилось брать работу ради заработка — заниматься переводами и переделками чужих пьес.

В своем уютном доме в Серебряниках, одетый в любимый халат, он обдумывал новые произведения, много читал, принимал многочисленных друзей. Бесконечно добродушный, мягкий, готовый отдать все любому просителю, он тем не менее имел много врагов, которые не любили его за исключительную честность и прямоту. Но постоянная журнальная брань никак не действовала на писателя, верившего в лучшее будущее своих произведений.

Изредка он ездил в Петербург, а лето обычно проводил в своем любимом Щелькове, где именовал «отдыхом» еще более интенсивную работу, чем в Москве. Щельково он любил до самозабвения: «Настоящее Щельково настолько лучше воображаемого, насколько природа лучше мечты. Дом стоит на высокой горе, которая справа и слева изрыта такими восхитительными оврагами, покрыта кудрявыми сосенками и липами, что никак не выдумаешь ничего подобного».

Островский читал необычайно много и был очень образованным человеком. Особенно хорошо он был знаком с драматической литературой всех народов. Ему принадлежат превосходные переводы пьес Шекспира, комедий итальянских писателей Гольдони и Гоцци, пьес гениального испанского классика Сервантеса, древнеримского писателя Теренция и многих других авторов. Он в совершенстве знал английский и итальянский языки, хорошо — латинский и говорил по-французски, по-немецки и по-испански.

Несколько раз он бывал за границей, где всегда с особой любовью изучал памятники искусства.

Островский очень любил и хорошо знал народную песню, — недаром в его пьесах так часто поют. Но главной его силой был русский язык. Владел он им в совершенстве: он знал народные говоры разных губерний, знал язык всех сословий, профессиональный язык московских ремесленников и торговых людей и не только знал, но и

умел применить в своих произведениях. Одно из главных достоинств пьес Островского — исключительное мастерство языка. По умению строить диалог он не имеет себе равных во всей русской литературе.

За двадцать лет — с 1863 по 1884 год — им было написано тридцать пьес, не считая переводов и пьес, написанных совместно с другими авторами. К этому периоду относятся такие его шедевры, как исторические пьесы «Воевода» и «Василиса Мелентьева», комедии «Горячее сердце», «Бешенные деньги» и «Лес», волшебная сказка «Снегурочка», вся построенная на народных песнях и обрядах, замечательные пьесы «Волки и овцы», «Бесприданница», «Таланты и поклонники».

Перед читателями и зрителями прошла целая вереница замечательно верно изображенных типов старой России: разорившийся дворянин Вихорев — хлыщ и искатель богатой невесты («Не в свои сани не садись»), помещица Мурзавецкая, поддерживающая свое благосостояние ростовщицеством и обманом («Волки и овцы»), купец-самодур Ахов («В чужом пиру похмелье»), всемогущий подрядчик Хлынов («Горячее сердце»), и, с другой стороны, такие люди, как самоучка Кулигин («Гроза»), бедный студент Мелузов («Таланты и поклонники»), нищий трагик Несчастливцев («Лес»), бросающий всему миру сытых и богатых гневные слова: «Комедианты? Нет, мы артисты, благородные артисты, а комедианты — вы. Мы коли любим, так уж любим, коли не любим, так ссоримся. А вы? Вы всю жизнь толкуете о благе общества, о любви к человечеству. А что вы сделали? Кого накормили? Кого утешили?.. Вы комедианты, шуты, а не мы!»

Вся русская жизнь отразилась в пьесах Островского, отразилась со всеми ее хорошими и дурными чертами. Образы Островского, выхваченные с гениальной наблюдательностью из самой гущи народной жизни и обобщенные в общечеловеческие типы, стали бессмертными именно благодаря своей связи с действительностью. В этом основная жизненная сила драматургии Островского.

В одной своей статье о Диккенсе Островский сам определил задачи писателя следующим образом:

«Для того чтобы быть народным писателем, мало одной любви к родине, — любовь дает только энергию, чувство, а содержания не дает, — надобно еще знать хорошо свой народ, сойтись с ним покороче, сродниться. Самая лучшая школа для художественного таланта есть изучение своей народности, а воспроизведение ее в ху-

дожественных формах — самое лучшее поприще для творческой деятельности. Изучение изящных памятников древности, изучение новейших теорий искусства пусть будет приготовлением художнику к священному делу изучения своей родины, пусть с этим запасом входит он в народную жизнь, в ее-интересы и ожидания».

Кроме интенсивной литературной работы, Островский принимал самое горячее участие в московской жизни как общественный деятель.

В 1864 году Литературный фонд избрал Островского в комиссию по празднованию трехсотлетнего юбилея Шекспира как одного из лучших знатоков жизни и творчества великого английского драматурга. Чествование, однако, не состоялось: по царскому повелению оно было признано неудобным «как чествование иностранного писателя».

В 1866 году Островский был одним из организаторов «Артистического кружка» в Москве. Задачей этого кружка было устройство концертов, литературных чтений и диспутов, «распространение в публике правильных понятий о всех отраслях изящных искусств и развитие ее эстетического вкуса», а также «доставление начинающим артистам и художникам возможности сделаться известными публике». На много лет «Артистический кружок» сделался средоточием театральной жизни в Москве и своеобразной школой для актеров. Островский принимал деятельное участие в его работе и считал день открытия кружка одним из лучших в своей жизни.

Островский был также главным организатором «Общества русских драматических писателей». Со дня открытия общества в 1874 году и до самой своей смерти он был его бессменным председателем.

Бесспорная всероссийская слава Островского постепенно проникла и за границу. В 1874 году «Гроза» была переведена на французский язык. Тургенев усиленно хлопотал о написании французской монографии об Островском. А всемирно известный писатель в то время даже не имел средств на поездку за границу для лечения.

Еще не старым годами, Островский заметно начал сдавать: сказывались непомерная многолетняя работа и давняя болезнь. Друзья, зная его тяжелое материальное положение, ходатайствовали о назначении больному драматургу, создавшему репертуар русского театра, хотя бы небольшой пенсии. Ходатайство это было настолько бесспорным, что о назначении пенсии в Петербурге говорили

как о деле решенном, однако царь в пенсии великому драматургу отказал.

1881 год принес стареющему писателю огромную радость. В этом году, через тридцать два года после написания, его комедия «Свои люди — сочтемся» была впервые поставлена на сцене без цензурных искажений. Спектакль превратился в широкое чествование писателя.

Официальное чествование Островского состоялось в 1882 году, в связи с тридцатипятилетием его литературной деятельности. Общие чувства лучше всего выразило письмо Гончарова, который верно определил место Островского в русской литературе:

«Литературе Вы принесли в дар целую библиотеку художественных произведений, для сцены создали свой особый мир. Вы один достроили здание, в основание которого положили краеугольные камни Фонвизин, Грибоедов, Гоголь. Но только после Вас мы, русские, можем с гордостью сказать: у нас есть свой русский, национальный театр. Он по справедливости должен называться: театр Островского».

В 1882 году Островский совершил большое путешествие по Кавказу. Со страстью изучал он кавказские песни и народный быт. Большое впечатление на скромного, хотя и прославленного писателя произвело чествование его в Грузии. Его тронули не овации, не фейерверк с музыкой и речами, а то, что грузинская драматическая труппа дала в день его приезда сборный спектакль: шли две небольшие грузинские пьесы и второй акт «Доходного места» на грузинском языке.

Через рогатки царской цензуры пьесы Островского пробились на сцену всех городов России. Но автор их не был удовлетворен существующим театром. Уже давно он чувствовал, что рамки императорских и частновладельческих театров тесны, что его ждет другой, более широкий, жадный и требовательный зритель, которого не вмещают и не удовлетворяют существующие театры. И по возвращении с Кавказа Островский пишет докладную записку: «Об устройстве в Москве русского народного театра».

«В Москву из отдаленных деревень стекаются рабочие и здесь необходимо подчиняются общеобразовательному влиянию. В этом деле прежде и больше всего действует театр, которого рабочий люд и жаждет. Искусство бессильно только над душами изжившимися, но над ними и все бессильно. Свежую душу театр захватывает властной рукой».

...Драматическая поэзия ближе к народу, чем все другие отрасли литературы. Всякое другое произведение пишется для образованных людей, а драмы и комедии — для всего народа. Эта близость к народу нисколько не унижает драматической поэзии, а, напротив, удваивает ее силы и не дает ей опошлиться и измельчать: только те произведения пережили века, которые были истинно народными у себя дома. Такие произведения со временем делаются понятными и ценными и для других народов, а наконец и для всего света».

Но мечта Островского о народном театре так и осталась мечтой.

Зато в 1886 году исполнилось другое заветное желание Островского: он был назначен заведующим репертуарной частью московских театров. Тридцать пять лет назад он мечтал о такой работе, но осуществление желания пришло слишком поздно.

«Я достиг цели стремления всей моей жизни и с ужасом ощутил, что взятая мною на себя задача мне уже не по силам. Дали белке за ее верную службу целый воз орехов, да только тогда, когда у нее уже зубов не стало... Я чувствую, что у меня нехватает сил и твердости провести в дело, на пользу родного искусства те заветные убеждения, которыми я жил, которые составляют мою душу. Это положение глубоко трагическое».

Несмотря на слабость и усиление болезни, Островский энергично взялся за дело обновления репертуара московских театров. Его огромные знания и любовь к театру были залогом того, что все отрасли театрального искусства будут им подняты и реорганизованы. Но чаяниям друзей не суждено было сбыться.

Уже через несколько месяцев после вступления в должность давняя болезнь Островского — застарелый невроз сердца — обострилась. В конце мая, совсем больной, он уехал к себе в Щелыково, чтобы больше не возвращаться. 2 июня 1886 года великого драматурга не стало.

Но драматургия Островского не умерла: ей была суждена долгая и славная жизнь.

Пьесам Островского не нужно было завоевывать сцены — они шли в столицах и провинции, без них был немислим репертуар любого театра. Но это было далеко от того, о чем мечтал драматург.

Островского не понимали, извращали, объявляли то «купеческим писателем», то формалистом. Плохие актеры не умели понять и раскрыть его гениальные образы, без-

дарные последователи и подражатели, наводнявшие репертуар своими ремесленными пьесами, пытались низвести гениального драматурга до своего уровня, критики объявляли его «устаревшим».

Но широкий зритель сквозь все рогатки и препятствия находил путь к Островскому, к его человечному и народному творчеству.

Прошло пятьдесят лет со дня смерти писателя, и мечты его осуществились: народный театр существует, пьесы Островского имеют невиданную в мире аудиторию, его творчество понято и оценено по достоинству. Советский театр гордится тем, что Островский не сходит с репертуара, волнуя и трогая все новые и новые поколения. Только сейчас, в стране победившего социализма, сбылись слова Льва Толстого, писавшего Островскому незадолго до его смерти:

«Цель наша издавать то, что доступно, понятно, нужно всем, а не маленькому кружку людей. Из всех русских писателей ни один не подходит ближе тебя к этим требованиям. Я по опыту знаю, как читаются, слушаются и запоминаются твои вещи народом, и потому мне хотелось бы содействовать тому, чтобы ты стал теперь поскорее в действительности тем, что ты есть, — несомненно общенародным в самом широком смысле писателем».

К. Андреев

СВОИ ЛЮДИ — СОЧТЕМСЯ

Оригинальная комедия в четырех действиях

действующие лица:

Самсон Силыч Большов, купец.

Аграфена Кондратьевна, его жена.

Олимпиада Самсоновна (Липочка), их дочь.

Лазарь Елизарыч Подхалюзин, приказчик.

Устинья Наумовна, сваха¹.

Сысой Псоич Рисположенский, стряпчий².

Фоминишна, ключница³ } в доме Большова.
Тишка, мальчик }



ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Гостиная в доме Большова.

ЯВЛЕНИЕ I

Липочка (*сидит у окна с книгой*). Какое приятное занятие эти танцы! Ведь уж как хорошо! Что может быть восхитительнее? Придешь в собрание али к кому на свадьбу, сидишь, натурально, вся в цветах, разодета, как игрушка али картинка журнальная, — вдруг подлетает кавалер: «Удостойте счастья, сударыня!» Ну, видишь: если человек с понятием али армейский какой—возьмешь да и прищуришься, отвечаешь: «Извольте, с удовольствием!» Ах! (*С жаром.*) Оча-ро-ва-тель-но! Это просто уму непостижимо! (*Вздыхает.*) Больше всего не люблю я танцевать с студентами да с приказными⁴. То ли дело отличаться с военными! Ах, прелесть! Восхищенье! И усы, и эполеты, и мундир, а у иных даже шпоры с колокольчиками. Одно убийственно, что сабли нет! И для чего они ее отвязывают? Странно, ей-богу! Сами не понимают, как блеснуть очаровательнее! Ведь посмотрели бы на шпоры, как они звенят, особливо если улан али полковник какой разрисовывает, — чудо! Любоваться мило-дорого! Ну, а прицепи-ка он еще саблю: просто ничего не увидишь любопытнее, одного грома лучше музыки наслаждаешься. Уж какое же есть сравнение: военный или штатский? Военный — уж это сейчас видно: и ловкость и все, а штатский что? Так какой-то неодоушевленный! (*Молчание.*) Удивляюсь, отчего это многие дамы, поджавши ножки, сидят? Формально нет никакой трудности выучиться! Вот, уж я на что совестилаась учителя, а в двадцать уроков все решительно поняла. Отчего это не учиться танцевать! Это одно только суеверие! Вот, маменька бывало сердится, что учитель все за коленки хватает. Все это от необразования! Что за важность! Он танцмейстер⁵, а не

кто-нибудь другой. (*Задумывается.*) Воображаю я себе: вдруг за меня посватается военный, вдруг у нас парадный сговор, горят везде свечи, ходят официанты в белых перчатках; я, натурально, в тюлевом либо в газовом платье; тут вдруг заиграют вальс. — А ну как я перед ним оконфужусь! Ах, страм какой! Куда тогда деваться-то? Что он подумает? Вот, скажет, дура необразованная! Да нет, как это можно! Однако я вот уж полтора года не танцевала! Попробую-ко теперь на досуге. (*Дурно вальсируя.*) Раз... два... три... раз... два... три...

ЯВЛЕНИЕ II

Липочка и Аграфена Кондратьевна.

Аграфена Кондратьевна (*входя*). Так, так, бесстыдница! Как будто сердце чувствовало: ни свет, ни заря, не поемши хлеба божьего, да уж и за пляску тотчас!

Липочка. Как, маменька, я и чай пила и ватрушку скушала. Посмотрите-ко, хорошо? Раз, два, три... раз... два...

Аграфена Кондратьевна (*преследуя ее*). Так что ж, что ты скушала? Нужно мне очень смотреть, как ты греховодничаешь!.. Говорю тебе, не вертись!

Липочка. Что за грех такой! Нынче все этим развлекаются. — Раз, два...

Аграфена Кондратьевна. Лучше об стол лбом стучи, да ногами не озорничай! (*Бегает за ней.*) Да что ж ты, с чего ж ты взяла не слушаться!

Липочка. Как не слушаться, кто вам сказал! Не мешайте, дайте кончить, как надобно! Раз... два... три...

Аграфена Кондратьевна. Долго ль же мне бегать за тобой на старости лет! Ух, замучила варварка! Слышишь, перестань! Отцу пожалуюсь!

Липочка. Сейчас, сейчас, маменька! Последний кружок! Вас на то и бог создал, чтобы жаловаться. Сами-то вы не очень для меня значительны! Раз, два...

Аграфена Кондратьевна. Как! Ты еще пляшешь да еще ругаешься! Сию минуту брось! Тебе ж будет хуже: поймаю за юбку, весь хвост оторву.

Липочка. Ну, да рвите на здоровье! Вам же зашивать придется! Вот и будет! (*Садится.*) Фу... фу... как упачилась, словно воз везла! Ух! Дайте, маменька, платочка пот обтереть.

Аграфена Кондратьевна. Постой, уж я сама оботру! Ишь уморилась! А ведь и то сказать, будто не-

волили. Коли уж матери не считаешь, так стен-то бы посовестилась! Отец, голубчик, через великую силу ноги двигает, а ты тут скачешь, как юла какая!

Липочка. Подите вы со своими советами! Что же мне делать, по-вашему? Самой, что ли, хворать прикажете? Вот другой манер, кабы я была докторша! Ух! Что это у вас за отвратительные понятия! Ах, какие вы, маменька, ей-богу! Правó, мне иногда краснеть приходится от ваших глупостей!

Аграфена Кондратьевна. Каково детище-то ненаглядное! Прошу подумать, как она мать-то честит! Ах, ты, болтушка бестолковая! Да разве можно такими речами поносить родителей? Да неужто я затем тебя на свет родила, учила да берегла пуще соломинки?

Липочка. Не вы учили — посторонние; полноте, пожалуйста; вы и сами-то, признаться сказать, ничему не воспитаны. Ну, что ж? Родили вы — я была тогда что? — ребенок, дитя без понятия, не смыслила обращения. А выросла да посмотрела на светский тон, так и вижу, что я гораздо других образованнее. Что же мне, потакать вашим глупостям! Как же! Есть оказия⁹.

Аграфена Кондратьевна. Уймись, эй уймись, бесстыдница! Выведешь ты меня из терпения, прямо отцу пойду, так в ноги и брякнусь: житья, скажу, нет от дочери, Самсонушко!

Липочка. Да, вам житья нет! Воображаю. — А мне есть от вас житья? Зачем вы отказали жениху? Чем не бесподобная партия? Чем не капидон? Что вы нашли в нем легковерного?

Аграфена Кондратьевна. А то и легковерного, что зубоскал! Приехал, ломался-ломался, вертелся-вертелся. Эка невидаль!

Липочка. Да, много вы знаете! Известно, он благородный человек, так и действует по-деликатному. В ихнем кругу всегда так делают. — Да как еще вы смеете порочить таких людей, которых вы и понятия не знаете? Он ведь не купчишка какой-нибудь. *(Шепчет в сторону.)* Душка, милашка!

Аграфена Кондратьевна. Да, хорош душка! Скажите, пожалуйста, жалко, что не отдали тебя за шута за горохового. Ведь ишь ты, блажь-то какая в тебе; ведь это ты назло матери под нос-то шепчешь.

Липочка. Видимый резон⁹, что вы не хотите моего счастья. Вам с тятенькой только кляузы строить да тираничить.

Аграфена Кондратьевна. Ну, как ты хочешь, так думай. Господь тебе судья! И никто не заботится о своем детище, как материнская утроба! Ты вот тут хохришься да разные глупости выколупываешь, а мы с отцом-то денно и нощно заботимся, как бы тебе хорошего человека найти да пристроить тебя поскорее.

Липочка. Да, легко вам разговаривать, а позвольте спросить, каково мне-то?

Аграфена Кондратьевна. Разве мне тебя не жаль, ты думаешь! Да что делать-то! Потерпи малость, уж коли много лет ждала. Ведь нельзя же тебе вдруг жениха найти: скоро-то только кошки мышей ловят.

Липочка. Что мне до ваших кошек! Мне мужа надожно! Что это такое! Страм встречаться с знакомыми, в целой Москве не могли выбрать жениха — все другим да другим. Кого не заденет за живое: все подружки с мужьями давно, а я словно сирота какая! Отыскался вот один, так и тому отказали. Слышите, найдите мне жениха, непременно найдите!.. Вперед вам говорю, непременно сыщите, а то для вас же будет хуже: нарочно, вам назло, по секрету заведу обожателя, с гусаром убегу, да и обвенчаемся потихоньку.

Аграфена Кондратьевна. Что, что, беспутная! Кто вбил в тебя такие скверности? Владыко милосердный, не могу с духом собраться... Ах ты, собачий огрызок! Ну, нечего делать! Видно, придется отца позвать.

Липочка. Только и ладите, что отца да отца; бойки вы при нем разговаривать-то, а попробуйте-ко сами!

Аграфена Кондратьевна. Так что же, я дура по-твоему, что ли! Какие у тебя там гусары, бесстыжий твой нос! Тьфу ты, дьявольское наваждение! Али ты думаешь, что я не властна над тобой приказывать? Говори, бесстыжие твои глаза, с чего у тебя взгляд-то такой завистливый? Что ты притче матери хочешь быть! У меня ведь недолго, я и на кухню горшки парить пошлю. Ишь ты! Ишь ты! А!.. Ах, матушки вы мои! Посконный⁹ сарафан сошью да вот на голову тебе и надену! С поросятами тебя, вместо родителей-то, посажу!

Липочка. Как же! Позволю я над собой командовать! Вот еще новости!

Аграфена Кондратьевна. Молчи, молчи, таранта¹⁰ Егоровна! Уступи верх матери! Эко семя противное! Словечко пикнешь, так язык ниже пяток пришью. Вот послал господь утешенье! Девчонка хабальная!¹¹

Мальчишка ты шельмец, и на уме-то у тебя все не женское! Готова, чай, на лошадь по-солдатски вскочить!

Липочка. Вы, я воображаю, приплетете скоро всех буточников¹². Уж молчали бы лучше, коли не так воспитаны. Все я скверна, а сами-то вы каковы после этого! Что, вам угодно спровадить меня на тот свет прежде времени, извести своими капризами? (Плачет.) Что ж, — пожалуй, я уж и так, как муха какая, кашляю. (Плачет.)

Аграфена Кондратьевна (стоит и смотрит на нее). Ну, полно, полно!

Липочка плачет громче и потом рыдает.

Ну полно ты, полно! Говорят тебе, перестань! Ну я виновата, перестань только, я виновата.

Липочка плачет.

Липочка! Липа! Ну, будет! Ну, перестань! (Сквозь слезы.) Ну, не сердись ты на меня (плачет)... бабу глупую... неученую... (Плачут обе вместе.) Ну, прости ты меня... Сережки куплю.

Липочка (плача). На что мне сережки ваши, у меня и так полон туалет. А вы купите браслеты с изумрудами.

Аграфена Кондратьевна. Куплю, куплю, только ты плакать-то перестань!

Липочка (сквозь слезы). Тогда я перестану, как за муж выду. (Плачет.)

Аграфена Кондратьевна. Выдешь, выдешь, голубчик ты мой! Ну, поцелуй меня! (Целуются.) Ну, Христос с тобой! Ну, дай я тебе слезки оботру. (Обтирает.) Вот, нынче хотела Устинья Наумовна притти, мы и потолкуем.

Липочка (голосом, еще не успокоившимся). Ах, кабы она поскорей пришла!

ЯВЛЕНИЕ III,

Те же и Фоминишна.

Фоминишна. Угадайте-ко, матушка Аграфена Кондратьевна, кто к нам изволил пожаловать?

Аграфена Кондратьевна. Не умею сказать. Да что я тебе, бабка-угадка, что ли, Фоминишна?

Липочка. Отчего ж ты у меня не спросишь? Что я глупее, что ли, вас с маменькой?

Фоминишна. Уж и не знаю, как сказать; на словах-то ты у нас больно прытка, а на деле-то вот и нет тебя. Просила, просила, не токма чтобы что такое, подари

хоть платок, валяется у тебя вороха два без призрения, так все нет, все чужим да чужим.

А графена Кондратьевна. Вот уж этого, Фоминишна, я до скончания не разберу.

Липочка. Ишь она! Знать, пивца хлебнула после завтрака, налепила тут чудеса в решете.

Фоминишна. Вестимо так; что смеяться-то? Каково скончание, Аграфена Кондратьевна, бывает и начало хуже конца.

Аграфена Кондратьевна. С тобой не разъедешься! Ты коли уж начнешь толковать, так только ушами хлопай. Кто ж такой там пришел-то?

Липочка. Мужчина али женщина?

Фоминишна. У тебя всё мужчины в глазах-то прыгают. Да где ж это таки видано, что мужчина ходит в чепчике? Вдове дело — как следует назвать?

Липочка. Натурально, незамужняя, вдова.

Фоминишна. Стало быть, моя правда? И выходит, что женщина!

Липочка. Эка бестолковая! Да кто женщина-то?

Фоминишна. То-то вот, умна, да недогадлива: не кому другому и быть, как не Устинье Наумовне.

Липочка. Ах, маменька, как это кстати!

Аграфена Кондратьевна. Где ж она до сих пор? Веди ее скорее, Фоминишна.

Фоминишна. Сама в секунту явится; остановилась на дворе, с дворником бранится: не скоро калитку отпер.

ЯВЛЕНИЕ IV

Те же и Устинья Наумовна.

Устинья Наумовна (входя). Уф, фа, фа! Что это у вас, серебряные, лестница-то какая крутая: лезешь, лезешь, насилу вползешь.

Липочка. Ах, да вот и она! Здравствуй, Устинья Наумовна!

Устинья Наумовна. Не больно спеша! Есть и постарше тебя! Вот с маменькой-то покалякаем прежде. (Целуясь.) Здравствуй, Аграфена Кондратьевна, как встала, ночевала, всё ли жива, бразилантовая?

Аграфена Кондратьевна. Слава создателю! Живу — хлеб жую, целое утро вот с дочкой балясничала¹².

Устинья Наумовна. Чай, об нарядах все. (Целуясь с Липочкой.) Вот и до тебя очередь дошла. Что это

ты словно потолстела, изумрудная? Пошли творец! Чего ж лучше, как не красотой цвести!

Фоминишна. Тыфу ты, греховодница! Еще сглазишь, пожалуй.

Липочка. Ах, какой вздор! Это тебе так показалось, Устинья Наумовна. Я все хирею: то колики, то сердце бьется, как маятник; все как словно тебя подманивает али плывешь по морю, так вот и рябит меланхолия¹⁴ в глазах.

Устинья Наумовна (Фоминишне). Ну, и с тобой, божья старушка, поцелуемся уж кстати. Правда, на дворе ведь здоровалась, серебряная, стало быть, и губы трепать нечего.

Фоминишна. Как знаешь. Известно, мы не хозяйева, лыком шитая мелкота, а и в нас тоже душа, а не пар!

Аграфена Кондратьевна (садясь). Садись, садись, Устинья Наумовна; что как пушка на колесах стоишь! Поди-ко вели нам, Фоминишна, самоварчик согреть.

Устинья Наумовна. Пила, пила, жемчужная, провалиться на месте — пила, и забежала-то так, на минуточку.

Аграфена Кондратьевна. Что же ты, Фоминишна, проклажаешься? Беги, мать моя, проворнее.

Липочка. Позвольте, маменька, я поскорей сбегая; видите, какая она неповоротливая.

Фоминишна. Уж не финти, где не спрашивают! А я, матушка Аграфена Кондратьевна, вот что думаю: не пригожее ли будет подать бальсанцу¹⁵ с селедочкой.

Аграфена Кондратьевна. Ну, бальсан бальсаном, а самовар самоваром. Аль тебе жалко чужого добра? Да, как поспеет, вели сюда принести.

Фоминишна. Как же уж! Слушаю! (Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ V

Те же без Фоминишны.

Аграфена Кондратьевна. Ну, что, новенького нет ли чего, Устинья Наумовна? Ишь у меня девка-то стосковалась совсем.

Липочка. И в самом деле, Устинья Наумовна, ты ходишь, ходишь, а толку нет никакого.

Устинья Наумовна. Да ишь ты, с вами не скоро сообразишь, бралиянтовые. Тятенька-то твой ладит за богатого: мне, говорит, хотя Федот от проходных ворот, лишь бы денежки водились да приданого поменьше ло-

мил. Маменька-то вот, Аграфена Кондратьевна, тоже не ровит в свое удовольствие: подавай ты ей беспременно купца, да чтобы был жалованный, да лошадей бы хороших держал, да и лоб-то крестил бы по-старинному. У тебя тоже свое на уме. Как на вас угодишь?

ЯВЛЕНИЕ VI

Те же и Фоминишна, входит, ставит на стол водку с закуской.

Липочка. Не пойду я за купца, ни за что не пойду. За тем разве я так воспитана: училась и по-французски и на фортепьянах, и танцевать! Нет, нет! Где хочешь возьми, а достань благородного.

Аграфена Кондратьевна. Вот ты и толкуй с ней.

Фоминишна. Да что тебе дались эти благородные? Что в них за особенный вкус? Голый на голом, да и христианства-то никакого нет: ни в баню не ходит, ни пирогов по праздникам не печет; а ведь хошь и замужем будешь, а надоест тебе соус-то с подливкой.

Липочка. Ты, Фоминишна, родилась между мужиков и ноги протянешь мужичкой. Что мне в твоём купце? Какой он может иметь вес? Где у него амбиция? Мочалка-то его, что ли, мне нужна?

Фоминишна. Не мочалка, а божий волос, сударыня, так-то-сь!

Аграфена Кондратьевна. Ведь и тятенька твой не оболваненный¹⁷ какой, и борода-то тоже не обшарканная, да целуешь же ты его как-нибудь.

Липочка. Одно дело тятенька, а другое дело — муж. Да что вы пристали, маменька? Уж сказала, что не пойду за купца, так и не пойду! Лучше умру сейчас, до конца всю жизнь выплачу; слез не достанет, перцу наемся.

Фоминишна. Никак, ты плакать собираешься? И думать не моги! И тебе как в охоту дразнить, Аграфена Кондратьевна!

Аграфена Кондратьевна. А кто ее дразнит? Сама привередничает.

Устинья Наумовна. Пожалуй, уж коли тебе такой апекит, найдем тебе и благородного. Какого тебе: по-солидней или поподжаристей?

Липочка. Ничего и потолще, был бы собою не мал. Конечно, лучше уж рослого, чем какого-нибудь мухортика¹⁸. И пуще всего, Устинья Наумовна, чтобы не кур-

носого, беспременно чтобы был бы брюнет; ну, понятное дело, чтобы и одет был по-журнальному¹⁹. (Смотрит в зеркало.) Ах, господи! а сама-то я нынче вся, как веник, растрепана.

Устинья Наумовна. А есть у меня теперь жених вот точно такой, как ты, бралиянтовая, расписываешь: и благородный, и рослый, и брюле.

Липочка. Ах, Устинья Наумовна! Совсем не брюле, а брюнет.

Устинья Наумовна. Да, очень мне нужно, на старости лет, язык-то ломать по-твоему; как сказалося, так и живет. И крестьяне есть, и орген на шее. Ты вот поди оденься, а мы с маменькой-то потолкуем об этом деле.

Липочка. Ах, голубушка Устинья Наумовна, зайди ужо ко мне в комнату: мне нужно поговорить с тобой. Пойдем, Фоминишна.

Фоминишна. Ох уж ты мне, егоза!

Уходят.

ЯВЛЕНИЕ VII

Аграфена Кондратьевна и Устинья Наумовна.

Аграфена Кондратьевна. Не выпить ли нам перед чаем-то бальсанцу, Устинья Наумовна?

Устинья Наумовна. Можно, бралиянтовая, можно.

Аграфена Кондратьевна (наливает). Кушай-ко на здоровье!

Устинья Наумовна. Да ты бы сама-то прежде, яхонтовая! (Пьет.)

Аграфена Кондратьевна. Еще поспею!

Устинья Наумовна. Уах! Фу! Где это вы берете зелье этакое?

Аграфена Кондратьевна. Из винной конторы. (Пьет.)

Устинья Наумовна. Ведрами, чай?

Аграфена Кондратьевна. Ведрами. Что уж по малости-то напасешься ль? У нас ведь расход большой.

Устинья Наумовна. Что говорить, матушка, что говорить! Ну, уж хлопотала, хлопотала я для тебя, Аграфена Кондратьевна, гранила, гранила мостовую-то, да уж и выкопала жениха: ахнете, бралиянтовые, да и только.

Аграфена Кондратьевна. Насилу-то умное словцо вымолвила.

Устинья Наумовна. Благородного происхождения и значительный человек; такой вельможа, что вы и во сне не видывали.

Аграфена Кондратьевна. Видно, уж попросить у Самсона Силыча тебе парочку арабчиков *.

Устинья Наумовна. Ничего, жемчужная, возьму. И крестьяне есть, и орган на шее, а умен как, просто тебе истукан золотой.

Аграфена Кондратьевна. Ты бы, Устинья Наумовна, вперед доложила, что за дочерью у нас не горы, мол, золотые.

Устинья Наумовна. Да у него своих девать некуда.

Аграфена Кондратьевна. Хорошо бы это, уж и больно хорошо; только вот что, Устинья Наумовна, сама ты, мать, посуди, что я буду с благородным-то зятем делать! Я и слова-то сказать с ним не умею, словно в лесу.

Устинья Наумовна. Оно точно, жемчужная, дико сначала-то, ну а потом привыкнешь, обойдетесь как-нибудь. Да вот с Самсон Силычем надо потолковать: может, он его и знает, этого человека-то.

ЯВЛЕНИЕ VIII

Те же и Рисположенский.

Рисположенский (входя). А я к вам, матушка Аграфена Кондратьевна. Толконулся было к Самсону Силычу, да занят, вижу; так я думаю: зайду, мол, я к Аграфене Кондратьевне. Что, это водочка у вас? Я, Аграфена Кондратьевна, рюмочку выпью. (Пьет.)

Аграфена Кондратьевна. Кушай, батюшка, на здоровье! Садиться милости просим: как живете-можете?

Рисположенский. Какое уж наше житье! Так, небо копит, Аграфена Кондратьевна; сами знаете: семейство большое, детишки маленькие. А не ропщу, роптать грех, Аграфена Кондратьевна.

Аграфена Кондратьевна. Уж это, батюшка, последнее дело.

Рисположенский. Кто ропщет, тот, значит, богу противится, Аграфена Кондратьевна. Вот какая была история...

Аграфена Кондратьевна. Как тебя звать-то, батюшка? Я все позабываю.

Рисположенский. Сысой Псоич, матушка Аграфена Кондратьевна.

Устинья Наумовна. Как же это так: Псович, серебряный? По-каковски же это?

Рисположенский. Не умею вам сказать дополненно; отца звали Псой — ну, стало быть, я Псоич и выхожу.

Устинья Наумовна. А Псович, так Псович; что ж, это ничего, и хуже бывает, бралиянтовый.

Аграфена Кондратьевна. Так какую же ты, Сысой Псович, историю-то хотел рассказать?

Рисположенский. Так вот, матушка Аграфена Кондратьевна, была история: не то чтобы притча али сказка какая, а истинное происшествие. Я, Аграфена Кондратьевна, рюмочку выпью. (Пьет.)

Аграфена Кондратьевна. Кушай, батюшка, кушай.

Рисположенский (садится). Жил старец, масти-тый²¹ старец... Вот уж я, матушка, забыл где, а только в стороне таксй... необитаемой. Было у него, сударыня ты моя, двенадцать дочерей — мал мала меньше. Сам работать не в силах, жена тоже старуха старая, дети еще малые, а пить-есть надобно. Что было добра, под старость всё прожили, поить-кормить некому! Куда деться с малыми ребятами? Вот он так думать, эдак думать — нет, сударыня ты моя, ничего уж тут не придумаешь. Пойду, говорит, я на распутие: не будет ли чего от доброхотных дателей. День сидит — бог подаст, другой сидит — бог подаст: вот он, матушка, и всзрптал.

Аграфена Кондратьевна. А, батюшки!

Рисположенский. Господи, говорит, не злои-мец²² я, не лихоимец²³ я... лучше, говорит, на себя руки наложить²⁴.

Аграфена Кондратьевна. Ах, батюшка мой!

Рисположенский. И бысть ему, сударыня ты моя, сон в нощи...

Входит Большов.

ЯВЛЕНИЕ IX

Те же и Большов.

Большов. А! и ты, барин, здесь! Что это ты тут пропсведуешь?

Рисположенский (кланяется). Все ли здоровы, Самсон Силыч?

Устинья Наумовна. Что это ты, яхонтовый, похудел словно? Аль увечеье какое напало?

Большов (садясь). Простудился, должно быть, либо геморой, что ли, расхотился.

Аграфена Кондратьевна. Ну, так, Сысой Псович, что же ему дальше-то было?

Рисположенский. После, Аграфена Кондратьевна, после доскажу, на свободе как-нибудь забегу в сумеречки и расскажу.

Большов. Что это ты, али за святость взялся? Ха, ха, ха! Пора очувствоваться.

Аграфена Кондратьевна. Ну, уж ты начнешь! Не дашь по душе потолковать.

Большов. По душе!.. Ха, ха, ха... А ты сприси-ко, как у него из суда дело пропало; вот эту историю-то он тебе лучше расскажет.

Рисположенский. Ан нет же, и не пропало! Вот и неправда, Самсон Силыч!

Большов. А за что же тебя оттудова выгнали?

Рисположенский. А вот за что, матушка Аграфена Кондратьевна. Взял я одно дело из суда домой, да дорогой-то с товарищем и завернули, человек слаб, ну, понимаете... с позволенья сказать, хошь бы в погребок... там я его оставил, да хмельной-то, должно быть, и забыл. Что ж, со всяким может случиться. Потом, сударыня моя, в суде и хватились этого дела-то: искали, искали, я и на дом-то ездил два раза с экзекутором²⁵ — нет как нет! Хотели меня суду предать, а тут я и вспомнил, что, должно быть, мол, я его в погребке забыл. Поехали с экзекутором — оно там и есть.

Аграфена Кондратьевна. Что ж! Не токма что с пьющим, и с непьющим бывает. Что ж за беда такая!

Большов. Как же тебя в Камчатку не сослали?

Рисположенский. Уж и в Камчатку! А за что, позвольте вас спросить, за что в Камчатку-то сослать?

Большов. За что! За безобразие! Так неужели ж вам потакать? Этак вы с кругу сопьетесь.

Рисположенский. Ан вот простили. Вот, матушка Аграфена Кондратьевна, хотели меня суду предать за это за самое. Я сейчас к генералу к нашему, бух ему в ноги! Ваше, говорю, превосходительство! Не погубите! Жена, говорю, дети маленькие! Ну, говорит, бог с тобой, лежачего не бьют, подавай, говорит, в отставку, чтоб я и не видал тебя здесь. Так и протил. — Что ж! Дай бог

ему здоровья! Он меня и теперь не забывает; иногда забежишь к нему на празднике: что, говорит, ты, Сысой Псоич? — С праздником, мол, ваше превосходительство, поздравить пришел. — Вот, к Троице ходил недавно, просвирку ему принес. Я, Аграфена Кондратьевна, рюмочку выпью. (Пьет.)

Аграфена Кондратьевна. Кушай, батюшка, на здоровье! А мы с тобой, Устинья Наумовна, пойдем-ко, чай, уж самовар готов; да покажу я тебе, есть у нас кой-что из приданого новенького.

Устинья Наумовна. У вас, чай, и так вороха наготовлены, бралиянтовая.

Аграфена Кондратьевна. Что делать-то! Материи новые вышли, а нам будто не стать за них деньги платить.

Устинья Наумовна. Что говорить, жемчужная! Свой магазин, все равно что в саду растет.

Уходят.

ЯВЛЕНИЕ X

Большов и Рисположенский.

Большов. А что, Сысой Псоич, чай, ты с этим крючкотворством²⁸ на своем веку много чернил извел?

Рисположенский. Хе, хе... Самсон Силыч, материал недорогой. А я вот забежал понаведаться, как ваши делишки.

Большов. Забежал ты! А тебе больно знать нужно! То-то вот вы подлый народ такой, кровопийцы какие-то: только б вам пронохать что-нибудь эдакое, так уж вы и вьетесь тут с вашим дьявольским наущением.

Рисположенский. Какое же может произойти, Самсон Силыч, от меня наущение? Да и что я за учитель такой, когда вы сами, может быть, в десять раз меня умнее? — Меня что попросят, я сделаю. Что ж не сделать! Я бы свинья был, когда б не сделал; потому что я, можно сказать, облагодетельствован вами и с ребяташками. А я еще довольно глуп, чтобы вам советовать; вы свое дело сами лучше знаете.

Большов. Сами знаете! То-то вот и беда, что наш брат, купец, дурак, ничего он не понимает, а таким пиявкам, как ты, это и наруку. Ведь вот, ты теперь все пороги у меня обобьешь таскамшись-то.

Рисположенский. Как же мне не таскаться-то!

Кабы я вас не любил, я бы к вам и не таскался. Разве я не чувствую? Что ж я, в самом деле, скот, что ли, какой бессловесный?

Большов. Знаю я, что ты любишь, — все вы нас любите; только путного от вас ничего не добьешься. Вот я теперь маюсь, маюсь с делом-то, так измучился, поверишь ли ты, мнением только этим одним. Уж хоть бы поскорей, что ли, да из головы вон.

Рисположенский. Что ж, Самсон Силыч, не вы первый, не вы последний; нешто другие-то не делают?

Большов. Как не делать, брат; и другие делают. Да еще как делают-то: без стыда, без совести! На лежащих лесорах ездят, в трехэтажных домах живут; другой такой бельведер²⁷ с колоннами выведет, что ему с своей образиной и войти-то туда совестно; а там и капут, и взять с него нечего. Коляски эти разъедутся неизвестно куда, дома все заложены, останется ль, нет ли кредиторам-то²⁸ старых сапогов пары три. Вот тебе вся недолга. Да еще и обманет-то кого: так бедняков каких-нибудь, пустит в одной рубашке по миру. А у меня кредиторы все люди богатые, что им сделается!

Рисположенский. Известное дело. Что ж, Самсон Силыч, все это в наших руках.

Большов. Знаю, что в наших руках, да сумеешь ли ты это дело сделать-то? Вель вы народец тоже! Я уж вас знаю! На словах-то вы прытки, а там и пошел блудить.

Рисположенский. Да что вы, Самсон Силыч, помилуйте, нешто мне в первый раз! Уж еще этого-то не знать! Хе, хе, хе... Да такие ли я дела делал, да с рук сходило. Другого-то за такие штуки уж заслали бы давно, куда Макар телят не гонял.

Большов. Ой ли? Так какую же ты механику подсмолишь?

Рисположенский. А там, глядя по обстоятельствам. Я, Самсон Силыч, рюмочку выпью. (Пьет.) Вот, первое дело, Самсон Силыч, надобно дом да лавку заложить, либо продать. Это уж первое дело.

Большов. Да, это точно надобно сделать заблаговременно. На кого бы только эту обузу свалить? Да вот разве на жену?

Рисположенский. Незаконно, Самсон Силыч! Это незаконно! В законах изображено, что таковые пролажи недействительны. Оно ведь сделать-то недолго, да чтоб крючков после не вышло. Уж делать, так надо, Самсон Силыч, прочней.

Большов. И то дело, чтоб оглядок не было.

Рисположенский. Как на чужого-то закрепишь, так уж и придраться-то не к чему. Спорь после поди против подлинных-то бумаг.

Большов. Только вот что беда-то: как закрепишь на чужого дом-то, а он, пожалуй, там и застрянет, как блоха на войне.

Рисположенский. Уж вы ищите, Самсон Силыч, такого человека, чтобы он совесть знал.

Большов. А где ты его найдешь нынче? Нынче всякий норовит, как тебя за ворот ухватить, а ты совети захотел.

Рисположенский. А я вот как мекаю, Самсон Силыч, хотите вы меня слушайте, хотите вы нет: каков человек у вас прикащик?

Большов. Который? Лазарь, что ли?

Рисположенский. Да, Лазарь Елизарыч.

Большов. Ну, а на Лазаря, так и пускай на него; он малый с понятием, да и капиталец есть.

Рисположенский. Что же, прикажете, Самсон Силыч, закладную²⁹ или купчую?³⁰

Большов. А с чего процентов меньше, то и варгань³¹. Как сделаешь все в акурате, такой тебе, Сысой Псоич, магарыч³² поставлю, просто сказать, угоришь.

Рисположенский. Уж будьте покойны, Самсон Силыч, мы свое дело знаем. А вы Лазарю-то Елизарычу говорили об этом деле или нет? Я, Самсон Силыч, рюмочку выпью. (Пьет.)

Большов. Нет еще. Вот нынче потолкуем. Он у меня парень-то дельный, ему только мигни, он и понимает. А уж сделает-то что, так пальца не подсунешь. — Ну! заложим мы дом, а потом что?

Рисположенский. А потом напишем реэстрик³³, что вот, мол, так и так, по двадцати пяти копеек за рубль: ну, и ступайте по кредиторам. Коли кто больно зартачится³⁴, так можно и прибавить, а другому сердитому и все заплатить... Вы ему заплатите, а он чтобы писал, что по сделке получил по двадцати пяти копеек, так, для видимости, чтобы другим показать. Вот, мол, так и так; ну, и другие, глядя на них, согласятся.

Большов. Это точно, поторговаться не мешает: не возьмут по двадцати пяти, так полтину возьмут; а если полтины не возьмут, так за семь гривен обеими руками ухватятся. Все-таки барыш. Там что хошь говори, а у меня дочь невеста, хоть сейчас из полы в полу да с двора

долой. Да и самому-то, братец ты мой, отдохнуть пора; проклажались бы мы, лежа на боку, и торговлю всю эту, к чорту. Да вот и Лазарь идет.

ЯВЛЕНИЕ XI

Те же и Подхалюзин (входит).

Большов. Что скажешь, Лазарь? Ты из городу, что ль? Как у вас там?

Подхалюзин. Слава богу-с, идет помаленьку. Сысою Псоичу! (Кланяется.)

Рисположенский. Здравствуйте, батюшка Лазарь Елизарыч! (Кланяется.)

Большов. А идет, так и пусть идет. (Помолчав.)

А вот ты бы, Лазарь, когда на досуге баланец³⁵ для меня сделал, учел бы розничную по панской-то части³⁶, ну и остальное, что там еще. А то торгуем, торгуем, братец, а пользы ни на грош. Али сидельцы³⁷, что ли, грешат, таскают родным да полюбовницам; их бы маленечко усо-вещивал. Что так без барыша-то небо коптить? Аль сноровки не знают? Пора бы, кажется.

Подхалюзин. Как же это можно, Самсон Силыч, чтобы сноровки не знать? Кажется, сам завсегда в городе бываю-с, и завсегда толкуешь им-с.

Большов. Да что же ты толкуешь-то?

Подхалюзин. Известное дело-с, стараюсь, чтобы все было в порядке и как следует-с. Вы, говорю, ребята, не зевайте: видишь, чуть дело подходящее, покупатель, что ли, тумак³⁸ какой подвернулся али цвет с узором какой барышне понравился, взял, говорю, да и накинул рубль али два на аршин.

Большов. Чай, брат, знаешь, как немцы в магазинах наших бар обирают. Положим, что мы не немцы, а христиане православные, да тоже пироги-то с начинкой едим. Так ли? А?

Рисположенский смеется.

Подхалюзин. Дело понятное-с. И мерять-то, говорю, надо тоже поестественнее: тyani да потягивай, только-только чтоб, боже сохрани, как не лопнуло, ведь не нам, говорю, после носить. Ну, а зазеваются, так никто не виноват, можно, говорю, и просто через руку лишний аршин раз пшыгнуть.

Большов. Все единственно: ведь портной украдет же. А? Украдет ведь?

Рисположенский. Украдет, Самсон Силыч, беспрерменно, мошенник, украдет; уж я этих портных знаю.

Большов. То-то вот; все они кругом мошенники, а на нас слава.

Рисположенский. Это точно, Самсон Силыч, это вы правду говорить изволите.

Большов. Эх, Лазарь, плохи нынче барыши: не прежние времена. *(Помолчав.)* Что, ведомости³⁹ принес?

Подхалюзин *(вынимая из кармана и подавая)*: Извольте получить-с.

Большов. Дава-кошь, посмотрим. *(Надевает очки и просматривает.)*

Рисположенский. Я, Самсон Силыч, рюмочку выпью. *(Пьет, потом надевает очки, садится подле Большова и смотрит в газеты.)*

Большов *(читает вслух)*. «Объявления казенные и разных обществ: 1, 2, 3, 4, 5 и 6, от Воспитательного дома»⁴⁰. Это не по нашей части, нам крестьян не покупать. «7 и 8 от Московского Новерситета, от Губернских Правлений»⁴¹, от Приказов Общественного Призрения»⁴². Ну, и это мимо. «От Городской Шестигласной Думы»⁴³. А нутко-сь, нет ли чего! *(Читает.)* «От Московской Городской Шестигласной Думы сим объявляется: не пожелают ли кто взять в содержание нижеозначенные оброчные статьи»⁴⁴. Не наше дело: залогов надоть представлять. «Контора Вдовьего Дома»⁴⁵ сим приглашает... Пускай приглашает, а мы не пойдем. «От Сиротского Суда»⁴⁶. У, самих ни отца, ни матери. *(Просматривает дальше.)* Эге! Вон оно куда пошло! Слушай-ко, Лазарь! «Такого-то года, Сентября 12-го дня, по определению Коммерческого Суда»⁴⁷, первой гильдии⁴⁸ купец Федор Селиверстов Плешков объявлен несостоятельным должником; вследствие чего...» Что тут толковать! Известно, что вследствие бывает. Вот те и Федот Селиверстыч! Каков был туз⁴⁹, а в трубу вылетел. А что, Лазарь, не должен ли он нам?

Подхалюзин. Малость должен-с, сахару для дома брали пудов, никак, тридцать, не то сорок.

Большов. Плохо дело, Лазарь. Ну, да мне-то он сполна отдаст по-приятельски.

Подхалюзин. Сумнительно-с.

Большов. Сочтемся как-нибудь. *(Читает.)* «Московский первой гильдии купец Антип Сысоев Енотов объявлен несостоятельным должником». — За этим ничего нет?

Подхалюзин. За масло постное-с, об великом посту брали бочонка с три-с.

Большов. Вот сухоядцы-то⁵⁰ постники! И богу-то угодить на чужой счет нороят. Ты, брат, степенству-то⁵¹ этому не верь! Этот народ одной рукой крестится, а другой в чужую пазуху лезет! Вот и третий: «Московский второй гильдии купец Ефим Лукин Полуаршинников объявлен несостоятельным должником». Ну, а этот как?

Подхалюзин. Вексель⁵² есть-с!

Большов. Протестован?⁵³

Подхалюзин. Протестован-с. Сам-то скрывается-с.

Большов. Ну, и четвертый тут, Самопалов. Да что они, сговорились, что ли?

Подхалюзин. Уж такой расподлеющий народ-с!

Большов (*ворочая листы*). Да тут их не перечесть до завтрашнего числа. Возьми прочь!

Подхалюзин. Газету-то только пакостят. На все купечество мораль⁵⁴ эдакая.

Молчание.

Рисположенский. Прощайте, Самсон Силыч, я теперь домой побегу: делишки есть кой-какие.

Большов. Да ты бы посидел немножко.

Рисположенский. Нет, ей-богу, Самсон Силыч, не время. Я уж к вам завтра пораньше зайду.

Большов. Ну, как знаешь!

Рисположенский. Прощайте!.. Прощайте, Лазарь Елизарыч! (*Уходит.*)

ЯВЛЕНИЕ XII

Большов и Подхалюзин.

Большов. Вот ты и знай, Лазарь, какова торговля-то! Ты думаешь что! Так вот даром и бери деньги. Как не деньги, скажет, — видал, как лягушки прыгают. На-ко, говорит, вексель. А по векселю-то с иных что возьмешь! Вот у меня есть завалящих тысяч на сто и с протестами; только и дела, что каждый год подкладывай. Хошь за полтину серебра все отдам! Должников-то по ним, чай, и с собаками не сыщешь: которые повымерли, а которые поразбежались, некого и в яму⁵⁵ посадить. А и посадишь-то, Лазарь, так сам не рад: другой так обдержится, что его оттедова куревом не выкуришь. Мне, говорит, и здесь хорошо, а ты проваливай. Так ли, Лазарь?

Подхалюзин. Уж это как и водится.

Большов. Все вексель да вексель! А что такое это вексель? Так, с позволения сказать, бумага, да и все тут.

И на дисконту⁵⁶ отдашь, так проценты слупят, что в животе забурчит, да еще после своим добром отвечай. (Помолчав.) С городовыми⁵⁷ лучше не связывайся: все в долг да в долг; а привезет ли, нет ли, так слепой мелочью⁵⁸ да арабчиками, поглядишь — ни ног, ни головы, а на мелочи никакого звания давно уж нет. А вот ты тут, как хошь! Здешним торговцам лучше не показывай: в любой анбар взойдет, только и дела, что нюхает, поковыряет, поковыряет, да и прочь пойдет. Уж диви бы товару не было, — каким еще рожном торговать. Одна лавка москательная⁵⁹, другая красная⁶⁰, третья с бакалеей⁶¹; так нет, ничто не везет. На торги хошь не являйся; сбивают цены пуще чорт знает чего; а наденешь хомут, да еще и вязку⁶² подай, да могоарычи, да угощенья, да разные там недочеты с провесами. Вон оно что! Чувствуешь ли ты это?

Подхалюзин. Кажется, должен чувствовать-с.

Большов. Вот какова торговля-то, вот тут и торгуй! (Помолчав.) Что, Лазарь, как ты думаешь?

Подхалюзин. Да как думать-с! Уж это как вам угодно. Наше дело подначальное.

Большов. Что тут подначальное: ты говори по душе. Я у тебя про дело спрашиваю.

Подхалюзин. Это опять так, Самсон Силыч, как вам угодно-с.

Большов. Наладил одно: как вам угодно. Да ты-то как?

Подхалюзин. Это я не могу знать-с.

Большов (помолчав). Скажи, Лазарь, по совести, любишь ты меня?

Молчание.

Любишь, что ли? Что ж ты молчишь? Поил, кормил, в люди вывел, кажется.

Молчание.

Подхалюзин. Эх, Самсон Силыч! Да что тут разговаривать-то-с. Уж вы во мне-то не сомневайтесь! Уж одно слово: вот как есть, весь тут.

Большов. Да что ж, что ты весь-то?

Подхалюзин. Уж коли того, а либо что, так останетесь довольны: себя не пожалею.

Большов. Ну, так и разговаривать нечего. По мне, Лазарь, теперь самое настоящее время: денег наличных у нас довольно, векселям всем сроки подошли. Чего ж ждать-то? Дождешься, пожалуй, что какой-нибудь свой же брат, собачий сын, оберет тебя дочиста, а там, гля-

дишь, сделает сделку по гривне⁶³ за рубль, да и сидит в миллионе и плевать на тебя не хочет. А ты, честный-то торговец, и смотри да казись, хлопай глазами-то. Вот я и думаю, Лазарь, предложить кредиторам-то такую статью: не возьмут ли они у меня копеек по двадцати пяти за рубль. Как ты думаешь?

Подхалюзин. А уж по мне, Самсон Силыч, коли плагить по двадцати пяти, так пристойнее совсем не платить.

Большов. А что? Ведь и правда. Храбростью-то никого не удивишь, а лучше тихим-то манером дельце обделать. Там после суди владыка на втором пришествии. Хлопот-то только куча. Дом-то и лавки я на тебя заложу.

Подхалюзин. Нельзя ж без хлопот-с. Вот векселья надо за что-нибудь сбыть-с, товар перевезти куда подальше. Станем хлопотать-с!

Большов. Оно так. Да старенек уж я становлюсь хлопотать-то. А ты помогать станешь?

Подхалюзин. Помилуйте, Самсон Силыч, в огонь и в воду полезусь.

Большов. Эдак-то лучше. Чорта ли там по грошам-то наживать! Махну сразу, да и шабаш. Только напусти бог смелости. Спасибо тебе, Лазарь. Удружил! *(Встает.)* Ну, хлопочи! *(Подходит к нему и треплет по плечу.)* Сделаешь дело аккуратно, так мы с тобой барышами поделимся. Награжу на всю жизнь. *(Идет к двери.)*

Подхалюзин. Мне, Самсон Силыч, окромя вашего спокойствия, ничего не нужно-с. Как жимши у вас с малолетства и видимши все ваши благодеяния; можно сказать, мальчишкой взят-с лавки подметать, следовательно, должен я чувствовать.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Контора в доме Большова. Прямо дверь, на левой стороне лестница наверх.

ЯВЛЕНИЕ I

Тишка (со щеткой на авансцене). Эх, житье, житье! Вот чем свет тут ты полы мети! А мое ли дело полы мети? У нас все не как у людей! У других-то хозяев, коли уж мальчишка, так и живет в мальчишках, — стало

быть, при лавке присутствует. А у нас то туда, то сюда, целый день шаркай по мостовой, как угорелый. Скоро руку набьешь, держи карман-то. У добрых-то людей для разгонки держат дворника, а у нас он с котятами на печке лежит либо с кухаркой проклажается; а на тебе спросится. У других все-таки вольготность есть; иным часом проштрафишься што либо ошто, по малолетствию тебе спускается; а у нас — коли не тот, так другой, коли не сам, так сама задаст вытрепку; а то вот прикащик Лазарь, а то вот Фоминишна, а то вот... всякая шваль над тобой командует. Вот она, жисть-то какая анафемская⁶⁴. А уж это, чтобы урваться когда из дому, с приятелями в три листика⁶⁵ али в пристенок⁶⁶ сразиться — и не думай лучше! Да уж и в голове-то, правда, не то! *(Лезет на стул коленками и смотрит в зеркало.)* Здравствуйте, Тихон Савостьянович! Как вы поживаете? Всё ли вы слава богу?.. А ну, Тишка, выкинь коленце. *(Делает гримасу.)* Вот оно что! *(Другую.)* Эвось оно как... *(Хохочет.)*

ЯВЛЕНИЕ II

Тишка и Подхалюзин *(крадется и хватает его за ворот).*

Подхалюзин. А это ты, чертенок, что делаешь?

Тишка. Что! известно, что! пыль стирал.

Подхалюзин. Языком-то стирал! Что ты за пыль на зеркале нашел! Покажу я тебе пыль! Ишь ломаешься! А вот я тебе заклею подзатыльника, так ты и будешь знать.

Тишка. Будешь знать! Да было бы еще за что!

Подхалюзин. А за то, что за что! Поговоришь, так и увидишь, за что! Вот пикни еще!

Тишка. Да, пикни еще! Я ведь и хозяину скажу, не что возьмешь!

Подхалюзин. Хозяину скажу!.. Что мне твой хозяин?.. Я, коли на то пошло... хозяин мне твой!.. На то ты и мальчишка, чтоб тебя учить, а ты думал что! Вас, пострелят, не бить, так и добра не видать. Практика-то эта известная. Я, брат, сам огни, и воды, и медные трубы прошел.

Тишка. Знаем, что прошел.

Подхалюзин. Цыц, дьяволенок! *(Замахивается.)*

Тишка. Нако-сь, попробуй! Нешто не скажу? Ей-богу, скажу!

Подхалюзин. Да что ты скажешь-то, чортова перчица?

Тишка. Что скажу? А то, что лаешься.

Подхалюзин. Важное кушанье! Ишь ты барин какой! Подитко-сь! Был Сысой Псоич?

Тишка. Известно, был.

Подхалюзин. Да ты, чертенок, говори толком! Зайти, что ль, хотел?

Тишка. Зайти хотел!

Подхалюзин. Ну, так ты сбегай на досуге.

Тишка. Рябиновки, что ли?

Подхалюзин. Да, рябиновки. Надо Сысой Псоича попотчевать. (Дает деньги.) Купи полштофа⁶⁷, а слачу возьми уж себе на пряники. Только ты, смотри, проворней, чтобы не хватились!

Тишка. Стриженная девка косы не заплетет. Так начну порхать — живым манером.

ЯВЛЕНИЕ III

Подхалюзин (один). Вот беда-то! Вот она где беда-то пришла на нас! Что теперь делать-то! Ну, плохо дело! Не миновать теперь несостоятельным объявиться! Ну, положим, хозяину что-нибудь и останется, а я-то при чем буду? Мне-то куда деться? В проходном ряду пылью торговать! Служил, служил лет двадцать, а там ступай мостовую грани. Как теперь это дело рассудить наде? Товаром, что ли? Вот векселя велел продать (вынимает и читает): тут, должно быть, попользоваться будет можно. (Ходит по комнате.) Говорят, надо совесть знать! Да, известное дело, надо совесть знать, да в каком это смысле понимать нужно? Против хорошего человека у всякого есть совесть; а коли он сам других обманывает, так какая же тут совесть! Самсон Силыч купец богачейший, и теперича все это дело, можно сказать, так, для препровождения времени затеял. А я человек бедный! Если и попользуюсь в этом деле чем-нибудь лишним — так и греха нет никакого: потому он сам несправедливо поступает, против закона идет. А мне что его жалеть? Вышла линия, ну и не плошай: он свою политику ведет, а ты свою статью гони. Еще то ли бы я с ним сделал, да не приходится. Хм! — Ведь залезет эдакая фантазия в голову человеку! Конечно, Алимпияда Самсоновна барышня образованная и, можно сказать, каких в свете нет, а ведь этот жених ее теперича не возьмет, скажет, денег дай! А денег где взять? И уж не быть ей теперь за благородным, потому денег нет. Рано ли,

поздно ли, а придется за купца отдавать! (*Ходит молча.*) А понабравши деньжонок, да поклониться Самсону Силычу: дескать, я, Самсон Силыч, в таких летах, что должен подумать о продолжении потомства, и я, мол, Самсон Силыч, для вашего спокойствия пота-крови не жалел. Конечно, мол, Алимпияда Самсоновна барышня образованная, да ведь и я, Самсон Силыч, не лыком шит, сами изволите видеть, имею капиталец и могу кругом себя ограничить на этот предмет. — Отчего не отдать за меня? Чем я не человек? Ни в чем не замечен, к старшим почтителен! Да при всем том, как заложили мне Самсон Силыч дом и лавки, так и закладной-то можно пугнуть. А знавши-то характер Самсона Силыча, каков он есть, — это и очень может случиться. У них такое заведение: коли им что попало в голову, уж ничем не выбьешь оттелова. Все равно, как в четвертом году захотели бороду обрить: сколько ни просили Аграфена Кондратьевна, сколько ни плакали, — нет, говорит, после опять отпущу, а теперь поставлю на своем: взяли да и обрили. Так вот и это дело: потрафь я по ним или так взойди им в голову — завтра же под венец, и баста, и разговаривать не смей. Да от эдакого удовольствия с Ивана Великого прыгнуть можно!

ЯВЛЕНИЕ IV

Подхалюзин и Тишка.

Тишка (*входит со штофом*). Вот он я! Пришел!

Подхалюзин. Послушай, Тишка, Устинья Наумовна здесь?

Тишка. Там, наверху. Да и стракулист⁹⁹ идет.

Подхалюзин. Так ты поставь водку-то на стол, да и закуськи достань.

Тишка ставит водку и достает закуски, потом уходит.

ЯВЛЕНИЕ V

Подхалюзин и Расположенский.

Подхалюзин. А, наше вам-с!

Расположенский. К вам, батюшка Лазарь Елизарыч! к вам! Право. Думаю, мол, мало ли что, может, что и нужно. Это водочка у вас? Я, Лазарь Елизарыч, рюмочку выпью. Что-то руки стали трястись по утрам, особенно вот правая; как писать что, Лазарь Елизарыч, так все левой придерживаю. Ей-богу! А выпьешь водочки, словно лучше. (*Пьет.*)

Подхалюзин. Отчего же это у вас руки трясутся?
Рисположенский (*садится к столу*). От заботы, Лазарь Елизарыч, от заботы, батюшка.

Подхалюзин. Так-с! А я так полагаю, оттого, что больно народ грабите. За неправду бог наказывает.

Рисположенский. Эх, хе, хе... Лазарь Елизарыч! Где нам грабить! Делишки наши маленькие. Мы, как птицы небесные, по зернышку клюем.

Подхалюзин. Вы, стало быть, по мелочам?

Рисположенский. Будешь и по мелочам, как взять-то негде. Ну, еще нешто, кабы один, а то ведь у меня жена да четверо ребятишек. Все есть просят, голубчики. Тот говорит — тятенька, дай, другой говорит — тятенька, дай. Одного вот в гимназию определил: мундирчик надобно, то, другое. А домишко-то эвоно где!.. Что сапогов одних истреплешь, ходимши к Воскресенским воротам с Бутырок-то.

Подхалюзин. Это точно-с.

Рисположенский. А зачем ходишь-то: кому просьбишку изобразишь, кого в мещане припишешь. Иной день и полтины серебром домой не принесешь. Ей-богу, не лгу. Чем тут жить? Я, Лазарь Елизарыч, рюмочку выпью. (*Пьет.*) А я думаю: забегу, мол, я к Лазарю Елизарычу, не даст ли он мне деньжонок что-нибудь.

Подхалюзин. А за какие же это провинности-с?

Рисположенский. Как за какие провинности! Вот уж грех, Лазарь Елизарыч! Нешто я вам не служу? По гроб слуга, что хотите, заставьте. А закладную-то вам выхлопотал.

Подхалюзин. Ведь уж вам заплачено! И толковать-то вам об одном и том же не приходится!

Рисположенский. Это точно, Лазарь Елизарыч, заплачено. Это точно! Эх, Лазарь Елизарыч, бедность-то меня одолела.

Подхалюзин. Бедность одолела! Это бывает-с. (*Подходит и садится к столу.*) А у нас вот лишние есть-с: девать некуда. (*Кладет бумажник на стол.*)

Рисположенский. Что вы, Лазарь Елизарыч, неужто лишние? Небось, шутите?

Подхалюзин. Окромя всяких шуток-с.

Рисположенский. А коли лишние, так отчего же бедному человеку не помочь? Вам бог пошлет за это.

Подхалюзин. А много ли вам требуется?

Рисположенский. Дайте три целковеньких ⁶⁹.

Подхалюзин. Что так мало-с?

Рисположенский. Ну, дайте пять.

Подхалюзин. А вы просите больше.

Рисположенский. Ну, уж, коли милость будет, дайте десять.

Подхалюзин. Десять-с! Так, задаром?

Рисположенский. Как задаром! Заслужу, Лазарь Елизарыч, когда-нибудь сквитаемся.

Подхалюзин. Все это буки-с. Улита едет, да когда-то она будет. А мы теперь с вами вот какую материю заведем⁷⁰: много ли вам Самсон Силыч обещали за всю эту механику?

Рисположенский. Стыдно сказать, Лазарь Елизарыч, тысячу рублей да старую шубу енотовую. Уж меньше меня никто не возьмет, ей-богу, вот хоть приценитесь подите.

Подхалюзин. Ну, так вот что, Сысой Псоич, я вам дам две тысячи-с за этот же самый предмет-с.

Рисположенский. Благодетель вы мой, Лазарь Елизарыч! С женой и детьми в кабалу⁷¹ пойду.

Подхалюзин. Сто серебром теперь же-с, а остальные после, по окончании этого происшествия-с.

Рисположенский. Ну, вот, как за эдаких людей богу не молить! Только какая-нибудь свинья необразованная может не чувствовать этого. Я вам в ножки поклонюсь, Лазарь Елизарыч!

Подхалюзин. Это уж на что же-с! Только, Сысой Псоич, уж хвостом не вертеть туда и сюда, а ходи в акурате, — попал на эту точку и вертись на этой линии. Понимаете-с?

Рисположенский. Как не понимать! Что вы, Лазарь Елизарыч, маленький, что ли, я! Пора понимать!

Подхалюзин. Да что вы понимаете-то? Вот делайте какие-с. Вы прежде выслушайте. Приезжаем мы с Самсоном Силычем в город, и эрестрик этот привезли, как следует. Вот он и пошел по кредиторам: тот не согласен, другой не согласен; да так не один-таки нейдет на эту штуку. Вот она какая статья-то.

Рисположенский. Что вы это говорите, Лазарь Елизарыч! А! Вот поди ж ты! Вот народ-то!

Подхалюзин. Как бы нам теперича с этим делом не опростоволоситься! Понимаете вы меня али нет?

Рисположенский. То есть насчет несостоятельности, Лазарь Елизарыч?

Подхалюзин. Несостоятельность там сама по себе; а насчет моих-то делов.

Рисположенский. Хе, хе, хе... то есть дом-то с лавками... эдак... дом-то... хе, хе, хе.

Подхалюзин. Что-о-с?

Рисположенский. Нет-с, это я так, Лазарь Елизарыч, по глупости, как будто для шутки.

Подхалюзин. То-то, для шутки! А вы этим не шутите-с. Тут не то что дом, у меня теперь такая фантазия в голове⁷² об этом предмете, что надо с вами обширно потолковать-с! Пойдемте ко мне-с... Тишка!

ЯВЛЕНИЕ VI

Те же и Тишка.

Подхалюзин. Прибери тут все это! Ну, пойдемте, Сысой Псоич!

Тишка хочет убирать водку.

Рисположенский. Постой, постой! Эх, братец, какой ты глупый! Видишь, что хотят пить, ты и подожди. Ты и подожди. Ты еще мал, ну так ты будь учтив и снисходителен. Я, Лазарь Елизарыч, рюмочку выпью.

Подхалюзин. Пейте, да только поскорейча, того гляди, сам придет.

Рисположенский. Сейчас, батюшка Лазарь Елизарыч, сейчас! *(Пьет и закусывает.)* Да уж мы лучше ее с собой возьмем.

Уходят.

Тишка прибирает кое-что; сверху сходят Устинья Наумовна и Фоминишна. Тишка уходит.

Фоминишна. Уж пореши ты ее нужду, Устинья Наумовна! Ишь ты, девка-то измаялась совсем, да ведь уж и время, матушка. Молодость-то не бездонный горшок, да и тот, говорят, опоражнивается. Я уж по себе знаю. Я по тринадцатому году замуж шла, а ей вот через месяц девятнадцатый годок минет. Что томить-то ее понапрасну. Другие в ее пору давно уж детей повывели. То-то, мать моя, что ж ее томить-то.

Устинья Наумовна. Сама все это разумею, серебряная, — да нешто за мной дело стало? У меня женихов-то — что борзых. Да ишь ты, разборчивы очень они с маменькой-то.

Фоминишна. Да что их разбирать-то! Ну, известное дело, чтоб были люди свежие, не плешивые, чтоб не пахло ничем, а там какого ни возьми — все человек.

Устинья Наумовна *(садясь)*. Присесть, серебряная. Измучилась я нынче день-то деньской; с раннего

утра словно отымалка⁷⁸ какая мычуся. А ведь и проминовать ничего нельзя, везде, стало быть, необходимый человек. Известное дело, серебряная, всякий человек — живая тварь: тому невеста понадобилась, той жениха, хоть роди, да подай, а там где-нибудь и вовсе свадьба. А кто сочинит — все я же. Отдувайся одна за всех Устинья Наумовна. А отчего отдувайся? Оттого, что так уж, видно, устроено, — от начала мира эдакое колесо заведено. Точно, надо правду сказать, не обходят и нас за труды: кто на платье тебе материи, кто шаль с бахромой, кто тебе чепчик состряпает, а где и золотой, где и по больше перевалится, — известно, что чего стоит, глядя по силе возможности.

Фоминишна. Что говорить, матушка, что говорить!

Устинья Наумовна. Садись, Фоминишна, ноги-то старые, ломаные.

Фоминишна. И, мать! Некогда. Ведь какой грех-то: сам-то что-то из города не едет, все под страхом ходим: того и гляди, пьяный приедет. А уж какой благой-то⁷⁹, господи! Зародится же ведь эдакой озорник!

Устинья Наумовна. Известное дело: с богатым мужиком что с чортом, не скоро сообразишь.

Фоминишна. Уж мы от него страсти-то видали. Вот на прошлой неделе, ночью, пьяный приехал: развоевался так, что на поди. Страсти, да и только. Посуду колотит... «У!» говорит, «такие вы и эдакие, убью с разу!»

Устинья Наумовна. Необразование.

Фоминишна. Уж и правда, матушка! А я побегу, родная, наверх-то — Аграфена-то Кондратьевна у меня там одна. Ты, как пойдешь домой-то, так заверни ко мне, — я тебе окорочек завяжу. *(Идет на лестницу.)*

Устинья Наумовна. Зайду, серебряная, зайду.

Подхалюзин входит.

ЯВЛЕНИЕ VII

Устинья Наумовна и Подхалюзин.

Подхалюзин. А! Устинья Наумовна! Сколько лет, сколько зим-с!

Устинья Наумовна. Здравствуй, живая душа, каково попрыгиваешь?

Подхалюзин. Что нам делается-с! *(Садится.)*

Устинья Наумовна. Мамзельку, коли хочешь, высватаю.

Подхалюзин. Покорно благодарствуйте, — нам пока не требуется.

Устинья Наумовна. Сам, серебряный, не хочешь, приятелю ужожу. У тебя ведь, чай, знакомых-то по городу, что собак.

Подхалюзин. Да есть-таки около того-с.

Устинья Наумовна. Ну, а коли есть, так и слава тебе господи! Чуть мало-мальски жених, холостой ли он, не женатый ли, вдовец ли какой, — прямо тащи ко мне.

Подхалюзин. Так вы его и жените?

Устинья Наумовна. Так и женю. Отчего ж не женить? И не увидишь, как женю.

Подхалюзин. Это дело хорошее-с. А вот теперича я у вас спрошу, Устинья Наумовна, зачем это вы к нам больно часто повадились?

Устинья Наумовна. А тебе что за печаль! За чем бы я ни ходила. Я ведь не краденая какая, не овца без имени. Ты что за спрос?

Подхалюзин. Да так-с, не напрасно ли ходите-то?

Устинья Наумовна. Как напрасно, с чего это ты, серебряный, выдумал! Посмотри-ко, какого жениха нашла: благородный, крестьяне есть, и из себя молодец.

Подхалюзин. За чем же дело стало-с?

Устинья Наумовна. Ни за чем не стало! Хотел завтра приехать да обзнакомиться. А там обвертим⁷⁵, да и вся недолга.

Подхалюзин. Обвертите попробуйте — задаст он вам копэти.

Устинья Наумовна. Что ты, здоров ли, яхонтовый?

Подхалюзин. Вот вы увидите!

Устинья Наумовна. До вечера не дожить; ты, алмазный, либо пьян, либо вовсе с ума свихнул.

Подхалюзин. Уж об этом-то вы не извольте беспокоиться, вы об себе-то подумайте, а мы знаем, что знаем.

Устинья Наумовна. Да что ты знаешь-то?

Подхалюзин. Мало ли что знаем-с.

Устинья Наумовна. А коли что знаешь, так и нам скажи; авось язык-то не отвалится.

Подхалюзин. В том-то и нельзя, что сказать-то нельзя.

Устинья Наумовна. Отчего же нельзя, меня,

что ль, совестишься, бралиянтовый? Ничего — говори, нужды нет.

Подхалюзин. Тут не об совести дело. А вам скажи, вы, пожалуй, и разболтаете.

Устинья Наумовна. Анафема хочу быть, коли скажу, — руку даю на отсечение.

Подхалюзин. То-то же-с. Уговор лучше денег-с.

Устинья Наумовна. Известное дело. Ну, что же ты знаешь-то?

Подхалюзин. А вот что-с, Устинья Наумовна, нельзя ли как этому вашему жениху отказать-с?

Устинья Наумовна. Да что ты, белены, что ль, объелся?

Подхалюзин. Ничего не объелся-с! А если вам угодно говорить по душе, по совести-с, так это вот какого рода дело-с: у меня есть один знакомый купец из русских, и они оченно влюблены в Алимпияду Самсонову-с. Что, говорит, ни дать, только бы жениться; ничего, говорит, не пожалею.

Устинья Наумовна. Что же ты мне прежде-то, алмазный, не сказал?

Подхалюзин. Сказать-то было нечего, по тому самому, что я и сам-то недавно узнал-с.

Устинья Наумовна. Уж теперь поздно, бралиянтовый!

Подхалюзин. Уж какой жених-то, Устинья Наумовна! Да он вас с ног до головы золотом осыплет-с, из живых соболей шубу сошьет.

Устинья Наумовна. Да, голубчик, нельзя! Рада бы я радостью, да уж я слово дала.

Подхалюзин. Ну, как угодно-с! А за этого вы сватаете, так беды наживете, что после и не расхлебаете.

Устинья Наумовна. Ну, ты сам рассуди, с каким я рылом покажусь к Самсону-то Сильчу? — Наговорила им с три короба, что и богат-то, и красавец-то, и влюблен-то так, что и жить не может: а теперь что скажу? Ведь ты сам знаешь, каково у вас чадочко, Самсон-то Сильч, ведь он, неровен час, и чепчик помнет.

Подхалюзин. Ничего не помнет-с.

Устинья Наумовна. Да и девку-то раздразила: на дню два раза присылает: что жених да как жених?

Подхалюзин. А вы, Устинья Наумовна, не бегайте от своего счастья-с. Хотите две тысячи рублей и шубу соболю, чтобы только свадьбу эту расстроить-с? А за сватовство у нас особый уговор будет-с. Я вам говорю-с,

что жених такой, что вы сроду не видывали; только вот одно-с: происхождения не благородного.

Устинья Наумовна. А они-то разве благородные? То-то и беда, яхонтовый! Нынче заведение такое пошло, что всякая тебе лапотница в дворянство норовит. — Вот хоть бы и Алимпияда-то Самсоновна, конечно, дай ей бог доброго здоровья, жалует по-княжески, а происхождение, небось, хуже нашего. — Отец-то, Самсон Силыч, голицами⁷⁶ торговал на Балчуге⁷⁷; добрые люди Самсошкою звали, подзатыльниками кормили. Да и ма-тушка-то, Аграфена Кондратьевна, чуть-чуть не панёв-ница⁷⁸, — из Преображенского взята. А нажили капитал да в купцы вылезли, так и дочка в принцесы норовит. А все это денежки. Вот я, чем хуже ее, а за ее же хвостом наблюдай. Воспитанья-то тоже не бог знает какого: пишет-то, как слон брюхом ползает, по-французскому али на фортопьянах тоже сям, тям, да и нет ничего; ну а танец-то отколоть — я и сама пыли в нос пушу.

Подхалюзин. Ну вот видите ли — за купцом-то быть ей гораздо пристойнее.

Устинья Наумовна. Да как же мне с женихом-то быть, серебряный? Я его-то уж больно уверила, что такая Алимпияда Самсоновна красавица, что настоящий тебе патрет: и образованная, говорю, и по-французскому, и на разные манеры знает. Что ж я ему теперь-то скажу?

Подхалюзин. Да вы и теперь то же ему скажете, что, мол, и красавица, и образованная, и на всякие манеры, только, мол, они деньгами порасстроидись, так он сам откажется!

Устинья Наумовна. А что, ведь и правда, бра-лиантовый! Да нет, постой! Как же! Ведь я ему сказала, что у Самсона Силыча денег куры не клюют.

Подхалюзин. То-то вот, притки вы очень рассказывать-то. А почем вы знаете, сколько у Самсона Силыча денег-то, нешто вы считали?

Устинья Наумовна. Да уж это кого ни спроси, всякий скажет, что Самсон Силыч купец богатейший.

Подхалюзин. Да! Много вы знаете! А что после того будет, как высватаете значительного человека, а Самсон Силыч денег-то не даст? А он после всего этого вступится да скажет: я, дескать, не купец, что меня можно приданым обманывать! Да еще, как значительный-то человек, подаст жалобу в суд, потому что значительному человеку везде ход есть-с: мы-то с Самсон Силычем попались, да и вам-то не уйти. Ведь вы сами знаете:

можно обмануть приданым нашего брата, с рук сойдет, а значительного человека обмани-ко поди, так после и не уйдешь.

Устинья Наумовна. Уж полно тебе пугать-то меня! Сбил с толку совсем.

Подхалюзин. А вы вот возьмите задаточку сто серебра, да и по рукам-с.

Устинья Наумовна. Так ты, яхонтовый, говоришь, что две тысячи рублей да шубу соболью?

Подхалюзин. Точно так-с. Уж будьте покойны. А надемши-то шубу соболью, Устинья Наумовна, да по гулянью пройдетесь, — другой подумает, генеральша какая.

Устинья Наумовна. А что ты думаешь, да и в самом деле! Как надену соболью шубу-то, поприбодрюсь да руки-то в боки, так ваша братья, бородастые, рты разинете. Разахаются так, что пожарной трубой не зальешь; жены-то с ревности вам все носы пооборвут.

Подхалюзин. Это точно-с!

Устинья Наумовна. Давай задаток! Была не была!

Подхалюзин. А вы, Устинья Наумовна, вольным духом, не робейте!

Устинья Наумовна. Чего робеть-то! Только смотри: две тысячи рублей да соболью шубу.

Подхалюзин. Говорю вам, из живых сошьем. Уж что толковать!

Устинья Наумовна. Ну, прощай, изумрудный! Побегу теперь к жениху. Завтра увидимся, так я тебе все отлепартую.

Подхалюзин. Погодите! Куда бежать-то! Зайдите ко мне — водочки выпьем-с. Тишка! Тишка!

Входит Тишка.

Ты смотри, коли хозяин приедет, так ты в те поры прибеги за мной.

Уходят.

ЯВЛЕНИЕ VIII

Тишка (садится к столу и вынимает из кармана деньги). Полтина серебром — это нынче Лазарь дал. Да намерен, как с колокольни упал, Аграфена Кондратьевна гривенник дали, да четвертак в орлянку выиграл, да третёвось хозяин забыл на прилавке целковый. Эвось, что денег-то! (Считает про себя. Голос Фоминишны за сценой: «Тишка, а Тишка! Долго ли мне кричать-то?»)

Что там еще? («Дома, что-ли-ча, Лазарь?») Был, да весь вышел! («Да куда ж он делся-то?») А я почему знаю; нешто он у меня спрашивается! Вот кабы спрашивался — я бы знал.

Фоминишна сходит с лестницы.

Фоминишна. Да ведь Самсон Силыч приехал да, никак, хмельной.

Тишка. Фю! попались!

Фоминишна. Беги, Тишка, за Лазарем, голубчик, беги скорей!

Аграфена Кондратьевна (показывается на лестнице). Что, Фоминишна, матушка, куда он идет-то?

Фоминишна. Да, никак, матушка, сюда! Ох, запру я двери-то, ей-богу запру; пускай его кверху идет, а ты уж, голубушка, здесь посиди.

Стук в двери и голос Самсона Силыча: «Эй, отоприте, кто там?» Аграфена Кондратьевна скрывается.

Поди, батюшка, поди усни, Христос с тобой!

Большов (за дверями). Да что ты, старая корга, с ума, что ли, сошла?

Фоминишна. Ах, голубчик ты мой! Ах я мымра⁷⁹ слепая! А ведь покажись мне сдуру-то, что ты хмельной приехал. Уж извини меня, глуха стала на старости лет.

Самсон Силыч входит.

ЯВЛЕНИЕ IX

Фоминишна и Большов.

Большов. Стряпчий был?

Фоминишна. А стряпали, батюшка, щи с солониной, гусь жареный, драчена.

Большов. Да ты белены, что ль, объелась, старая дура!

Фоминишна. Нет, батюшка! Сама кухарке наказывала.

Большов. Пошла вон! (Садится.)

Фоминишна идет к двери; Подхалюзни и Тишка входят.

Фоминишна (возвращаясь). Ах я дура, дура! Уж не взыщи на плохой памяти. — Холодной-то поросенок совсем из ума выскочил.

ЯВЛЕНИЕ X

Подхалюзин, Большов и Тишка.

Большов. Убирайся к свиньям!

Фоминишна уходит.

(К Тишке.) Что ты рот-то разинул! Аль тебе дела нет!

Подхалюзин (к Тишке). Говорили тебе, кажется!

Тишка уходит.

Большов. Стряпчий был?

Подхалюзин. Был-с.

Большов. Говорил ты с ним?

Подхалюзин. Да что, Самсон Силыч, разве он чувствует? Известно, чернильная душа-с! Одно ладит — объявиться несостоятельным.

Большов. Что ж, объявиться, так объявиться — один конец.

Подхалюзин. Ах, Самсон Силыч, что это вы изволите говорить!

Большов. Что ж, деньги заплатить? Да с чего же ты это взял? Да я лучше все огнем сожгу, а уж им ни копейки не дам. Перевози товар, продавай векселя, пусть ташат, воруют, кто хочет, а уж я им не плательщик.

Подхалюзин. Помилуйте, Самсон Силыч, заведение было у нас такое превосходное, и теперь должно все в расстройство притти.

Большов. А тебе что за дело? Не твое было. Ты старайся только, — от меня забыт не будешь.

Подхалюзин. Не нуждаюсь я ни в чем после вашего благодеяния. И напрасно вы такой сюжет обо мне имеете. Я теперича готов всю душу отдать за вас, а не то чтобы какой фальш сделать. Вы подвигаетесь к старости, Аграфена Кондратьевна дама изнеженная, Алимпияда Самсоновна барышня образованная и в таких годах; надобно и об ней заботливость приложить-с. А теперь такие обстоятельства: мало ли что может произойти из всего этого.

Большов. А что такое произойти может? Я один в ответе.

Подхалюзин. Что об вас-то толковать! Вы, Самсон Силыч, отжили свой век; слава богу, пожили, а Алимпияда-то Самсоновна, известное дело, барышня. каких в свете нет. Я вам, Самсон Силыч, по совести говорю, то есть как это все по моим чувствам: если я теперича стараюсь для вас и все мои усердия, можно сказать, не жа-

ляя пота-крови, прилагаю, — так это все больше по тому самому, что жаль мне вашего семейства.

Большов. Полно, так ли?

Подхалюзин. Позвольте-с: ну, положим, что это все благополучно кончится; хорошо-с. Останется у вас чем пристроить Алимпияду Самсонову. Ну, об этом и толковать нечего-с; были бы деньги, а женихи найдутся-с. Ну, а грех какой, сохрани господи! Как придерутся, да начнут по судам таскать, да на все семейство эдакая мораль пойдет, а еще, пожалуй, и имение-то все отнимут: должны будут они-с голод и холод терпеть и без всякого призрения, как птенцы какие беззащитные. Да это сохрани господи! Это что ж будет тогда? *(Плачет.)*

Большов. Да об чем же ты плачешь-то?

Подхалюзин. Конечно, Самсон Силыч, я это к примеру говорю — в добрый час молвить, в худой промолчать, от слова не станется; а ведь враг-то силен — горами шатает.

Большов. Что же делать-то, братец! Уж, знать, такая воля божия, против ее не пойдешь.

Подхалюзин. Это точно, Самсон Силыч! А все-таки, по моему глупому рассуждению, пристроить бы до поры до времени Алимпияду Самсонову за хорошего человека; так уж тогда будет она, по крайности, как за каменной стеной-с. Да, главное, чтобы была душа у человека, так он будет чувствовать. А то вон что сватался за Алимпияду Самсонову, благородный-то — и оглобли назад поворотил.

Большов. Как назад? Да с чего это ты выдумал?

Подхалюзин. Я, Самсон Силыч, не выдумал, — вы спросите Устинью Наумовну. Должно быть, что-нибудь прослышал, кто его знает.

Большов. А ну его! По моим делам теперь не такого нужно.

Подхалюзин. Вы, Самсон Силыч, возьмите в рассуждение: я посторонний человек, не родной, — а для вашего благополучия ни дня, ни ночи себе покою не знаю, да и сердце-то у меня все изныло; а за него отдают барышню, можно сказать, красоту неописанную; да и денег еще дают-с, а он ломается да важничает, — ну есть ли в нем душа после всего этого?

Большов. Ну, а не хочет, так и не надо, не заплачем!

Подхалюзин. Нет, вы, Самсон Силыч, рассудите об этом: есть ли душа у человека? Я вот посторонний со-

всем, да не могу же без слез видеть всего этого. Поймите вы это, Самсон Силыч! Другой бы и внимания не взял так убиваться из-за чужого дела-с; а ведь меня теперь вы хоть гоните, хоть бейте, а я уж вас не оставлю; потому не могу — сердце у меня не такое.

Большов. Да как же тебе оставить-то меня, ведь только и надежды-то теперь, что ты. Сам я стар, дела подошли тесные. Погоди: может, еще такое дело сделаем, что ты и не ожидаешь.

Подхалюзин. Да не могу же я этого сделать, Самсон Силыч. Поймите вы из этого; не такой я совсем человек! Другому, Самсон Силыч, конечно, это все равно-с, ему хоть трава не расти, а уж я не могу-с; сами изволите видеть-с, хлопочу я али нет-с. Как чорт какой, убиваюсь я теперича из-за вашего дела-с; потому что не такой я человек-с. Жалеючи вас, это делается, и не столько вас, сколько семейство ваше. Сами изволите знать, Аграфена Кондратьевна дама изнеженная, Алимпияда Самсоновна барышня, каких в свете нет-с...

Большов. Неужто и в свете нет? Уж ты, брат, не того ли?..

Подхалюзин. Чего-с?.. Нет, я ничего-с!..

Большов. То-то, брат, ты уж лучше откровенно говори. Влюблен ты, что ли, в Алимпияду Самсонову?

Подхалюзин. Вы, Самсон Силыч, может, шутить изволите?

Большов. Что за шутка! Я тебя без шуток спрашиваю.

Подхалюзин. Помилуйте, Самсон Силыч, смею ли я это подумать-с!

Большов. А что ж бы такое не сметь-то? Что она, княжна, что ли, какая?

Подхалюзин. Хотя и не княжна, да как бывши вы моим благодетелем и вместо отца родного... Да нет, Самсон Силыч, помилуйте, как же это можно-с, неужели же я этого не чувствую!

Большов. Так ты, стало быть, ее не любишь?

Подхалюзин. Как же не любить-с, помилуйте, кажется, больше всего на свете. Да нет-с, Самсон Силыч, как же это можно-с!

Большов. Ты бы так и говорил, что люблю, мол, больше всего на свете.

Подхалюзин. Да как же не любить-с! Сами изволите рассудить: день думаю, ночь думаю... то бишь, из-

вестное дело, Алимпияда Самсоновна барышня, каких в свете нет... Да нет, этого нельзя-с. Где же нам-с!..

Большов. Да чего же нельзя-то, дура-голова?

Подхалюзин. Да как же можно, Самсон Силыч? Как знавши я вас, как отца родного, и Алимпияду Самсоновну-с, и опять знавши себя, что я такое значу, — где же мне с суконным-то рылом-с?⁸⁰

Большов. Ничего не суконное. Рыло, как рыло. Был бы ум в голове, — а тебе ума-то не занимать стать, этим добром бог наградил. Так что же, Лазарь, посвятить тебе Алимпияду-то Самсоновну, а? Красавицу-то не-описанную?

Подхалюзин. Да помилуйте, смею ли я? Алимпияда-то Самсоновна, может быть, на меня глядеть-то не захочет-с!

Большов. Важное дело! Не плясать же мне по ее дудочке на старости лет. За кого велю, за того и пойдет. Мое детище: хочу с кашей ем, хочу масло пахтаю⁸¹. Ты со мной-то толкуй.

Подхалюзин. Не смею я, Самсон Силыч, об этом с вами говорить-с. Не хочу быть подлецом против вас.

Большов. Экой ты, братец, глупый! Кабы я тебя не любил, нешто бы я так с тобой разговаривал? Понимаешь ли ты, что я могу на всю жизнь тебя счастливым сделать! Всю жизнь могу тебе даровать.

Подхалюзин. А нешто я вас не люблю, Самсон Силыч, больше отца родного? Да накажи меня бог!.. Да что я за скотина!

Большов. Ну, а дочь любишь?

Подхалюзин. Изныл весь-с! Вся душа-то у меня перевернулась давно-с!

Большов. Ну, а коли душа перевернулась, так мы тебя поправим. Владей Фадей нашей Маланьей.

Подхалюзин. Тятенька, за что жалуете? Не стою я этого, не стою! И физиономия у меня совсем не такая.

Большов. Ну ее, физиономию! А вот я на тебя все имяние переведу; так после кредиторы-то и пожалеют, что по двадцати пяти копеек не взяли.

Подхалюзин. Еще как пожалеют-то-с!

Большов. Ну, ты ступай теперь в город, а ужотко заходи к невесте; мы над ними шутку подшутим.

Подхалюзин. Слушаю, тятенька-с!

Уходят.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Декорация первого действия.

ЯВЛЕНИЕ I

Большов входит и садится на кресло; несколько времени смотрит по углам и зеваает.

Большов. Вот она, жизнь-то; истинно сказано: суета сует и всяческая суета. Чорт знает, и сам не разберешь, чего хочется. Вот бы и закусил что-нибудь, да обед испортишь; а и так-то сидеть — одурь возьмет. Али чайком бы, что ль, побаловать. *(Молчание.)* Вот так-то и все: жил, жил человек, да вдруг и помер — так все прахом и пойдет. Ох, господи, господи! *(Зевает и смотрит по углам.)*

ЯВЛЕНИЕ II

Аграфена Кондратьевна и Липочка (разряженная).

Аграфена Кондратьевна. Ступай, ступай, моя крошечка; дверь-то побережнее, не зацепи. Посмотри-ко, Самсон Силыч, полюбуйся, сударь ты мой, как я дочку-то вырядила! Фу ты, прочь поди! Что твой розан пионовый! *(К ней.)* Ах ты моя ангелика-царевна², херумчик ты мой! *(К нему.)* Что, Самсон Силыч, правда, что ль? Только бы ей в карете ездить шестерней.

Большов. Проедет и парочкой — не великого пошиба помещица!

Аграфена Кондратьевна. Уж известно, не снаральская дочь, а всё как есть красавица!.. Да приголубь ребенка-то, что, как медведь, бурчишь!

Большов. А как мне еще приголубливать-то? Ручки, что ль, лизать, в ножки кланяться? Вó какая невидаль! Видали мы и понаряднее.

Аграфена Кондратьевна. Да ты что видал-то? Так что-нибудь, а ведь это дочка твоя, дитя кровная, каменный ты человек.

Большов. Что ж, что дочь? Слава богу, — обу-та, одета, накормлена, — чего ей еще хочется?

Аграфена Кондратьевна. Чего хочется! Да ты, Самсон Силыч, очумел, что ли? Накормлена! Мало ли что накормлена! По христианскому закону всякого накормить следует; и чужих призирают, не токма что своих, — а ведь это и в люди сказать грех: как ни на есть, родная детища!

Большов. Знаем, что родная, — да чего ж ей

еще? Что ты мне притчи⁸³ эти растолковываешь? Не в рамку же ее вделать! Понимаем, что отец.

Аграфена Кондратьевна. Да коли уж ты, батюшка, отец, так не будь свекором! Пора, кажется, в чувство притти: расставаться скоро приходится, а ты и доброго слова не вымолвишь; должен бы на пользу посоветовать что-нибудь такое житейское. Нет в тебе никакого обычая родительского.

Большов. А нет, так что ж за беда: стало быть, так бог создал.

Аграфена Кондратьевна. Бог создал! Да сам-то ты что? Ведь и она, кажется, создания божеская али нет? Не животная какая-нибудь, прости господи!.. Да спроси у нее что-нибудь.

Большов. А что я за спрос? Гусь свинье не товарищ: как хотите, так и делайте.

Аграфена Кондратьевна. Да на деле-то уж не спросим, — ты покедова-то вот. Человек придет чужой-посторонний, все-таки, как хочешь примеривай, а мужчина не женщина — в первый-то раз наедет, не видамши-то его.

Большов. Сказано, что отстань!

Аграфена Кондратьевна. Отец ты эдакой, а еще родной называешься! Ах ты, дитяtko моя заброшенная, стоишь словно какая сиротинушка, приклонивши головушку. Отступились от тебя, да и знать не хотят. Присядь, Липочка, присядь, душечка, ненаглядная моя сокровища! *(Усаживает.)*

Липочка. Ах, отстаньте, маменька! Измяли совсем.

Аграфена Кондратьевна. Ну, так я на тебя издальки посмотрю!

Липочка. Пожалуй, смотрите, да только не фантазируйте! Фи, маменька, нельзя одеться порядочно: вы тотчас расчувствуетесь.

Аграфена Кондратьевна. Так, так, дитяtko! Да как взгляну-то на тебя, так ведь это жалости подобно.

Липочка. Что ж, надо ведь когда-нибудь.

Аграфена Кондратьевна. Все-таки жалко, дурочка: растили, растили, да и вырастили — да ни с того, ни с сего в чужие люди отдаем, словно ты надоела нам да наскучила глупым милым ребячеством, своим кротким поведением. Вот, выживем тебя из дому, словно во рога из города, а там схватимся да спохватимся, да и негде взять. Посудите, люди добрые, каково житье в чу-

жой-дальней стороне, чужим куском давишься, кулаком слезы утираючи! Да, помилуй бог, неровнюшка выйдется, неровен дурак навяжется аль дурак какой, дурацкий сын! (Плачет.)

Липочка. Вот вы вдруг и расплакались! Право, как не стыдно, маменька! Что там за дурак?

Аграфена Кондратьевна (плача). Да уж это так говорится, — к слову пришлось.

Большов. А об чем бы ты это, слышно, разрюмилась? ⁸⁴ Вот спросить тебя, так и сама не знаешь?

Аграфена Кондратьевна. Не знаю, батюшка, ох, не знаю: такой стих нашел.

Большов. То-то вот сдуру. Слезы у вас дешевы.

Аграфена Кондратьевна. Ох, дешевы, батюшка, дешевы; и сама знаю, что дешевы, да что ж делать-то?

Липочка. Фи, маменька, как вы вдруг! Полноте! Ну, вдруг приедет — что хорошего!

Аграфена Кондратьевна. Перестану, дитятко, перестану; сейчас перестану!

ЯВЛЕНИЕ III

Те же и Устинья Наумовна.

Устинья Наумовна (входя). Здравствуйте, золотые! Что вы не веселы — носы повесили?
Целуются.

Аграфена Кондратьевна. А уж мы заждались тебя.

Липочка. Что, Устинья Наумовна, скоро приедет?

Устинья Наумовна. Виновата, сейчас провалиться, виновата! А дела-то наши, серебряные, не очень хороши!

Липочка. Как? что такое за новости?

Аграфена Кондратьевна. Что ты еще там выдумала?

Устинья Наумовна. А то, бралиянтовые, что жених-то наш что-то мнется.

Большов. Ха, ха, ха! А еще сваха! Где тебе со-сватать!

Устинья Наумовна. Уперся, как лошадь, — ни тпру, ни ну; слова от него не добьешься путного.

Липочка. Что же это, Устинья Наумовна? Да как же это ты, право!

Аграфена Кондратьевна. Ах, батюшки! Да как же это быть-то?

Липочка. Да давно ль ты его видела?

Устинья Наумовна. Нынче утром была. Вышел как есть в одном шлафорке; а уж употчевал, — можно чести приписать. И кофью велел, и ромку-то, а уж сухарей навалил — видимо-невидимо. Кушайте, говорит, Устинья Наумовна! Я было об деле-то, знаешь ли — надо, мол, чем-нибудь порешить; ты, говорю, нынче хотел ехать обзнакомиться-то; а он мне на это ничего путного не сказал. Вот, говорит, подумамши да посоветамшись, а сам только что опояску поддегивает.

Липочка. Что ж он там спустя рукава-то сантиментальничает? Право, уж тошно смотреть, как все это продолжается.

Аграфена Кондратьевна. И в самом деле, что он ломается-то? Мы разве хуже его?

Устинья Наумовна. А лягушка его заклюй, нешто мы другого не найдем?

Большов. Ну, уж ты другого-то не ищи, а то опять то же будет. Уж другого-то я вам сам найду.

Аграфена Кондратьевна. Да, найдешь, на печи-то сидя; ты уж и забыл, кажется, что у тебя дочь-то есть.

Большов. А вот увидим!

Аграфена Кондратьевна. Что увидеть-то! Увидеть-то нечего! Уж не говори ты мне, пожалуйста, — не расстраивай ты меня. *(Садится.)*

Большов хохочет. Устинья Наумовна отходит с Липочкой на другую сторону сцены. Устинья Наумовна рассматривает ее платье.

Устинья Наумовна. Ишь ты, как вырядилась, — платье-то на тебе какое авантажное!⁸⁵ Уж не сама ль смастерила?

Липочка. Вот ужасно нужно самой! Что мы нищие, что ли, по-твоему? А мадамы-то⁸⁶ на что?

Устинья Наумовна. Фу ты, уж и нищие! Кто тебе говорит такие глупости? Тут рассуждают об хозяйстве, что не сама ль, дескать, шила, — а то, известное дело, и платье-то твое дрянь.

Липочка. Что ты! Что ты! Никак, с ума сошла! Где у тебя глаза-то? С чего это ты конфузить вздумала?

Устинья Наумовна. Что это ты так разъерепенилась?

Липочка. Вот оказия! Стану я терпеть такую напраслину! Да что я, девчонка, что ли, какая необразованная!

Устинья Наумовна. С чего это ты взяла? Откуда нашел на тебя эдакой каприз? Разве я хую твоё платье? Чем не платье — и всякий скажет, что платье. Да тебе-то оно не годится; по красоте-то твоей совсем не такое надобно, — исчезни душа, коли лгу. Для тебя золотого мало: подавай нам шитое жемчугом. — Вот и улыбнулась, изумрудная! Я ведь знаю, что говорю!

Тишка (входит). Сысой Псоич приказали спросить, можно ли, дескать, взойти. Они тамотка, у Лазаря Елизарыча.

Большов. Пошел, зови его сюда и с Лазарем.

Тишка уходит.

Аграфена Кондратьевна. Что ж, недаром же закуска приготовлена — вот и закусим. А уж тебе, чай, Устинья Наумовна, давно водочки хочется?

Устинья Наумовна. Известное дело — адмиральский час⁸⁷ — самое настоящее время.

Аграфена Кондратьевна. Ну, Самсон Силыч, трогайся с места-то, что так-то сидеть!

Большов. погоди, вот те подойдут — еще успеешь.

Липочка. Я, маменька, пойду разденусь.

Аграфена Кондратьевна. Поди, дитятко, поди.

Большов. погоди раздеваться-то — жених придет.

Аграфена Кондратьевна. Какой там еще жених — полно дурачиться-то.

Большов. погоди, Липа, жених придет.

Липочка. Кто же это, тятенька? Знаю я его или нет?

Большов. А вот увидишь, так, может, и узнаешь.

Аграфена Кондратьевна. Что ты его слушаешь, какой там еще шут придет! Так язык чешет.

Большов. Говорят тебе, что придет, так уж я, стало быть, знаю, что говорю.

Аграфена Кондратьевна. Коли кто в самом деле придет, так уж ты бы путем говорил, — а то придет, придет, а бог знает кто придет. Вот всегда так.

Липочка. Ну, так я, маменька, останусь. (Подходит к зеркалу и смотрится; потом к отцу.) Тятенька!

Большов. Что тебе?

Липочка. стыдно сказать, тятенька!

Аграфена Кондратьевна. Что за стыд, дурочка! Говори, коли что нужно.

Устинья Наумовна. Стыд не дым — глаза не быест.

Липочка. Нет, ей-богу, стыдно!

Большов. Ну, закройся, коли стыдно.

Аграфена Кондратьевна. Шляпку, что ли, новую хочется?

Липочка. Вот и не угадали, вовсе не шляпку.

Большов. Так чего ж тебе?

Липочка. Выйти замуж за военного!

Большов. Эх ведь что вывезла!

Аграфена Кондратьевна. Акстись, беспутная! Христос с тобой!

Липочка. Что ж, — ведь другие выходят же.

Большов. Ну и пускай их выходят, а ты сиди у моря да жди погодки.

Аграфена Кондратьевна. Да ты у меня и заикаться не смей! Я тебе и родительского благословения не дам.

ЯВЛЕНИЕ IV

Те же и Лазарь, Расположенский и Фоминишна
(у дверей).

Расположенский. Здравствуйте, батюшка Самсон Силыч! Здравствуйте, матушка Аграфена Кондратьевна! Олимпиада Самсоновна, здравствуйте!

Большов. Здравствуй, братец, здравствуй! Садись, садись милости просим! Садись и ты, Лазарь!

Аграфена Кондратьевна. Закусить не угодно ли? А у меня закусочка приготовлена.

Расположенский. Отчего ж, матушка, не закусить; я бы теперь рюмочку выпил.

Большов. А вот сейчас пойдем все вместе, а теперь пока побеседуем маненько.

Устинья Наумовна. Отчего ж и не побеседовать! Вот, золотые мои, слышала я, будто в газете напечатано, правда ли, нет ли, что другой Бонапарт народился, и будто бы, золотые мои...

Большов. Бонапарт Бонапартом, а мы пуще всего надеемся на милосердие божие; да не об этом теперь речь.

Устинья Наумовна. Так об чем же, яхонтовый?

Большов. А о том, что лета наши подвигаются преклонные, здоровье тоже ежеминутно прерывается, и один создатель только ведает, что будет вперед; то и положили мы, еще при жизни своей, отдать в замужество

единственную дочь нашу, и в рассуждении приданого тоже можем надеяться, что она не острамит нашего капитала и происхождения, а равномерно и перед другими прочими.

Устинья Наумовна. Ишь ведь, как сладко рассказывает, бралиянтовый!

Большов. А так как теперь дочь наша здесь налицо, и при всем том, будучи уверены в честном поведении и достаточности нашего будущего зятя, что для нас очень чувствительно, в рассуждении божеского благословения, то и назначаем его теперича в общем лицеизрении. — Липа, поди сюда.

Липочка. Что вам, тятенька, угодно?

Большов. Поди ко мне, не укушу — не бось. Ну, теперь ты, Лазарь, ползи.

Подхалюзин. Давно готов-с!

Большов. Ну, Липа, давай руку!

Липочка. Как, что это за вздор? С чего это вы выдумали?

Большов. Хуже, как силой возьму!

Устинья Наумовна. Вот тебе, бабушка, и Юрьев день!

Аграфена Кондратьевна. Господи, да что ж это такое?

Липочка. Не хочу, не хочу! Не пойду я за такого противного!

Фоминишна. С нами крестная сила!

Подхалюзин. Видно, тятенька, не видать мне счастья на этом свете! Видно, не бывать-с по вашему желанию!

Большов (берет Липочку насильно за руку и Лазаря). Как же не бывать, коли я того хочу? На что ж я отец, коли не приказывать? Даром, что ли, я ее кормил?

Аграфена Кондратьевна. Что ты! Что ты! Опомнись!

Большов. Знай сверчок свой шесток! Не твое дело! Ну, Липа! Вот тебе жених! Прошу любить да жаловать! Садитесь рядком да потолкуйте ладком, а там честным пирком да за свадебку.

Липочка. Как же, нужно мне очень с неучем сидеть! — Вот оказия!

Большов. А не сядешь, так насильно посажу да заставлю жеманиться.

Липочка. Где это видано, чтобы воспитанные барышни выходили за своих работников?

Большов. Молчи лучше! Велю, так и за дворника выйдешь.

Молчание.

Устинья Наумовна. Вразуми, Аграфена Кондратьевна, что это за беда такая.

Аграфена Кондратьевна. Сама, родная, затмилась, ровно чулан какой. И понять не могу, — откуда это такое взялось?

Фоминишна. Господи! Семей десяток живу, сколько свадеб праздновала, а такой скверности не видывала.

Аграфена Кондратьевна. За что же вы это, душегубцы, девку-то опозорили?

Большов. Да, очень мне нужно слушать вашу фанaberию⁸⁸. Захотел выдать дочь за прикащика, и поставлю на своем, и разговаривать не смей; я и знать никого не хочу. — Вот теперь закусить пойдете, а они пусть побалаясничают, может быть, и поладят как-нибудь.

Рисположенский. Пойдемте, Самсон Силыч, и я с вами, для компании, рюмочку выпью. А уж это, Аграфена Кондратьевна, первый долг, чтобы дети слушались родителей. Это не нами заведено, не нами и кончится.

Встают и уходят все, кроме Липочки, Подхалюзина и Аграфены Кондратьевны.

Липочка. Да что же это, маменька, такое? Что я им кухарка, что ли, досталась? *(Плачет.)*

Подхалюзин. Маменька-с! Вам зятя такого, который бы вас уважал и, значит, старость вашу покоил — окромя меня не найтить-с.

Аграфена Кондратьевна. Да как же это ты, батюшка?

Подхалюзин. Маменька-с! В меня бог вложил такое намерение потому самому-с, что другой вас, маменька-с, и знать не хочет, а я по гроб моей жизни *(плачет)* должен чувствовать-с.

Аграфена Кондратьевна. Ах, батюшки, да как же это быть?

Большов *(из двери)*. Жена, поди сюда!

Аграфена Кондратьевна. Сейчас, батюшка, сейчас!

Подхалюзин. Вы, маменька, вспомните это слово, что я сейчас сказал.

Аграфена Кондратьевна уходит.

ЯВЛЕНИЕ V

Липочка и Подхалюзин. Молчание.

Подхалюзин. Алимпияда Самсоновна-с! Алимпияда Самсоновна! Но, кажется, вы мною гнушаетесь? Скажите хоть одно слово-с. Позвольте вашу ручку поцеловать.

Липочка. Вы дурак необразованный.

Подхалюзин. За что вы, Алимпияда Самсоновна, обижать изволите-с?

Липочка. Я вам один раз навсегда скажу, что не пойду я за вас, — не пойду.

Подхалюзин. Это как вам будет угодно-с! Насильно мил не будешь. Только я вам вот что доложу-с...

Липочка. Я вас слушать не хочу, отстаньте от меня! Как бы вы были учтивый кавалер, вы видите, что я ни за какие сокровища не хочу за вас итти, — вы бы должны отказаться.

Подхалюзин. Вот вы, Алимпияда Самсоновна, изволите говорить — отказаться. Только если я откажусь, что потом будет-с?

Липочка. А то и будет, что я выйду за благородного.

Подхалюзин. За благородного-с! Благородный-то без приданого не возьмет.

Липочка. Как без приданого? Что вы городите-то? Посмотрите-ко, какое у меня приданое-то — в нос бросится.

Подхалюзин. Тряпки-то-с! Благородный тряпок-то не возьмет. Благородному-то деньги нужны-с.

Липочка. Что ж! Тятенька и денег даст!

Подхалюзин. Хорошо как даст-с! А как дать-то нечего? Вы дел-то тятенькиных не знаете, а я их очино хорошо знаю: тятенька-то ваш банкрот-с.

Липочка. Как банкрот? А дом-то, а лавки?

Подхалюзин. А дом-то и лавки — мой-с!

Липочка. Ваши?! Подите вы — что вы меня дурачить хотите? Глупее себя нашли!

Подхалюзин. А вот у нас законные документы есть. *(Вынимает.)*

Липочка. Так вы купили у тятеньки?

Подхалюзин. Купил-с!

Липочка. Где же вы денег взяли?

Подхалюзин. Денег! У нас, слава богу, денег-то побольше, чем у какого благородного.

Липочка. Что же это такое со мной делают? Воспитывали, воспитывали, потом и обанкрутились!

Молчание.

Подхалюзин. Ну, положим, Алимпияда Самсоновна, что вы выйдете и за благородного, — да что ж в этом будет толку-с? Только одна слава, что барыня, а приятности никакой нет-с. Вы извольте рассудить-с: барыни-то часто сами на рынок пешком ходят-с. А если и выедут-то куда, так только слава, что четверня-то, а хуже одной-с купеческой-то. Ей-богу, хуже-с! Одеваются тоже не больно пышно-с. А если за меня-то вы, Алимпияда Самсоновна, выйдете-с, — так первое слово: вы и дома-то будете в шелковых платьях ходить-с, а в гости али в театр-с — окромя бархатных и одевать не станем. В рассуждении шляпок или салопов⁹⁹ — не будем смотреть на разные дворянские приличия, наденем какую чудней! Лошадей заведем орловских⁹⁹.

Молчание.

Если вы насчет физиономии сомневаетесь, так это, как вам угодно-с, мы также и фрак наденем да бороду обреем, либо так пострижем, по моде-с, это для нас все одно-с.

Липочка. Да вы все перед свадьбой так говорите, а там и обманете.

Подхалюзин. С места не сойти, Алимпияда Самсоновна! Анафемой хочу быть, коли лгу! Да это что-с, Алимпияда Самсоновна! Нешто мы в эдаком доме будем жить? — В Каретном ряду купим-с, распишем как: на потолках это райских птиц нарисуем, сиренов⁹¹, капионов разных — поглядеть только будут деньги давать.

Липочка. Нынче уж капионов-то не рисуют.

Подхалюзин. Ну, так мы пукетами пустим.

Молчание.

Было бы только с вашей стороны согласие, а то мне в жизни ничего не надобно.

Молчание.

Как я несчастлив в своей жизни, что не могу никаких комплиментов говорить.

Липочка. Для чего вы, Лазарь Елизарыч, по-французски не говорите?

Подхалюзин. А для того, что нам не для чего.

Молчание.

Осчастливьте, Алимпияда Самсоновна, окажите эдакое благоволение-с.

Молчание.

Прикажите на колени стать.

Липочка. Станьте!

Подхалюзин становится.

Вот у вас какая жилетка скверная!

Подхалюзин. Эту я Тишке подарю-с, а себе на Кузнецком мосту закажу, только не погубите!

Молчание.

Что же, Алимпияда Самсоновна-с?

Липочка. Дайте подумать.

Подхалюзин. Да об чем же думать-с?

Липочка. Как же можно не думать?

Подхалюзин. Да вы не думамши.

Липочка. Знаете что, Лазарь Елизарыч!

Подхалюзин. Что прикажете-с?

Липочка. Увезите меня потихоньку.

Подхалюзин. Да зачем же потихоньку-с, когда и так тятенька с маменькой согласны?

Липочка. Да так делают. Ну, а коли не хотите увезти — так уж, пожалуй, и так.

Подхалюзин. Алимпияда Самсоновна! Позвольте ручку поцеловать! *(Целует, потом вскакивает и подбегает к двери.)* Тятенька-с!..

Липочка. Лазарь Елизарыч, Лазарь Елизарыч! Подите сюда!

Подхалюзин. Что вам угодно-с?

Липочка. Ах, если бы вы знали, Лазарь Елизарыч, какое мне житье здесь! У маменьки семь пятниц на неделе; тятенька, как не пьян, так молчит, а как пьян, так прибьет того и гляди. Каково это терпеть образованной барышне? Вот как бы я вышла за благородного, так я бы и уехала из дому и забыла бы обо всем этом. А теперь все опять пойдет по-старому.

Подхалюзин. Нет-с, Алимпияда Самсоновна, не будет этого! Мы, Алимпияда Самсоновна, как только сыграем свадьбу, так перейдем в свой дом-с. А уж мы им-то командовать не дадим-с! Нет, уж теперь кончено-с! Будет с них — почудили на своем вкусу, теперь нам пора!

Липочка. Так смотрите же, Лазарь Елизарыч, мы будем жить сами по себе, а они сами по себе. Мы заведем все по моде, а они как хотят.

Подхалюзин. Уж это как и водится-с.

Липочка. Ну, теперь зовите тятеньку. *(Встает и охорашивается перед зеркалом.)*

Подхалюзин. Тятенька-с! Тятенька-с! Маменька-с!

ЯВЛЕНИЕ VI

Те же, Большов и Аграфена Кондратьевна.

Подхалюзин *(идет навстречу Самсону Спльчу и бросается к нему в объятия)*. Алимпияда Самсоновна согласны-с!

Аграфена Кондратьевна. Бегу, батюшка, бегу!

Большов. Ну вот и дело! То-то же. Я знаю, что делаю; уж не вам меня учить.

Подхалюзин *(к Аграфене Кондратьевне)*. Маменька-с, позвольте ручку поцеловать.

Аграфена Кондратьевна. Целуй, батюшка, обе чистые. Ах ты, дитятко, да как же это давича-то так? а? Ей-богу! Что ж это такое? А уж я и не знала, как это дело и рассудить-то. Ах, ненаглядная ты моя!

Липочка. Я совсем, маменька, не воображала, что Лазарь Елизарыч такой учтивый кавалер! А теперь вдруг вижу, что он гораздо почтительнее других.

Аграфена Кондратьевна. Вот то-то же, дурочка! Уж отец тебе худа не пожелает. Ах ты, голубушка моя! Эка ведь притча-то! А? Ах, матушки вы мои! Что ж это такое! Фоминишна! Фоминишна!

Фоминишна. Бегу, бегу, матушка, бегу! *(Входит)*

Большов. Постой ты, таранта! Вот вы садитесь рядом — а мы на вас посмотрим. Да подай-ко ты нам бутылочку шипучки.

Подхалюзин и Липочка садятся.

Фоминишна. Сейчас, батюшка, сейчас! *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ VII

Те же, Устинья Наумовна и Рисположенский.

Аграфена Кондратьевна. Поздравь жениха-то с невестой, Устинья Наумовна! Вот бог привел на старости лет, дожили до радости.

Устинья Наумовна. Да чем же поздравить-то, изумрудные? Сухая ложка рот дерет.

Большов. А вот мы тебе горлышко промочим.

ЯВЛЕНИЕ VIII

Те же, Фоминишна и Тишка с вином на подносе.

Устинья Наумовна. Вот это дело другого рода. Ну, дай бог жить да молодеть, толстеть да богатеть. (Пьет.) Горько, бралиянтовые!

Липочка и Лазарь целуются.

Большов. Дай-ко я поздравлю. (Берет бокал.)

Липочка и Лазарь встают.

Живите, как знаете, — свой разум есть. А чтоб вам жить-то не было скучно, так вот тебе, Лазарь, дом и лавки пойдут вместо приданого, да из наличного отсчитаем.

Подхалюзин. Помилуйте, тятенька, я и так вами много доволен.

Большов. Что тут миловать-то! Свое добро, сам нажил. Кому хочу — тому и даю. Наливай еще!

Тишка наливает.

Да что тут разговаривать-то. На милость суда нет. Бери все, только нас со старухой корми да кредиторам заплати копеек по десяти.

Подхалюзин. Стоиг ли, тятенька, об этом говорить-с! Нешто я не чувствую? Свои люди — сочтемся.

Большов. Говорят тебе, бери все, да и конечно дело. И никто мне не указ! Заплати только кредиторам. Заплатишь?

Подхалюзин. Помилуйте, тятенька, первый долг-с!

Большов. Только ты смстри — им много-то не давай. А то ты, чай, рад сдуру-то все отдать.

Подхалюзин. Да уж там, тятенька, как-нибудь сочтемся. Помилуйте, свои люди.

Большов. То-то же! Ты им больше десяти копеек не давай. Будет с них... Ну, поцелуйтесь!

Липочка и Лазарь целуются.

Аграфена Кондратьевна. Ах, голубчики вы мои! Да как же это так! Совсем вот как подоумная.

Устинья Наумовна.

Уж и где же это видано,
Уж и где же это слыхано,
Чтобы курочка бычка родила,
Поросеночек яичко снес!

(Наливает вина и подходит к Рисположенскому.)

Рисположенский кланяется и отказывается.

Большов. Выпей, Сысой Псоич, на радости.

Рисположенский. Не могу, Самсон Силыч, — претит.

Большов. Полно ты! Выпей на радости.

Устинья Наумовна. Еще туда же ломается!

Рисположенский. Претит, Самсон Силыч! Ей-богу, претит. Вот я водочки рюмочку выпью! А это натура не принимает. Уж такая слабая комплекция.

Устинья Наумовна. Ах ты, проволочная шея! Ишь ты — у него натура не принимает! Да давайте я ему за шиворот вылью, коли не выпьет.

Рисположенский. Неприлично, Устинья Наумовна! Даме это неприлично. Самсон Силыч, не могу-с! Разве бы я стал отказываться? Хе, хе, хе, да что же я за дурак, чтобы я такое невежество сделал; видали мы людей-то, знаем, как жить; вот я от водочки никогда не откажусь, пожалуй, хоть теперь рюмочку выпью! А этого не могу — потому претит. А вы, Самсон Силыч, бесчинства не допускайте, обидеть недолго, а нехорошо.

Большов. Хорошенько его, Устинья Наумовна, хорошенько!

Рисположенский бежит от нее.

Устинья Наумовна (*ставит вино на стол*). Врешь, купоросная душа, не уйдешь! (*Прижимает его в угол и хватает за шиворот.*)

Рисположенский. Караул!!

Все хохочут.

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

В доме Подхалюзина богато обмеллированная гостинья.

ЯВЛЕНИЕ I

Олимпиада Самсоновна сидит у окна в роскошном положении, на ней шелковая блузка, чепчик последнего фасона. Подхалюзин в модном сюртуке стоит перед зеркалом. Тишка за ним, обдергивает и охорашивает.

Тишка. Ишь ты как оно пригнуто, в самый раз!

Подхалюзин. А что, Тишка, похож я на француза? Да издали погляди!

Тишка. Две капли воды.

Подхалюзин. То-то, дурак! Вот ты теперь и смотри на нас! (*Ходит по комнате.*) Так-то-с, Алимпияда Самсоновна! А вы хотели за офицера итти-с. Чем же мы не молодцы? — Вот сюртучок новенький взяли да и надели.

Олимпиада Самсоновна. Да вы, Лазарь Елизарыч, танцовать не умеете.

Подхалюзин. Что ж, нешто не выучимся! Еще как выучимся-то — важнейшим манером. Зимой в Купеческое собрание будем ездить-с. Вот и знай наших-с! Польку станем танцовать.

Олимпиада Самсоновна. Уж вы, Лазарь Елизарыч, купите ту коляску-то, что смотрели у Арбатского⁹².

Подхалюзин. Как же, Алимпияда Самсоновна-с! Надоть купить, надоть-с.

Олимпиада Самсоновна. А мне новую мантилью принесли, вот мы бы с вами в пятницу и поехали в Сокольники.

Подхалюзин. Как же-с, непременно поедem-с; и в Парк⁹³ поедem-с в воскресенье. Ведь коляска-то тысячу целковых стоит, да и лошади-то тысячу целковых и сбруя накладного серебра, — так пушай их смотрят. Тишка, трубку!

Тишка уходит.

(Садится подле Олимпиады Самсоновны.) Так-то-с, Алимпияда Самсоновна! Пушай себе смотрят.

Молчание.

Олимпиада Самсоновна. Что это вы, Лазарь Елизарыч, меня не поцелуете?

Подхалюзин. Как же! Помилуйте-с! С нашим удовольствием! Пожалуйте ручку-с! (Целует. Молчание.) Скажите, Алимпияда Самсоновна, мне что-нибудь на французском диалекте-с.

Олимпиада Самсоновна. Да что же вам сказать?

Подхалюзин. Да что-нибудь скажите — так, малость самую-с. Мне все равно-с!

Олимпиада Самсоновна. Ком ву зет жоли!

Подхалюзин. А это что такое-с?

Олимпиада Самсоновна. Как вы милы!

Подхалюзин (вскакивает со стула). Вот она у нас жена-то какая! Ай да Алимпияда Самсоновна! Уважили! Пожалуйте ручку!

Входит Тишка с трубкой.

Тишка. Устинья Наумовна пришла.

Подхалюзин. Зачем ее еще чорт принес!

Тишка уходит.

ЯВЛЕНИЕ II

Те же и Устинья Наумовна.

Устинья Наумовна. Как живете-можете, бралиантовые?

Подхалюзин. Вашими молитвами, Устинья Наумовна, вашими молитвами.

Устинья Наумовна (целуясь). Что это ты как будто похорошела, поприпухла?

Олимпиада Самсоновна. Ах, какой ты вздор городишь, Устинья Наумовна! Ну, с чего это ты взяла?

Устинья Наумовна. Что за вздор, золотая; уж к тому дело идет: рада не рада — нечего делать!.. Люби кататься, люби и саночки возить!.. Что ж это вы меня позабыли совсем, бралиянтовые? Али еще осмотреться не успели? Все, чай, друг на друга любуетесь да миндальничаете.

Подхалюзин. Есть тот грех, Устинья Наумовна, есть тот грех!

Устинья Наумовна. То-то же: какую я тебе сударушку подздобила.

Подхалюзин. Много довольны, Устинья Наумовна, много довольны.

Устинья Наумовна. Еще б не доволен, золотой! Чего ж тебе! Вы теперь, чай, все об нарядах хлопчете. Много еще модного-то напроказила?

Олимпиада Самсоновна. Не так чтобы много. Да и то больше оттого, что новые материи вышли.

Устинья Наумовна. Известное дело, жемчужная, нельзя ж: хоть худенькие, да голубенькие. А каких же больше настряпала — шерстяных али шелковых?

Олимпиада Самсоновна. Разных — и шерстяных и шелковых; да вот недавно креповое с золотом сшила.

Устинья Наумовна. Сколько ж всего-то навсего у тебя, изумрудная?

Олимпиада Самсоновна. А вот считай: подвечное блондовое⁹⁴ на атласном чахле да три бархатных — это будет четыре; два газовых да креповое, шитое золотом, — это семь; три атласных да три грогроновых — это тринадцать; гроденаплевых да гродафриковых семь — это двадцать; три марселиновых, два муслинделиновых, два шинероялевых — много ли это? — три да четыре семь да двадцать — двадцать семь; крепрашелевых четыре — это тридцать одно. Ну, там еще кисейных, буйфмус-

линовых⁸⁵ да ситцевых штук до двадцати; да там блуз да капотов не то девять, не то десять. Да вот недавно из персидской материи сшила.

Устинья Наумовна. Ишь ты, бог с тобой, сколько нагородила! А ты поди-ко выбери мне какое пошире из гродафриковых.

Олимпиада Самсоновна. Гродафрикового не дам, у самой только три; да оно и не сойдется на твою талию; пожалуй, коли хочешь, возьми крепрашелевое.

Устинья Наумовна. На какого мне жиды трепрашельчатого-то: ну уж, видно, нечего с тобой делать, помирюсь и на атласном, так и быть.

Олимпиада Самсоновна. Ну и атласное тоже — как-то не того, сшиты по-бальному, открыто очень — понимаешь? А из крепрашелевых сыщем капот, распустим складочки, и будет в самую припорцию.

Устинья Наумовна. Ну, давай трепрашельчатое! Твое взяло, бралиянтовая! Поди отпирай шкаф.

Олимпиада Самсоновна. Я сейчас, подожди немножко.

Устинья Наумовна. Подожду, золотая, подожду. Вот еще мне с супругом твоим поговорить надо.

Олимпиада Самсоновна уходит.

Что же это ты, бралиянтовый, никак, забыл совсем свое обещание?

Подхалюзин. Как можно забыть-с, помним! (Вынимает бумажник и дает ей ассигнацию⁸⁶.)

Устинья Наумовна. Что ж это такое, алмазный?

Подхалюзин. Сто целковых-с!

Устинья Наумовна. Как так сто целковых? Да ты мне полторы тысячи обещал.

Подхалюзин. Что-о-с?

Устинья Наумовна. Ты мне полторы тысячи обещал.

Подхалюзин. Не жирно ли будет, неравно облопаешься?

Устинья Наумовна. Что ж ты, курицын сын, шутить, что ли, со мной вздумал? Я, брат, и сама дама разухабистая.

Подхалюзин. Да за что вам деньги-то давать? Диви бы за дело за какое?

Устинья Наумовна. За дело ли, за безделье ли, а давай, — ты сам обещал.

Подхалюзин. Мало ли что я обещал! Я обещал

с Ивана Великого прыгнуть, коли женюсь на Алимпияде Самсоновне, — так и прыгать?

Устинья Наумовна. Что ж ты думаешь, я на тебя суда не найду? Велика важность, что ты купец второй гильдии, я сама на четырнадцатом классе сижу⁹⁷, какая ни на есть, все-таки чиновница.

Подхалюзин. Да хоть бы генеральша — мне все равно; я вас и знать-то не хочу, — вот и весь разговор.

Устинья Наумовна. Ан врешь — не весь: ты мне еще соболий салоп обещал.

Подхалюзин. Чего-с?

Устинья Наумовна. Соболий салоп! Что ты, оглох, что ли?

Подхалюзин. Соболий-с! Хе, хе, хе...

Устинья Наумовна. Да, соболий! Что ты смешься-то, что горло-то пялишь!

Подхалюзин. Еще рылом не вышли-с в соболих-то салопах ходить!

Олимпиада Самсоновна выносит платье и отдает
Устинье Наумовне.

ЯВЛЕНИЕ III

Те же и Олимпиада Самсоновна.

Устинья Наумовна. Что же это вы в самом деле, — ограбить меня, что ли, хотите?

Подхалюзин. Что за грабеж, а ступайте с богом, вот и все тут.

Устинья Наумовна. Уж ты гнать меня стал; да и я-то, дура бестолковая, связалась с вами, — сейчас видно: мещанская-то кровь!

Подхалюзин. Так-с! Скажите пожалуйста!

Устинья Наумовна. А коли так, я и смотреть на вас не хочу! Ни за какие сокровища и водиться-то с вами не соглашусь! Кругом обегу тридцать верст, а мимо вас не пойду! Скорей зажмурюсь да на лошадь наткнусь, чем стану глядеть на ваше логовище! Плюнуть захочется, и то в эту улицу не заверну! Лопнуть на десять частей, коли лгу! Провалиться в тартарары, коли меня здесь увидите!

Подхалюзин. Да вы, тетенька, легонько!

Устинья Наумовна. Уж я вас, золотые, распечатаю: будете знать! Я вас так по Москве-то расславлю, что стыдно будет в люди глаза показать!.. Ах, я дура, дура, с кем связалась! Даме-то с званием, чинном... Тьфу! Тьфу! Тьфу! (Уходит.)

Подхалюзин. Ишь ты, расходилась дворянская-то кровь! Ах ты, господи! Туда же чиновница! Вот пословица-то говорится: гром-то гремит не из тучи, а из навозной кучи! Ах ты, господи! Вот и смотри на нее, дама какая!

Олимпиада Самсоновна. Охота вам была, Лазарь Елизарыч, с ней связываться!

Подхалюзин. Да помилуйте, совсем несообразная женщина!

Олимпиада Самсоновна (глядит в окно). Никак, тятеньку из ямы выпустили — посмотрите, Лазарь Елизарыч!

Подхалюзин. Ну, нет-с: из ямы-то тятеньку не скоро выпустят; а надо полагать, его в конкурс⁹⁸ выписывали, так отпросился домой... Маменька-с! Аграфена Кондратьевна! Тятенька идет-с!

ЯВЛЕНИЕ IV

Те же, Большов и Аграфена Кондратьевна.

Аграфена Кондратьевна. Где он? Где он? Родные вы мои, голубчики вы мои!

Целуются.

Подхалюзин. Тятенька, здравствуйте, наше почтение!

Аграфена Кондратьевна. Голубчик ты мой, Самсон Силыч, золотой ты мой! Оставил ты меня сиротой на старости лет!

Большов. Полно, жена, перестань!

Олимпиада Самсоновна. Что это вы, маменька, точно по покойнике плачете! Не бог знает что случилось.

Большов. Оно точно, дочка, не бог знает что, а все-таки отец твой в яме сидит.

Олимпиада Самсоновна. Что ж, тятенька, сидят и лучше нас с вами.

Большов. Сидят-то сидят, да каково сидеть-то! Каково по улице-то итти с солдатом! Ох, дочка! Ведь меня сорок лет в городе-то все знают, сорок лет все в пояс кланялись, а теперь мальчишки пальцами показывают.

Аграфена Кондратьевна. И лица-то нет на тебе, голубчик ты мой! Словно ты с того света выходишь!

Подхалюзин. Э, тятенька, бог милостив! Все перемелется — мука будет. Что же, тятенька, кредиторы-то говорят?

Большов. Да что: на сделку согласны. Что, говорят, тянуть-то, — еще возьмешь ли, нет ли, а ты что-нибудь чистыми дай, да и бог с тобой.

Подхалюзин. Отчего же не дать-с! Надоть дать-с! А много ли, тятенька, просят?

Большов. Прсят-то двадцать пять копеек.

Подхалюзин. Это, тятенька, много-с!

Большов. И сам, брат, знаю, что много, да что ж делать-то? Меньше не берут.

Подхалюзин. Кабы десять копеек, так бы ладно-с. Семь с половиною на удовлетворение, а две с половиною на конкурсные расходы.

Большов. Я так-то говорил, да и слышать не хотят.

Подхалюзин. Зазнались больно! А не хотят они восемь копеек в пять лет?

Большов. Что ж, Лазарь, придется и двадцать пять дать, ведь мы сами прежде так предлагали.

Подхалюзин. Да как же, тятенька-с! Вы ведь тогда сами изволили говорить-с, больше десяти копеек не давать-с. Вы сами рассудите: по двадцати пяти копеек денег много. Вам, тятенька, закусить чего не угодно ли-с? Маменька, прикажите водочки подать да велите самоварчик поставить, уж и мы для компании выпьем-с. — А двадцать пять копеек много-с!

Аграфена Кондратьевна. Сейчас, батюшка, сейчас! (Уходит.)

Большов. Да что ты мне толкуешь-то: я и сам знаю, что много, да как же быть-то? Потомят года полтора в яме-то да каждую неделю будут с солдатом по улицам водить, а еще, того гляди, в острог переместят: так рад будешь и полтину дать. От одного страма-то не знаешь куда спрятаться.

Аграфена Кондратьевна с водкой; Тишка вносит закуску и уходит.

Аграфена Кондратьевна. Голубчик ты мой! Кушай, батюшка, кушай! Чай, тебя там голодом изморили!

Подхалюзин. Кушайте, тятенька! Не взыщите, чем бог послал!

Большов. Спасибо, Лазарь! Спасибо! (Пьет.) Пей-ко сам.

Подхалюзин. За ваше здоровье! (Пьет.) Маменька, не угодно ли-с! Сделайте одолжение!

Аграфена Кондратьевна. А, батюшка, до того

ли мне теперь! Эдакое божеское поущение! Ах ты, господи боже мой! Ах ты, голубчик ты мой!

Подхалюзин. Э, маменька, бог милостив, как-нибудь отделаемся! Не вдруг-с!

Аграфена Кондратьевна. Дай-то господи! А то уж и я-то, на него глядя, вся измаялась.

Большов. Ну, как же, Лазарь?

Подхалюзин. Десять копеечек, извольте, дам-с, как говорили.

Большов. А пятнадцать-то где же я возьму? Не из рогожи ж мне их шить.

Подхалюзин. Я, тятенька, не могу-с! Видит бог, не могу-с!

Большов. Что ты, Лазарь, что ты! Да куда ж ты деньги-то дел?

Подхалюзин. Да вы извольте рассудить: я вот торговлей завожусь, домишко отделал. Да выкушайте чего-нибудь, тятенька! Вот хоть мадерцы, что ли-с! Маменька, попотчуйте тятеньку!

Аграфена Кондратьевна. Кушай, батюшка Самсон Силыч! Кушай! Я тебе, батюшка, пуншик налью.

Большов (плет). Выручайте, детушки, выручайте!

Подхалюзин. Вот вы, тятенька, извольте говорить, куда я деньги дел? — Как же-с? Рассудите сами: торговать начинаем, известное дело, без капитала нельзя-с, взяться нечем; вот домик купил, заведеньице всякое домашнее завели, лошадок, то, другое. Сами извольте рассудить! Об детях подумать надо.

Олимпиада Самсоновна. Что ж, тятенька, нельзя же нам самим ни при чем остаться. Ведь мы не мешане какие-нибудь.

Подхалюзин. Вы, тятенька, извольте рассудить: нынче без капитала нельзя-с, без капиталу-то не много наторгуешь.

Олимпиада Самсоновна. Я у вас, тятенька, до двадцати лет жила — света не видала. Что ж мне прикажете, отдать вам деньги да самой опять в ситцевых платьях ходить?

Большов. Что вы! Что вы! Опомнитесь! Ведь я у вас не милостыню прошу, а свое же добро. Люди ли вы?

Олимпиада Самсоновна. Известное дело, тятенька, люди, а не звери же.

Большов. Лазарь! да ты вспомни то, ведь я тебе все отдал, все дочиста; вот что себе оставил, видишь! Ведь я тебя мальчишкой в дом взял, подлец ты бесчувств-

венный! Поил, кормил вместо отца родного, в люди вывел. А видел ли я от тебя благодарность какую? Видел ли? Вспомни то, Лазарь, сколько раз я замечал, что ты на руку нечист! Что ж? Я ведь не прогнал тебя, как скота какого, не ославил на весь город. Я тебя сделал главным прикащиком, тебе я все свое состояние отдал, да тебе же, Лазарь, я отдал и дочь-то своими руками. А не случись со мной этого пощущения, ты бы на нее и глядеть-то не смел.

Подхалюзин. Помилуйте, тятенька, я все это очень хорошо чувствую-с!

Большов. Чувствуешь ты! Ты бы должен все отдать, как я, в одной рубашке остаться, только бы своего благодетеля выручить. Да не прошу я этого, не надо мне; ты заплати за меня только, что теперь следует.

Подхалюзин. Отчего бы не заплатить-с, да просят цену, которую совсем несообразную.

Большов. Да разве я прошу! Я из-за каждой вашей копейки просил, просил, в ноги кланялся, да что же мне сделать, когда не хотят уступить ничего?

Олимпиада Самсоновна. Мы, тятенька, сказали вам, что больше десяти копеек дать не можем — и толковать об этом нечего.

Большов. Уж ты скажи, дочка: ступай, мол, ты, старый чорт, в яму! Да, в яму! В острог его, старого дурака! И за дело! — Не гонись за большим, будь доволен тем, что есть. А за большим погонишься, и последнее отнимут, оберут тебя дочиста. И придется тебе бежать на Каменный мост да бросаться в Москву-реку. Да и оттого-ва тебя за язык вытянут да в острог посадят.

Все молчат.

(Пьет.) А вы подумайте, каково мне теперь в яму-то итти! Что ж мне, зажмуриться, что ли? Мне Ильинка-то за сто верст покажется. Вы подумайте только, каково по Ильинке-то итти! Это все равно, что грешную душу дьяволы, прости господи, по мытарствам тащат. А там мимо Иверской⁹⁹: как мне взглянуть-то на нее, на матушку?.. Знаешь, Лазарь, Иуда, ведь он тоже Христа за деньги продал, как мы совесть за деньги продаем... А что ему за это было?.. А там Присутственные места¹⁰⁰, Уголовная палата...¹⁰¹ Ведь я злостный — умышленный... Ведь меня в Сибирь сошлют. Господи!.. Коли так не дадите денег, дайте Христа-ради. (Плачет.)

Подхалюзин. Что вы, что вы, тятенька? Полноте!

Бог милостив! Что это вы? Поправим как-нибудь. Все в наших руках!

Большов. Денег надо, Лазарь, денег. Больше нечем поправить. Либо денег, либо в Сибирь.

Подхалюзин. И денег дадим-с, только бы отвязались! Я, так и быть, еще пять копеечек прибавлю.

Большов. Эки года! Есть ли в вас христианство? Двадцать пять копеек надо, Лазарь.

Подхалюзин. Нет, это, тятенька, много-с, ей-богу, много!

Большов. Змеи вы подколодные!! (Опускается головой на стол.)

Аграфена Кондратьевна. Варвар ты, варвар! Разбойник ты эдакой! Нет тебе моего благословения! Иссохнешь ведь и с деньгами-то, иссохнешь, не доживя веку. Разбойник ты, эдакой разбойник!

Подхалюзин. Полноте, маменька, бога-то гневить! Что это вы клянете нас, не разобравши дела-то! Вы видите, тятенька захмелел маненько, а вы уж и на́ поди.

Олимпиада Самсоновна. Уж вы, маменька, молчали бы лучше! А то вы рады проклясть в трисподнюю. Знаю я: вас на это станет. За то вам, должно быть, и других детей-то бог не дал.

Аграфена Кондратьевна. Сама ты молчи, беспутная! И одну-то тебя бог в наказание послал.

Олимпиада Самсоновна. У вас все беспутные — вы одни хороши. На себя-то посмотрели бы: только что понеделничаете¹⁰², а то дня не пройдет, чтоб не облаять кого-нибудь.

Аграфена Кондратьевна. Ишь ты! Ишь ты! Ах, ах, ах!.. Да я проклянну тебя на всех соборах!¹⁰²

Олимпиада Самсоновна. Проклинайте, пожалуй!

Аграфена Кондратьевна. Да! Вот как! Умрешь, не сгниешь! Да!

Олимпиада Самсоновна. Очень нужно!

Большов (встает). Ну, прощайте, дети!

Подхалюзин. Что вы, тятенька, посидите! Надобно же как-нибудь дело-то кончить!

Большов. Да что кончать-то? Уж я вижу, что дело-то кончено. Сама себя раба бьет, коли нечисто жнет! Ты уж не плати за меня ничего: пусть, что хотят, то и делают. Прощайте, пора мне.

Подхалюзин. Прощайте, тятенька! Бог милостив — как-нибудь обойдется!

Большов. Прощай, жена!

Аграфена Кондратьевна. Прощай, батюшка Самсон Силыч! Когда к вам в яму-то пуцают?

Большов. Не знаю.

Аграфена Кондратьевна. Ну, так я наведаюсь: а то умрешь тут, не видавши-то тебя.

Большов. Прощай, дочка! Прощайте, Алимпияда Самсоновна! Ну, вот вы теперь будете богаты, заживете по-барски. По гуляньям это, по балам — дьявола тешить! А не забудьте вы, Алимпияда Самсоновна, что есть клетки с железными решетками, сидят там бедные заключенные. Не забудьте нас, бедных заключенных. (*Уходит с Аграфеной Кондратьевной.*)

Подхалюзин. Эх! Алимпияда Самсоновна-с! Неловко-с! Жаль тятеньку, ей-богу, жаль-с! Нешто поехать самому поторговаться с кредиторами! Аль не надо-с? Он-то сам лучше их разжалобит. А? Аль ехать? Поеду-с! Тишка!

Олимпиада Самсоновна. Как хотите, так и делайте — ваше дело.

Подхалюзин. Тишка! (*Входит.*) Подай старый сюртук, которого хуже нет.

Тишка уходит.

А то подумают: богат, должно быть, в те поры и не сговоришь.

ЯВЛЕНИЕ V

Те же, Рисположенский и Аграфена Кондратьевна.

Рисположенский. Вы, матушка Аграфена Кондратьевна, огурчиков еще не изволили солить?

Аграфена Кондратьевна. Нет, батюшка! Какие теперь огурчики! До того ли уж мне! А вы посолили?

Рисположенский. Как же, матушка, посолили. Дóроги нынче очень; говорят, морозом хватило. Лазарь Елизарыч, батюшка, здравствуйте! Это водочка? Я, Лазарь Елизарыч, рюмочку выпью.

Аграфена Кондратьевна уходит с Олимпиадой Самсоновной.

Подхалюзин. А за чем это вы к нам пожаловали, не слышать ли?

Рисположенский. Хе, хе, хе!.. Какой вы шутник, Лазарь Елизарыч! Известное дело, за чем!

Подхалюзин. А за чем бы это, желательно знать-с?

Рисположенский. За деньгами, Лазарь Елизарыч, за деньгами-то! Кто за чем, а я все за деньгами!

Подхалюзин. Да уж вы за деньгами-то больно часто ходите.

Рисположенский. Да как же не ходить-то, Лазарь Елизарыч, когда вы по пяти целковых даете! Ведь у меня семейство.

Подхалюзин. Что ж, вам не по сту же давать.

Рисположенский. А уж отдали бы зараз, так я бы к вам и не ходил.

Подхалюзин. То-то вы ни уха, ни рыла не смыслите, а еще хапанцы ¹⁰⁴ берете. За что вам давать-то?

Рисположенский. Как за что? — Сами обещали!

Подхалюзин. Сами обещали! Ведь давали тебе — попользовался, ну и будет, пора честь знать.

Рисположенский. Как пора честь знать? Да вы еще тысячи полторы должны.

Подхалюзин. Должны! Тоже должны! Словно у него документ! А за что — за мошенничество!

Рисположенский. Как за мошенничество? За труды, а не за мошенничество!

Подхалюзин. За труды!

Рисположенский. Ну, да там за что бы то ни было, а давайте деньги, а то документ.

Подхалюзин. Чего-с? Документ! Нет уж, это после придите.

Рисположенский. Так что ж ты меня, грабить, что ли, хочешь с малыми детьми?

Подхалюзин. Что за грабеж! А вот возьми еще пять целковых, да и ступай с богом.

Рисположенский. Нет, погоди! От меня этим не отделаешься!

Тишка входит.

Подхалюзин. А что же ты со мной сделаешь?

Рисположенский. Язык-то у меня не купленный.

Подхалюзин. Что ж ты лизать, что ли, меня хочешь?

Рисположенский. Нет, не лизать, а добрым людям рассказывать.

Подхалюзин. Об чем рассказывать-то, купоросная душа! Да кто тебе поверит-то еще?

Рисположенский. Кто поверит?

Подхалюзин. Да! Кто поверит? Погляди-тко ты на себя.

Рисположенский. Кто поверит? Кто поверит? А вот увидишь! А вот увидишь! Батюшки мои, да что же мне делать-то? Смерть моя! Грабит меня, разбойник, гра-

бит! Нет, ты погоди! Ты увидишь! Грабить не приказано.

Подхалюзин. Да что увидать-то?

Рисположенский. А вот что увидишь! Постой еще, постой, постой! Ты думаешь, я на тебя суда не найду? Погоди!

Подхалюзин. Погоди да погоди! — Уж я и так ждал довольно. Ты полно пужать-то: не страшно.

Рисположенский. Ты думаешь, мне никто не поверит? Не поверит? Ну, пускай обижают! Я... я вот что сделаю... Почтеннейшая публика!

Подхалюзин. Что ты! Что ты! Очнись!

Тишка. Ишь ты, с пьяных-то глаз куда лезет!

Рисположенский. Постой, постой!.. Почтеннейшая публика! Жена, четверо детей, сапоги худые!..

Подхалюзин. Все врет-с! Самый пустой человек-с! Полно ты, полно... Ты прежде на себя-то посмотри, ну, куда ты лезешь!

Рисположенский. Пусти! Тестя обокрал! И меня грабит... Жена, четверо детей, сапоги худые!

Тишка. Подметки подкинуть можно!

Рисположенский. Ты что? Ты такой же грабитель!

Тишка. Ничего-с, проехали!

Подхалюзин. Ах! Ну что ты мораль-то эдакую пуцаешь!

Рисположенский. Нет, ты погоди! Я тебе припомню! Я тебя в Сибирь упеку!

Подхалюзин. Не верьте, все врет-с! Так-с, самый пустой человек-с, внимания не стоящий! Эх, братец, какой ты безобразный! Ну, не знал я тебя — ни за какие бы благополучия и связываться не стал.

Рисположенский. Что взял! а! что взял! Вот тебе, собака! Ну, теперь подавись моими деньгами, чорт с тобой! (Уходит.)

Подхалюзин. Какой горячий-с! (К публике.) Вы ему не верьте, это он, что говорил-с, — это все врет. Ничего этого и не было. Это ему, должно быть, во сне приснилось. А вот мы магазинчик открываем: милости просим! Малого ребенка пришлете — в луковице не обочтем.



БЕДНОСТЬ НЕ ПОРОК

Комедия в трех действиях

Посвящено Прову Михайловичу Садовскому

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

- Гордей Карпыч Торцов, богатый купец.
Пелагея Егоровна, его жена.
Любовь Гордеевна, их дочь.
Любим Карпыч Торцов, его брат промотавшийся.
Африкан Савич Коршунов, фабрикант.
Митя, прикащик Торцова.
Яша Гуслин, племянник Торцова.
Гриша Разлюляев, молодой купчик, сын богатого отца.
Анна Ивановна, молодая вдова.
Маша } подруги Любви Гордеевны.
Лиза }
Егорушка, мальчик, дальний родственник Торцова.
Арина, нянька Любви Гордеевны.
Гости, гости, прислуга, ряженые и прочие.
Действие происходит в уездном городе, в доме купца Торцова, во время святок¹.



ДЕЙСТВИЕ I

Небольшая прикащичья комната; на задней стене дверь, налево в углу кровать, направо шкаф; на левой стене окно, подле окна стол, у стола стул; подле правой стены конторка и деревянная табуретка; подле кровати гитара; на столе и конторке книги и бумаги.

ЯВЛЕНИЕ I

Митя ходит взад и вперед по комнате; Егорушка сидит на табуретке и читает «Бову Королевича»².

Егорушка (читает). «Государь мой батюшка, славный и храбрый король Кирибит Верзоулович, ныне итти за него смелости не имею, потому что когда я была во младости, то король Гвидон за меня сватался».

Митя. Что, Егорушка, наши дома?

Егорушка (зажимает пальцем то место, где читает, чтоб не ошибиться). Никого нет; кататься уехали. Один Гордей Карпыч дома. (Читает.) «На то сказал дщери своей Кирибит Верзоулович...» (Зажимает пальцем.) Только такой сердитый, что беда! Я уж ушел — все ругается. (Читает.) «Тогда прекрасная Милитриса Кирбитьевна, призвав к себе слугу Личарду...»

Митя. На кого же он сердит?

Егорушка (опять зажимает). На дяденьку, на Любима Карпыча. На второй-то праздник дяденька Любим Карпыч обедал у нас, за обедом-то захмелел, да и начал разные колена выкидывать, да смешно таково. Я смешлив ведь больно, не вытерпел, так и покатился со смеху; а уж на меня глядя и все. Дяденька Гордей-то Карпыч принял это себе за обиду да за невежество, осерчал на него, да и прогнал. Дяденька-то Любим Карпыч взял да в отместку ему и созорничал, пошел да с нищими и стал у собора. Дяденька-то Гордей Карпыч говорит: осрамил, говорит, на весь город. Да теперь и сердится на всех без разбору, кто под руку подвернется. (Читает.) «С тем намерением, чтобы подступил под наш град».

Митя (взглянув в окно). Кажется, наши приехали... Так и есть! Пелагея Егоровна, Любовь Гордеевна, да и гости с ними.

Егорушка (прячет сказку в карман). Побежать наверх. (Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ II

Митя (один). Эка тоска, господи!.. На улице праздник, у всякого в доме праздник, а ты сиди в четырех стенах!.. Всем-то я чужой, ни родных, ни знакомых!.. А тут еще... Ах, да ну! сесть лучше за дело, авось тоска пройдет. (Садится к конторке и задумывается, потом запевает.)

Красоты ее не можно описать!..
Черны брови, с поволокою глаза.

Да, с поволокою. А как вчера в собольем салопе, покрывшись платочком, идет от обедни, так это... ах!.. Я так думаю, и не привидано такой красоты! (Задумывается, потом поет.)

Уж и где ж эта родилась красота...

Как же, пойдет тут работа на ум! Все бы я думал об ней!.. Душу-то всю истерзал тосковавши. Ах ты, горе гореваньнице!.. (Закрывает лицо руками и сидит молча.)

Входит Пелагея Егоровна, одетая по-зимнему, и останавливается в дверях.

ЯВЛЕНИЕ III

Митя и Пелагея Егоровна.

Пелагея Егоровна. Митя, Митенька!

Митя. Что вам угодно?

Пелагея Егоровна. Зайди ужо вечерком к нам, голубчик. Поиграете с девушками, песеноч почете.

Митя. Премного благодарен. Первым долгом сочту-с.

Пелагея Егоровна. Что тебе в конторе все сидеть одному! Не велико веселье! Зайдешь, что ли? Гордея Карпыча дома не будет.

Митя. Хорошо-с, зайду беспременно.

Пелагея Егоровна. Уедет ведь опять... да, уедет туда, к этому, к своему-то... как его?..

Митя. К Африкану Савичу-с?

Пелагея Егоровна. Да, да! Вот навязался, прости господи!

Митя (подавая стул). Присядьте, Пелагея Егоровна.

Пелагея Егоровна. Ох, некогда! Ну, да уж при-

сяду немножко. (Садится.) Так вот поди ж ты... этакая напасть! Право!.. Подружились ведь так, что на поди. Да! Вот какое дело! А зачем? К чему пристало? Скажи ты на милость! Человек-то он буйный да пьяный, Африкан-то Савич... да!

Митя. Может, дела какие есть у Гордея Карпыча с Африканом Савичем.

Пелагея Егоровна. Какие дела! Никаких делов нет. Ведь он-то, Африкан-то Савич, с агличином всё пьют. Там у него агличин на фабрике дилехтор — и пьют... да! А нашему-то не след с ними. Да разве с ним сговоришь! Гердость-то его одна чего стоит! Мне, говорит, здесь не с кем компанию водить, все, говорит, сволочь. Все, видишь ты, мужики, и живут-то по-мужицки. А тот-то, видишь ты, московский, больше все в Москве... и богатый. И что это с ним сделалось? Да ведь вдруг, любезненький, вдруг! То все-таки рассудок имел. Ну, жили мы, конечно, не роскошно, а все-таки так, что дай бог всякому, а вот в прошлом году в отъезд ездил да перенял у кого-то. Перенял, перенял, уж мне сказывали... все эти штуки-то перенял. Теперь все ему наше русское не мило; ладит одно — хочу жить по-нынешнему, модами заниматься. Да, да!.. Надень, говорит, чепчик!.. Ведь что выдумает-то!.. Прельщать, что ли, мне кого на старости, говорю, разные прелести делать! Тьфу! Ну вот поди ж ты с ним! Да! Не пил ведь прежде... право... никогда; а теперь с этим Африканом пьют! Спьяну-то, должно быть, у него (показывая на голову) и помутилось.

Молчание.

Уж я так думаю, что это враг его смущает! Как таки рассудку не иметь!.. Ну, еще кабы молоденький: молоденькому это и нарядиться и все это лестно; а то ведь под шестьдесят, миленький, под шестьдесят! Право! Модное-то ваше да нынешнее, я говорю ему, каждый день меняется, а русский-то наш обычай испокон веку живет! Старики-то не глупей нас были. Да разве с ним сговоришь, при его же, голубчик, крутом-то характере.

Митя. Что говорить! Строгий человек-с.

Пелагея Егоровна. Любочка теперь в настоящей поре, надобно ее пристроить, а он одно ладит: нет ей ровни... нет да нет!.. Ан вот есть!.. А у него все нет... А каково же это материнскому-то сердцу!

Митя. Может быть, Гордей Карпыч хотят в Москве выдать Любовь Гордеевну.

Пелагея Егоровна. Кто его знает, что у него на уме. Смотрит зверем; ни словечка не скажет, точно я и не мать... да, право... ничего я ему сказать не смею; разве с кем поговоришь с посторонним про свое горе, поплачешь, душу отведешь, только и всего. (Встает.) Заходи, Митенька.

Митя. Приду-с.

Гуслин входит.

ЯВЛЕНИЕ IV

Те же и Гуслин.

Пелагея Егоровна. Вот и еще молодец! Приходи, Яшенька, уж к нам наверх с девушками песни попеть, ты ведь мастер, да гитару захвати.

Гуслин. Хорошо-с, это нам не в труд, а еще, можно сказать, в удовольствие-с.

Пелагея Егоровна. Ну, прощайте. Пойду соснуть полчасака.

Гуслин и Митя. Прощайте-с.

Пелагея Егоровна уходит; Митя садится к столу пригорюнившись; Гуслин садится на кровать и берет гитару.

ЯВЛЕНИЕ V

Митя и Яша Гуслин.

Гуслин. Что народу было на катанье!.. И ваши были. Что ж ты не был?

Митя. Да что, Яша, обуяла меня тоска-кручина.

Гуслин. Что за тоска? Об чем тебе тужить-то?

Митя. Как же не тужить-то? Вдруг в голову взойдут такие мысли: что я такое за человек на свете есть? Теперь родительница у меня в старости и бедности находится, ее должен содержать. А чем? — Жалованье маленькое, от Гордея Карпыча все обида да брань, да все бедностью попрекает, точно я виноват... а жалованья не прибавляет. Поискал бы другого места, да где его найдешь без знакомства-то. Да, признаться сказать, я к другому месту и не пойду.

Гуслин. Отчего же не пойдешь? Вот у Разлюляевых жить хорошо — люди богатые и добрые.

Митя. Нет, Яша, не рука! Уж буду все терпеть от Гордея Карпыча, бедствовать буду, а не пойду. Такая моя планида!³

Гуслин. Отчего же так?

Митя (встает). Так, уж есть тому делу причина. Есть, Яша, у меня еще горе, да никто того горя не знает. Никому я про свое горе не сказывал.

Гуслин. Скажи мне.

Митя (махнув рукою). Зачем!

Гуслин. Да скажи, что за важность!

Митя. Говори не говори, ведь не поможешь!

Гуслин. А почему знать.

Митя (подходит к Гуслину). Никто мне не поможет. Пропала моя голова. Полюбилась мне больно Любовь Гордеевна.

Гуслин. Что ты, Митя?! Да как это?

Митя. Да вот как ни как, а уж сделалось.

Гуслин. Лучше, Митя, из головы выкинь. Этому делу никогда не бывать, да и не раживаться.

Митя. Знавши я все это, не могу своего сердца сообразить! «Любить друга можно, нельзя позабыть!..» (Говорит с сильными жестами.) «Полюбил я красну девицу пуше роду, пуше племени. Злые люди не велят, велют бросить, перестать».

Гуслин. Да, и то надоть бросить. Вот Анна Ивановна мне и ровня: у ней пусто, у меня ничего — да и то дяденька не велит жениться. А тебе и думать нечего. А то заберешь в голову, потом еще тяжельше будет.

Митя (декламирует).

Что на свете прежестoko? —
Прежестoko есть любовь!

(Ходит по комнате.) Яша, читал ты Кольцова? (Останавливаясь.)

Гуслин. Читал, а что?

Митя. Как он описывал все эти чувства!

Гуслин. В точности описывал.

Митя. Уж именно, что в точности. (Ходит по комнате.) Яша!

Гуслин. Что?

Митя. Я сам песню сочинил.

Гуслин. Ты?

Митя. Да.

Гуслин. Давай голос подберем, да и будем петь.

Митя. Хорошо. На, вот. (Отдает ему бумагу.) А я напишу немного, — дело есть; неравно Гордей Карпыч спросит. (Садится и пишет.)

Гуслин берет гитару и начинает подбирать голос; Разлюляев входит с гармонией.

ЯВЛЕНИЕ VI

Те же и Разлюляев.

Разлюляев. Здравствуйте, братцы! *(Наигрывает на гармонии и приплясывает.)*

Гуслин. Эко, дурак! На что это ты гармонию-то купил?

Разлюляев. Известно, на что — играть. Вот так. *(Играет.)*

Гуслин. Ну уж, важная музыка... нечего сказать! Брось, говорят тебе.

Разлюляев. Что ж, не брошу разве!.. Коли захочу, так и брошу... Вот важность! Денег, что ли, у нас нет! *(Бьет себя по карману.)* Звенят! У нас гулять — так гулять! *(Бросает гармонию.)*

Одна гора высока,
А другая низка;
Одна мила далека,
А другая близка.

Митя *(ударяет Митю по плечу)*, а Митя! Что ты сидишь?

Митя. Дело есть. *(Продолжает заниматься.)*

Разлюляев. Митя, а Митя, а я гуляю, брат... право слово, гуляю. Ух, ходи! *(Поет: «Одна гора высока» и проч.)* Митя, а Митя! весь праздник буду гулять, а там за дело... Право слово! Что ж у нас, денег, что ли, нет! Вот они!.. А я не пьян... Нет, так гуляю... весело...

Митя. Ну, гуляй на здоровье.

Разлюляев. А после праздника женюсь!.. Право слово, женюсь! Возьму богатую.

Гуслин. Ну, вот слушай-ка, так-то ладно ль будет?

Разлюляев. Спой-ка, спой, я послушаю.

Гуслин *(поет)*.

Нет-то злей, постылее
Злой сиротской доли,
Злее горя лютого,
Тяжелей неволи.
Всем на свете праздникек,
Тебе не веселге!..
Буйной ли головушке
Без вина похмелье!
Молодость не радует,
Красота не тешит;
Не зазноба-девушка —
Горе кудри чешет.

Во все это время Разлюляев стоит как вкопанный и слушает с чувством; по окончании пения все молчат.

Разлюляев. Хорошо, больно хорошо! Жалко таково... Так за сердце и хватает. *(Вздыхает.)* Эх, Яша! сыграй веселую, полно канитель-то эту тянуть — нынче праздник. *(Поет.)*

Ух! Как гусара не любить!
Это не годится!

Подыгрывай, Яша.

Гуслин подыгрывает.

Митя. Полно вам дурачиться-то. Давайте-ка лучше сядемте в кучку да полегоньку песенку споем.

Разлюляев. Ладно!

Садятся.

Гуслин *(запевает; Митя и Разлюляев подтягивают)*.

Размолодчики вы молоденькие,
Вы дружки мои...

Входит Гордей Карпыч; все встают и перестают петь.

ЯВЛЕНИЕ VII

Те же и Гордей Карпыч.

Гордей Карпыч. Что распелись! Горланят, точно мужичье! *(Мите.)* И ты туда ж! Кажется, не в таком доме живешь, не у мужиков. Что за полпивная! Чтоб у меня этого не было вперед! *(Подходит к столу и рассматривает бумаги.)* Что бумаги-то разбросал?..

Митя. Это я счета проверял-с.

Гордей Карпыч *(берет книгу Кольцова и тетрадь со стихами)*. А это еще что за глупости?

Митя. Это я от скуки, по праздникам-с, стихотворения господина Кольцова переписываю.

Гордей Карпыч. Какие нежности при нашей бедности.

Митя. Собственно, для образования своего занимаюсь, чтобы иметь понятие.

Гордей Карпыч. Образование! Знаешь ли ты, что такое образование?.. А еще туда же разговаривает! Ты бы вот сертучишко новенький сшил! Ведь к нам навверх ходишь, гости бывают... срам! Куда деньги-то деваешь?

Митя. Маменьке посылаю, потому она в старости, ей негде взять.

Гордей Карпыч. Матери посылаешь! Ты себя-то бы образил прежде⁶; матери-то не бог знает что нужно, не в роскоши воспитана, чай, сама хлевы затворяла.

Митя. Уж пушай же лучше я буду терпеть, да маменька, по крайности, ни в чем не нуждается.

Гордей Карпыч. Да ведь безобразно! Уж коли не умешь над собою приличия наблюдать, так и сиди в своей конуре; коли гол кругом, так нечего о себе мечтать! Стихи пишет, образоваться хочет, а сам как фабричный ходит! Разве в этом образование-то состоит, что дурацкие песни петь? То-то глупо-то! (Сквозь зубы и косясь на Митю.) Дурак! (Помолчав.) Ты и не смей показываться в этом сертучишке наверх. Слышишь, я тебе говорю! (К Разлюляеву.) А ты тоже! Отец-то, чай, деньги лопатой загребают, а тебя в этаком зипунишке⁷ водит.

Разлюляев. Что ж такое! Он новый... сукно-то французское, из Москвы выписывали, по знакомству... двадцать рублей аршин. Что ж, нешто мне этакую штуку надеть, как у Франца Федорыча, у аптекаря... кургузую; так его вон и дразнят все: страм-пальто. Так что ж хорошего людей смешить!

Гордей Карпыч. Много ты знаешь! Да что, с тебя взыскать-то нечего! Сам-то ты глуп, да и отец твой не больно умен... целый век с засаленным брюхом ходит; дураками непросвещенными живете, дураками и умрете.

Разлюляев. Уж ладно.

Гордей Карпыч (строго). Что?

Разлюляев. Ладно, мол.

Гордей Карпыч. Неуч, и сказать-то путно не умешь. Говорить-то с вами — только слова тратить; все равно, что стене горох, так и вам, дуракам. (Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ VIII

Те же, без Торцова.

Разлюляев. Подико-сь, какой грозный! Ишь ты развоевался. Так вот тебя и испугались... Как же, держи карман-то!

Митя (Гуслину). Вот она жизнь-то моя какова! Вот каково мне сладко жить-то на свете!

Разлюляев. Да от этакова житья запьешь, право, запьешь! А ты брось, не думай. (Залеваает.)

Одна гора высока,
А другая низка;
Одна мила далека,
А другая близка.

Входят Любовь Гордеевна, Анна Ивановна, Маша и Лиза.

ЯВЛЕНИЕ IX

Те же, Любовь Гордеевна, Анна Ивановна, Маша и Лиза.

Анна Ивановна. Мир честной компании!

Разлюляев. Милости прошу к нашему шалашу.

Митя. Наше почтение-с! Милости просим!.. Какими судьбами...

Анна Ивановна. А никакими, просто взяли да и пришли. Гордей Карпыч уехал, а Пелагея Егоровна отдохнуть легла, а теперь наша воля... Гуляй не хочу!..

Митя. Просим покорно садиться.

Садятся. Митя садится против Любове Гордеевны.

Разлюляев ходит.

Анна Ивановна. Надоело молча-то сидеть, орехи щелкать, — пойдемте, говорю, девушки, к парням, а девушкам и любо.

Любовь Гордеевна. Что ты выдумываешь-то? Мы не воображали сюда идти, — это ты выдумала.

Анна Ивановна. Как же не так! Да ты первая... Известно дело, кому что нужно, тот об том и думает: парни об девках, а девки об парнях.

Разлюляев. Ха, ха, ха... Это вы, Анна Ивановна, в точности говорите.

Любовь Гордеевна. Вот уж никогда!

Маша (Лизе). Ах, стыд какой!

Лиза. Это, Анна Ивановна, вы говорите совсем на-против.

Анна Ивановна. Ах вы, скромность! Уж сказала бы словечко, да нехорошо при парнях-то... Сама была в девках, все знаю.

Любовь Гордеевна. Девушка девушке рознь.

Маша. Ах, стыд какой!

Лиза. Что вы говорите, это даже для нас очень странно и, можно сказать, конфузно.

Разлюляев. Ха, ха, ха!..

Анна Ивановна. А об чем сейчас наверху разговор был? Хотите, скажу!.. Ну, говорить, что ли? Что, присмирели!

Разлюляев. Ха, ха, ха...

Анна Ивановна. Ты что рот-то разинул! Не об тебе, небось!

Разлюляев. Хоша и не обо мне, однако, может быть, есть, кто и об нас думает. Мы знаем, что знаем! (Приплясывает.)

Как гусара не любить!
Это не годится!

Анна Ивановна (*подходит к Гуслину*). Что же ты, бандурист⁸, когда на мне женишься?

Гуслин (*играя на гитаре*). А вот когда от Гордея Карпыча разрешение выдет. Куда нам торопиться-то, над нами не каплет. (*Кивая ей головой.*) Поди-ка сюда, Анна Ивановна, мне нужно сказать тебе одно дело.

Она подходит к нему и садится подле него; он ей шепчет на ухо, показывая на Любовь Гордеевну и Митю.

Анна Ивановна. Что ты говоришь?.. Неужто!

Гуслин. Уж это верно так.

Анна Ивановна. Ну, так хорошо, молчи! (*Говорят шопотом.*)

Любовь Гордеевна. Ты, Митя, придешь к нам ужо вечером?

Митя. Приду-с.

Разлюляев. И я приду. Я больно плясать горазд. (*Становится фертом⁹.*) Девушки, полюбите меня кто-нибудь.

Маша. Как вам не стыдно! Что это вы такое говорите!

Разлюляев. Что ж такое за важность! Я говорю — полюбите меня... да... за мою простоту.

Лиза. Этого не говорят девушкам. А должны были сами дожидаться, чтобы вас полюбили.

Разлюляев. Да, дожدهшься от вас, как же! (*Пляшет.*)

Как гусара не любить!

Любовь Гордеевна (*взглянув на Митю*). Может быть, кто-нибудь и любит кого-нибудь, да не скажет: надобно самому догадаться.

Лиза. Какая же девушка в мире может сказать это?

Маша. Конечно.

Анна Ивановна (*подходит к ним и поглядывает то на Любовь Гордеевну, то на Митю и запекает*).

Уж и как это видно,
Коли кто кого любит —
Против милого садится,
Тяжеленько вздыхает.

Митя. На чей счет это принимать нужно?

Анна Ивановна. Уж мы знаем на чей.

Разлюляев. Стойте, девушки, я вам песню спою.

Анна Ивановна. Спой, спой!

Разлюляев (*поет протяжно*).

Летал медведь по поднебесью...

Анна Ивановна. А ты хуже этой-то не знаешь?
Лиза. Даже можно принять это в насмешку.

Разлюляев. А коли эта нехороша, я вам другую спою; я ведь веселый. (*Поет.*)

Ай, бей в доску.
Поминай Москву!
Москве хочется жениться —
Коломну взять.
А Тула-то хохочет,
Да в приданое не хочет!
А гречиха по четыре,
Крупа по сороку,
Вот просо у нас гривна,
А ячмень три алтына.

(*Обращаясь к девушкам.*)

Вздешевел бы и овес —
Больно дорого провоз!
Видите, погода какова!

Маша. Это к нам не относится.

Лиза. Мы мукой не торгуем.

Анна Ивановна. Да ты что пристал! Ты вот отгадай загадку. Что такое: кругла — да не девка; с хвостом — да не мышь?

Разлюляев. Это штука мудреная!

Анна Ивановна. То-то мудреная!.. Вот ты и думай! Ну, девушки, пойдете!..

Девушки встают и собираются идти.

Парни, пойдете!

Гуслин и Разлюляев собираются.

Митя. А я после приду. Я тут уберу кой-что.

Анна Ивановна (*пока собираются*).

Вечор девки,
Вечор красны,
Вечор девки пиво варивали.
Зашел к девкам,
Зашел к красным,
Зашел к девкам да незванный гость.

Анна Ивановна за дверью пропускает всех, исключая Любви Гордеевны, затворяет и не пускает ее.

ЯВЛЕНИЕ X

Митя и Любовь Гордеевна.

Любовь Гордеевна (*у двери*). Перестаньте, не дурачьтесь.

За дверью девичий смех.

Не пускают!.. Ах какие! (Отходит от дверей.) Баловницы, право!..

Митя (подавая стул). Присядьте, Любовь Гордеевна, побеседуйте минуточку. Я очень рад, увидевши вас у себя.

Любовь Гордеевна (садится). Чему тут радоваться, я не понимаю.

Митя. Да как же-с!.. Мне очень приятно-с видеть с вашей стороны такое внимание сверх моих для вас заслуг. Вот уж другой раз я имею счастье-с...

Любовь Гордеевна. Ну, что ж! Пришла, посидела и ушла, в этом важности не состоит. Я, пожалуй, и сейчас уйду.

Митя. Ах, нет, не уходите-с!.. Для чего же-с!.. (Вынимает из кармана бумагу.) Позвольте мне презентовать¹⁰ вам мой труд... как умею, от души.

Любовь Гордеевна. Это что такое?

Митя. Собственно для вас сочинил стихи.

Любовь Гордеевна (стараясь скрыть радость). Еще, может быть, глупость какая-нибудь... не стоит читать.

Митя. Этого я не могу судить, потому как сам я это писал и притом не учившись.

Любовь Гордеевна. Прочитай.

Митя. Сейчас-с. (Садится подле стола и берет бумагу.)

Любовь Гордеевна подвигается к нему очень близко.

Не цветочек в поле вянет, не былинка —
Вянет, сохнет добрый молодец-детинка.
Полюбил он красну девицу на горе,
На несчастье себе да на большое.
Понапрасчу свое сердце парень губит,
Что неровнюшку девицу парень любит.
Во темну ночь красну солнцу не всходити,
Что за парнем красной девице не быти.

Любовь Гордеевна (сидит несколько времени задумавшись). Дай сюда. (Берет бумагу и прячет, потом встает.) Я тебе сама напишу.

Митя. Вы-с?!

Любовь Гордеевна. Только стихами я не умею, а так, просто.

Митя. За великое счастье почту для себя ваше такое одолжение-с. (Дает бумагу и перо.) Извольте-с.

Любовь Гордеевна. Жаль только, что скверно пишу-то. (Пишет; Митя хочет заглянуть.) Только ты не смотри, а то я брошу писать и изорву.

Митя. Я не буду смотреть-с. Но вы позвольте мне

ла ваше снисхождение соответствовать тем же, сколь могу, и написать для вас стихи вторично-с.

Любовь Гордеевна (*положив перо*). Пиши, пожалуйста. Только пальцы все выпачкала; кабы знала, лучше бы не писала.

Митя. Пожалуйте-с.

Любовь Гордеевна. На, возьми. Только ты не смей читать при мне, а прочти после, когда я уйду. (*Складывает бумажку и отдает ему; он прячет в карман.*)

Митя. Будет по вашему желанию-с.

Любовь Гордеевна. Прощай!

Митя. До приятного свидания-с.

Любовь Гордеевна идет к дверям; из дверей выходит Любим Карпыч.

ЯВЛЕНИЕ XI

Те же и Любим Карпыч.

Любовь Гордеевна. Ах!

Любим Карпыч (*указывая на Любовь Гордеевну*). Стой! Что за человек? По какому виду? За каким делом? Взять ее под сомнение.

Любовь Гордеевна. Это вы, дяденька!

Любим Карпыч. Я, племянница! Что, испугалась! Ступай, не бось! Я не докащик, а кладу все в ящик, разберу после, на досуге.

Любовь Гордеевна. Прощайте! (*Уходит.*)

ЯВЛЕНИЕ XII

Митя и Любим Карпыч.

Любим Карпыч. Митя, прими к себе купеческого брата Любима Карпова сына Торцова.

Митя. Милости просим.

Любим Карпыч (*садится*). Брат выгнал! А на улице, в этом бурнусе¹¹, не много натанцуешь! Морозы... зремя крещенское — бррр... И руки-то озябли, и ноги-то ознобил — бррр...

Митя. Погрейтесь, Любим Карпыч.

Любим Карпыч. Ты меня не прогонишь, Митя? А то ведь замерзну на дворе-то... как собака замерзну.

Митя. Как можно, что вы говорите!..

Любим Карпыч. Ведь вот брат выгнал же. Ну, пока деньжонки были, шлялся кой-где по теплым местам;

а денег нет — нигде не пускают. А и денег-то было два франка да несколько сантимов!¹² Не велик капитал! Каменный дом не выстроишь!.. Деревни не купишь!.. Как же надо поступить с этим капиталом? Куда его деть? Не в ломбард¹³ его несть! Вот я этот капитал взял да пропил, промотал. Туда ему и дорога!

М и т я. Зачем же вы пьете, Любим Карпыч? Через это вы сами себе враг!

Лю б и м К а р п ы ч. Зачем пью?.. От глупости! Да, от своей глупости. А ты думал, от чего?

М и т я. Так вы лучше перестаньте.

Лю б и м К а р п ы ч. Нельзя перестать: на такую линию попал.

М и т я. Какая же это линия?

Лю б и м К а р п ы ч. А вот слушай ты, живая душа, какая это линия. Только ты слушай, да на ус мотай. Остался я после отца, видишь ты, мал малехонек, с коломенскую версту, лет двадцати несмышленочек. В голове-то, как в пустом чердаке, ветер так и ходит! Разделились мы с братом: себе он взял заведение, а мне дал деньгами, да билетами, да вексельями. Ну, уж как он там разделил — не наше дело, Бог ему судья. Вот я и поехал в Москву по билетам деньги получать. Нельзя не ехать! Надо людей посмотреть, себя показать, высокого тону набраться. Опять же я такой прекрасный молодой человек, а еще свету не видывал, в частном доме¹⁴ не ночевывал. Надобно до всего дойти! Первое дело, оделся франтом, знай, дескать, наших! То есть такого-то дурака разыгрываю, что на редкость! Сейчас, разумеется, по трактирам... Шпилен зи полька¹⁵, дайте еще бутылочку похолоднее. Приятелей, друзей завелось, хоть пруд пруди! По театрам ездил...

М и т я. А ведь это, должно быть, Любим Карпыч, очень хорошо в театре представляют.

Лю б и м К а р п ы ч. Я все трагедию ходил смотреть, очень любил, только не видал ничего путем и не помню ничего, потому что больше все пьяный. *(Встает.)* «Пей под ножом Прокопа Ляпунова!»¹⁶ *(Садится.)* Таким-то побытом деньжонки все я ухнул; что осталось, поверил приятелю Африкану Коршунову на божбу да на честное слово; с ним же я пил да гулял, он же всему беспутству заводчик, главный заторщик из бражного¹⁷, он же меня и надул, вывел на свежую воду. И сел я, как рак на мели: выпить не на что, а выпить-то хочется. Как тут быть? Куда бежать, тоску девать? Продал платье, все свои модные

штуки, взял бумажками, разменял на серебро, серебро на медные, а там только пшик, да и все тут.

М и т я. Как же вы жили, Любим Карпыч?

Лю б и м К а р п ы ч. Как жил? Не дай бог лихому татарину. Жил в просторной квартире, между небом и землей, ни с боков, ни сверху нет ничего. Людей стыдно, от свету хоронишься; а выйти на божий свет надобно: есть нечего. Идешь по улице, все на тебя смотрят... Все видели, какие я штуки выделывал, а теперь иду оборванный да обдерганый, небритый... Покачают головами, да и прочь пойдут. Страмота, страмота, страмота! (*Сидит повеся голову.*) Есть ремесло хорошее, коммерция¹⁸ выгодная — воровать. Да не гожусь я на это дело — совесть есть, опять же и страшно: никто этой промышленности не одобряет.

М и т я. Последнее дело!

Лю б и м К а р п ы ч. Говорят, в других землях за это по талеру¹⁹ плотят, а у нас добрые люди по шеям колотят. Нет, брат, воровать скверно! Это штука стара, ее бросить пора... Да ведь голод-то не тетка, что-нибудь надобно делать! Стал по городу скоморохом²⁰ ходить, по копейке собирать, шута из себя разыгрывать, прибаутки рассказывать, артикулы разные выкидывать²¹. Бывало дрожись с утра раннего в городе, где-нибудь за углом от людей хоронишься да дожидаяешься купцов. Как приедет, особенно кто побогаче, выскочишь, сделаешь колено, ну и даст кто пятачок, кто гривну. Что наберешь, тем и дышишь день-то, тем и существуешь.

М и т я. Вы бы лучше, Любим Карпыч, к брату ехали, чем так жить-то.

Лю б и м К а р п ы ч. Нельзя, втянулся. Эх, Митя, попадешь на эту зарубку — не скоро соскочишь! Да ты не перебивай, твоя речь впереди. Ну вот, слушай! Простудился я в городе — зима-то стояла холодная, а я вот в этом пальтишке шеголял, в кулаки подувал, с ноги на ногу перепрыгивал. Свезли меня добрые люди в больницу. Как стал я выздоравливать да в рассудок приходиться, хмелю-то нет в голове — страх на меня напал, ужась на меня нашла!.. Как я жил? Что я за дела делал? Стал я тосковать, да так тосковать, что, кажется, умереть лучше. Так уж решился, как совсем выздоровею, так сходить богу помолиться да итти к брату, пусть возьмет хоть в дворники. Так и сделал. Бух ему в ноги!.. Будь, говорю, вместо отца! Жил так и так, теперь хочу за ум взяться! А ты знаешь, как брат меня принял! Ему,

видишь, стыдно, что у него брат такой. А ты поддержи меня, говорю ему, — оправь, обласкай, я человек буду. Так нет, говорит, — куда я тебя дену. Ко мне гости хорошие ездят, купцы богатые, дворяне; ты, говорит, с меня голову снимешь. По моим чувствам и понятиям мне бы совсем, говорит, не в этом роду родиться. Я, видишь, говорит, как живу: кто может заметить, что у нас тятенька мужик был? С меня, говорит, и этого стыда довольно, а то еще тебя на шею навязать. Сразил он меня, как громом! С этих-то слов я опять стал зашибаться немного. Ну, да, я думаю, бог с ним, у него вот эта кость очень толста. *(Показывает на лоб.)* Ему, дураку, наука нужна. Нам, дуракам, не впрок богатство, оно нас портит. С деньгами нужно обращаться умеючи. *(Дремлет.)* Митя, я полежу у тебя, мне соснуть хочется.

Митя. Прилягте, Любим Карпыч.

Любим Карпыч *(встает)*. Митя, ты мне денег не давай... то есть, много не давай, а немножко дай. Я вот сосну да схожу погреться немного, понимаешь!.. Только я немного... ни-ни!.. Будет дурачиться.

Митя *(вынимает деньги)*. Вот извольте, сколько вам нужно.

Любим Карпыч *(берет)*. Гривенник надо. Тут все серебро, мне серебра не надо. Ты дай мне еще семитку²², вот и будет в настоящий такт.

Митя дает.

Вот и довольно. Добрая ты душа, Митя! *(Ложится.)* Брат не умеет ценить тебя. Ну, да я с ним штуку сделаю. Дуракам богатство — зло! Дай умному человеку деньги, он дело сделает. Я походил по Москве-то, я все видел, все... Большую науку произошел! А дураку лучше денег не давай, а то он заломается... Фу, фу, фу, трр... вот как брат, да как я, скотина... *(Полусонным голосом.)* Митя, я почевать к тебе придю.

Митя. Приходите. Теперь контора пустая... праздники...

Любим Карпыч *(засыпая)*. А я с братом смешную штуку сделаю. *(Засыпает.)*

Митя *(подойдя к двери, вынимает письмо из кармана)*. Что-то тут? Боюсь!.. Руки дрожат!.. Ну уж, что будет, то будет — прочитаю. *(Читает.)* «И я тебя люблю. Любовь Торцова». *(Схватывает себя за голову и убегает.)*

ДЕЙСТВИЕ II

Гостиная в доме Торцова. У задней стены диван, перед диваном круглый стол и шесть кресел, но три на стороне; в левом углу дверь; на стенах по зеркалу, и под ними маленькие столики; в боковых стенах по двери, и дверь на задней, в углу. На сцене темно; из левой двери свет.

ЯВЛЕНИЕ I

Любовь Гордеевна и Анна Ивановна входят из двери освещенной.

Анна Ивановна. Что ж это они не идут, соколы-то наши?.. Не сходить ли за ними?

Любовь Гордеевна. Нет, не надо. А то, пожалуй, сходи. *(Обнимает ее.)* Сходи-ка, Аннушка.

Анна Ивановна. Что, видно, защемило сердечко-то?

Любовь Гордеевна. Ах, Аннушка, как я его люблю-то, кабы ты знала!..

Анна Ивановна. А ты, девка, люби, да ума не теряй. Не давай повадки, чтоб не было оглядки. Посмотри прежде хорошенько, каков парень-то.

Любовь Гордеевна. Парень-то хороший... Больно уж он мне по сердцу, такой тихий да сиротливый.

Анна Ивановна. Ну, а коли хорош, так люби, тебе ближе знать. Я ведь так говорю, к примеру. Мало ли нашей сестры от них плачутся. Долго ль до греха, не спросившись-то ума-разума.

Любовь Гордеевна. Что наша любовь? Как былинка в поле: не расцветет путем, да и поблекнет.

Анна Ивановна. Постой-ка, девушка, никак, кто-то идет. Не он ли? Я пойду, а ты подожди, может, это и он... Потолкуете по душе. *(Уходит.)*

Входит Митя.

ЯВЛЕНИЕ II

Любовь Гордеевна и Митя.

Любовь Гордеевна. Кто там?

Митя. Я-с: Митя.

Любовь Гордеевна. Что ж ты так долго не шел?

Митя. Меня задержали-с. *(Подходит.)* Любовь Гордеевна, вы одне-с?

Любовь Гордеевна. Одна. А что?

Митя. Любовь Гордеевна, как прикажете понимать вашу записку, в правду или в шутку-с?

Любовь Гордеевна молчит.

Скажите, Любовь Гордеевна! Я теперича нахожусь в таком сумнении, что не могу этого вам выразить. Положение мое в вашем доме вам известно-с: от всякого зависим, от Гордея Карпыча я, можно сказать, пренебрежен совсем; у меня только и было одно чувство, что к вам-с; если же от вас я буду принят в насмешку, значит лучше мне не жить на свете-с. Это вы поверьте душе моей. Я вам истину говорю-с.

Любовь Гордеевна. Нет, Митенька, я тебе в правду написала, а не в шутку. А ты меня любишь?

Митя. Конечно, Любовь Гордеевна, я не умею вам всего выразить, что чувствую; но хоша позвольте тем заверить, что я имею у себя сердце, а не камень. Вы можете мою любовь видеть из всего-с.

Любовь Гордеевна. А я думала, что ты любишь Анну Ивановну.

Митя. Это неправда-с.

Любовь Гордеевна. Право, мне так сказывали.

Митя. Если б это была правда, значит, что же я за человек после этого! Могу ли я выразить словами то, чего сердце не чувствует! А я считаю так, что это бесчестно. Я и того, может быть, не стою, что вы ко мне внимание имеете, а не то что вас обмануть.

Любовь Гордеевна. Вам нельзя верить: все мужчины на свете обманщики.

Митя. Пушай же их обманщики, но только не я.

Любовь Гордеевна. Почему знать! Может быть, и ты обманываешь, хочешь насмешку надо мной сделать.

Митя. Легче бы мне, кажется, умереть на этом месте, чем слышать от вас такие слова! *(Отворачивается.)*

Любовь Гордеевна. Нет, Митя, я нарочно. Я знаю, что ты меня любишь; мне только так хотелось пошутить с тобой.

Митя молчит.

Митенька, Митя... Что ж ты молчишь? Ты рассердился на меня? Я ведь говорю тебе, что шучу. Митя! Да ну же, скажи что-нибудь. *(Берет его за руку.)*

Митя. Эх, Любовь Гордеевна, не шутки у меня на уме! Не такой я человек!

Любовь Гордеевна. Да не сердись.

Митя. Ты, коли любишь, эти шутки брось! Не к месту они. Эх, пропадай моя голова! *(Обнимает ее.)* Разве

силой возьмут, волей не отдам. Я за тебя, Люба, душу положу!

Любовь Гордеевна (*прижимаясь к нему*). Митенька, как же нам быть-то теперь?

Митя. Как быть? Не на то уж мы слюбились, чтоб расставаться.

Любовь Гордеевна. А ну как да меня сговорят за кого-нибудь?

Митя. А вот что, Люба: одно слово — надоть итти завтра к Гордею Карпычу нам вместе да в ноги ему. Так и так, мол, на все ваша воля, а нам друг без друга не жить. Да уж коль любишь друга, так забудь гордость!

Любовь Гордеевна. Какая гордость, Митенька. До гордости ли теперь! Ты, Митенька, не сердись на меня, не попомни моих прежних слов: это только девичья глупость была одна, я винюсь перед тобой! Не шутки с тобой шутить, а приласкать бы мне тебя, бедного, надобно было. (*Прилегает к нему на грудь*.) А ну как тятенька да не захочет нашего счастья, — что тогда?

Митя. Что загадывать вперед, там как бог даст. Не знаю, как тебе, а мне без тебя жизнь не в жизнь!

Молчание.

Любовь Гордеевна. Идет кто-то!.. Ступай, голубчик, потихоньку, а я после приду.

Митя тихо уходит; Арина входит со свечкой. Любовь Гордеевна идет к ней навстречу.

ЯВЛЕНИЕ III

Арина, Любовь Гордеевна и потом Егорушка.

Арина. Ну тебя! Перепугала совсем. Что ты тут делаешь? Маменька там ищет тебя, а ты вот где. Чтой-то в потемках-то бродишь? Ишь ты, скромница, несмеяна царевна!

Любовь Гордеевна уходит.

Уж и в самом деле не было ль тут кого с ней? (*Смотрит по углам*.) И я-то, дура, на кого подумала! (*Зажигает свечки*.) Ведь ишь ты грех-то какой придет на старости лет.

Егорушка входит.

Поди, Егорушка, позови соседних девушек. Скажи, мол, Пелагея Егоровна приказала звать песни петь.

Егорушка. Ой! Что ты, Аринушка, матушка! (*Плещет*.)

Арина. Чему ж ты рад-то, глупый?

Егорушка. Еще б не радозаться, этакое веселье!
Ай, ай, ай!.. (Прыгает.)

Арина. Еще, может, ряженые будут; молодцы нарядиться хотели.

Егорушка. Ай, умру! Батюшки, умру!

Арина. Да что ты, постреленок?

Егорушка. Да со смеху умру; смешлив я больно, бабушка!

Арина. А ты сам нарядись.

Егорушка. Наряжусь, наряжусь! Ай, батюшки, ай, ай, ай!..

Арина. Да ты беги поскорей за девками-то.

Егорушка. В секунд! (Уходит.)

Входит Пелагея Егоровна.

ЯВЛЕНИЕ IV

Арина и Пелагея Егоровна.

Пелагея Егоровна. Аринушка, послала ты за девушками-то?

Арина. Послала, матушка.

Пелагея Егоровна. То-то. Пусть полоют с нашими-то, Любушку с гостями потешат. По тех пор и веселиться-то, пока молоды... да; известно, дело девичье, взаперти да взаперти, свету не видят... Ну, а теперь их праздник... да уж пусть их, пусть их!

Арина. Что ж, матушка, что ж! Пускай их, что ж!

Пелагея Егоровна. Да мадерки, Аринушка, мадерки-то... постарше которым; ну, а молодым пряничков, конфеток, там что знаешь... да! Сама уж, сама уж догадайся. Да мадерки-то, Аринушка, не забудь.

Арина. Знаю, матушка, знаю. Уж всего будет довольно. Сейчас, матушка, сейчас.

Пелагея Егоровна. Да молодцам-то закусочки.

Арина. Все, все, матушка, будет. Уж ты не беспокойся, ты поди к гостям-то, а я уж все с удовольствием сделаю. (Уходит.)

Пелагея Егоровна (подойдя к двери). Девушки, молодцы, подите сюда, тут попросторней да посветлее.

Входят Любовь Гордеевна, Маша, Лиза, Анна Ивановна, Разлюляев, Митя, Гуслин и две гостьи,
1-я и 2-я.

ЯВЛЕНИЕ V

Пелагея Егоровна, Любовь Гордеевна, Маша, Лиза, Анна Ивановна, Разлюляев, Митя, Гуслин и две гостьи-старухи, 1-я и 2-я.

Пелагея Егоровна (старухам). А мы вот здесь усядемся. (Садится на диван, старухи подле нее.)

Анна Ивановна и Гуслин садятся на стулья и говорят тихо; Митя стоит подле них; Маша, Любовь Гордеевна и Лиза ходят по зале обнявшись; Разлюляев ходит за ними.

Поглядим на них, пусть их играют.

Лиза. Я говорю: представьте, маменька, он не имеет никакой политики в разговоре²⁴ и даже такие слова говорит, что совсем неучтиво.

Разлюляев. Это не в наши ли огород?

Лиза. Не об вас речь; ваше дело сторона. (Продолжает.) Но за что же, маменька, я должна его любить... (Говорит шопотом.)

Пелагея Егоровна. Я, матушка, люблю по-старому, по-старому... да, по-нашему, по-русскому. Вот муж у меня не любит, что делать, характером такой вышел. А я люблю, я веселая... да чтоб попотчевать, да чтоб мне песни пели... да, в родню в свою: у нас весь род веселый... песельники.

1-я гостья. Как я посмотрю, матушка Пелагея Егоровна, нет того веселья, как прежде, как мы-то были молоды.

2-я гостья. Нету, нету.

Пелагея Егоровна. Я молодая-то была первая затейница — и попеть и поплясать — уж меня взять... да... что песен знала! Уж теперь таких и не поют.

1-я гостья. Нет, не поют, все новые пошли.

2-я гостья. Да, да, вспомняешь старину-то.

Пелагея Егоровна. Яшенька, спой-ка какую-нибудь песенку старенькую.

Гуслин берет гитару.

Разлюляев (девушкам). Стало быть, уж мне и не дожидаться; видно, от вас никакого толку не будет.

Лиза. Какого вам толку, я не понимаю.

Маша. Даже смешно слышать.

Разлюляев. Да, вам смешно, а мне-то какво? За что, в самом деле, не любите?

Любовь Гордеевна. Сядемте.

Садятся.

Г у с л и н (поет).

За реченькой, за быстрою
Четыре двора;
В этих ли во двориках
Четыре кумы.
Вы, кумушки, голубушки,
Подружки мои,
Кумитесь, любитесь,
Любите меня.
Пойдете вы в зеленый сад —
Возьмите меня;
Вы станете цветочки рвать —
Сорвите и мне;
Вы станете веночки плести —
Сплетите и мне;
Пойдете на реченьку —
Возьмите меня;
Вы станете венки бросать —
Вы бросьте и мой.
Как все венки посверх воды,
А мой погонул;
Как все дружки домой пришли,
А мой не пришел.

Арина (входит с бутылками, стаканами и девушка с закусками). Вот, матушка, я принесла.

Пелагея Егоровна (девушке). Попотчуй барышень-то.

Девушка обносит девиц, ставит поднос на стол и уходит.

Арина, а вино-то ты дай сюда. Да налей, налей мадеры-то, мадеры-то... Повеселей будет. Что ж, ничего, выпьем. Нас не осудят — мы старухи, да...

Пьют.

Аннушка, поди выпей винца. Выпьешь, что ли?

Анна Ивановна. Вот, что ж не выпить! Говорят, без людей не пей, а при людях нужды нет. (Подходит к Пелагее Егоровне, пьет и разговаривает потихоньку.)

Арина. Молодцы, что ж вы осовели?

Митя. Я не пью-с.

Разлюляев. Можно! (Подходит с Гуслиным и пьет; потом, ухватив Арину.) Ну-ка, тряхнем стариной! (Поет.)

Эх, тряхнул я старину

Про Ерёму, про Фому...

Арина. Отстань, озорник, изломал всю.

Разлюляев (поет).

Ах, вожжи во Калуге,

Хомут во Тарусе,

Сани с подрезами,

Едут они сами.

Девушки смеются.

Арина. Отвяжись, говорят!.. Ну те совсем! (Уходит Анна Ивановна. Да ты что старуху-то теребишь давай со мной.

Разлюляев. Ну, давай! Играй, Яша!

Яша играет, они пляшут.

1-я гостья. Веселая бабочка-то.

Пелагея Егоровна. Веселая, веселая.

Разлюляев (топнув ногой). У нас вот как! (Перестает плясать.)

Егорушка (входит). Девушки пришли.

Пелагея Егоровна. Ну, зови их.

Егорушка уходит; девушки входят; Арина приносит блюдо и покрывает.

Садитесь-ка, садитесь да запойте подблюдные²⁵, я их очень люблю.

Любовь Гордеевна, Маша, Лиза и Анна Ивановна снимают кольца и кладут на блюдо; девушки запевают:

Сей, мати, мучицу,
Пеки пироги.

Слава!

К тебе будут гости,
Ко мне женихи.

Слава!

К тебе будут в лаптях,
Ко мне в сапогах.

Слава!

Кому спели —
Тому добро.

Слава!

Кому вынется —
Тому сбудется.

Слава!

Разлюляев засучивает рукав, вынимает кольцо, отдает Любви Гордеевне.

Пелагея Егоровна. Пора уж, пора.
Девушки (запевают).

Сидит воробей
На Беле-городе.

Слава!

На Беле-городе,
На высокой стене.

Слава!

Глядит воробей
На чужую сторону.

Слава!

Кому вынется —
Тому сбудется.

Слава!

Арина (входит). Ряженые пришли; прикажете пустить?

Пелагея Егоровна. Что ж, пусти, пусть попляшут. А вы, девушки, после почете.

ЯВЛЕНИЕ VI

Те же и ряженые: старик с балалайкой или гитарой, вожак с медведем и козой, Егорушка с патокой.

Старик (кланяется). Всей честной беседе поклон.
Вожак. Кланяйся, Мишка.

Медведь кланяется.

Старик. Прикажете попеть, поплясать, позабавить. свои старые косточки поправить.

Пелагея Егоровна. Что ж, ничего, попляшите. Попотчуй их, Аринушка, винцом.

Арина подносит вино; некоторые пьют.

Старик. Благодарим покорно на ласковом слове да на потчеваньи. (Залевает.)

Как уж наши молодцы,
Хоть голы, да удалы!
Они сукна ткут
Во двенадцать рук.
Они сукна переткали —
Всем кафтаны першивали.
Нам не дороги кафтаны,
Были б денежки в кармане.
Целковые по мошням
Не дают спать по ночам;
Медны денежки гремят —
Во кабаке итти велят.
Целовальничек ²⁶ Андрей,
Отпирай кабака скорей:
У нас новый кафтан есть,
Мы заложим его здесь,
Не домой же его несть.

(Отходит в сторону.)

Егорушка (пляшет с патокой).

Ах, патока, патка,
Вареная, сладка!
Зима, зимушка, зима,
Студена больно была!
Больно вьюжливая
И мятельливая —
Все дорожки замети,
Нельзя к миленькой пройти.
Ах, патока, патка,
Вареная, сладка!

Сидит моя женка,
Ровно перепелка!
Я за то ее люблю,
За то почитаю,
Что чопорно ходит,
Хорошо гуляет.

(Кланяется.)

1-я гостья. Ишь ты какой молодец!.. а!
Пелагея Егоровна. Что ж, матушка, по детству,
как умеет. Ведь ребенок еще. Поди сюда, Егорушка.

Егорушка подходит.

На тебе пряничка...

Егорушка кланяется и уходит.

Да... ребенок еще, что с него взять-то!

Вожак водит медведя; коза пляшет.

Старик (поет).

Как у нас-то козел
Что за умный был:
Сам и по воду ходил,
Сам и кашу варил —
Деда с бабкой кормил.
Как пошел наш козел
Он во темный лес,
Как навстречу козлу
Да семь волков.
Как один-то волк,
Он голодный был,
Он три года ходил,
Все козлятинки просил.

Вожак (медведю). Проси вина, поминать козла.

Медведь кланяется.

Пелагея Егоровна. Аринушка, попотчуй ряженных-то.

Арина подносит; они пьют и кланяются.

Вожак. А ну-ка, Мишенька, потешь честных господ.
А как красные девицы, молодые молодницы, белятся, румянятся, на молодцов поглядывают, женихов выглядывают.

Медведь ломается.

А как старая старушка на работу идет, сгорбившись, съжимшись, пришибла ее старость, одолела ее древность.

Медведь ломается.

Ну, поклонись теперь честным господам.

Отходят; старик играет на гитаре; прочие ряженные пляшут; все на них смеются; Гуслин и Митя стоят подле Любови Гордеевны; Митя шепчет ей что-то и целует. Разлюляев подходит.

Разлюляев. Это ты что делаешь?

Митя. А тебе что за дело?

Разлюляев. Вот я Пелагее-то Егоровне скажу, дай срок!

Митя. Ты у меня пикни только!

Гуслин (*наступает на него*). Ты смотри у меня! Нам ведь вместе итти отсюда; дело-то ночное, а переулочек-то у вас глухой, — так ты помни это!

Разлюляев. Что вы пристали? К чему? Я жениться хочу на ней, хочу свататься. Что, взяли! Да, женюсь!

Митя. Увидим.

Разлюляев. Так за тебя, что ль, отдадут? Как же, держи карман-то... А у нас денег много!..

Арина. Ведь ишь ты шум какой!.. Перестаньте вы!.. Никак, кто-то стучит!..

Все прислушиваются.

Так и есть... стучат.

Пелагея Егоровна. Отопри поди.

Арина (*уходит, потом возвращается*). Сам приехал!

Все встают.

ЯВЛЕНИЕ VII

Те же, Гордей Карпыч и Коршунов.

Гордей Карпыч (*к ряженым*). Это что за сволочь!.. Вон! (*К жене*.) Жена! Пелагея Егоровна! Принимай гостя. (*Тихо*.) Зарезала ты меня!

Пелагея Егоровна. Милости просим, Африкан Савич, милости просим.

Коршунов. Здравствуйте, Пелагея Егоровна... Хе, хе, хе!.. Да у вас веселье! Вот как мы впору попали.

Пелагея Егоровна. А я вот с девушками... да, я все с девушками. Что ж, святки; дочку потешить хочется.

Гордей Карпыч. Милости просим, Африкан Савич, без церемонии.

Африкан Савич садится на кресло к столу.

(*К жене*.) Гони девок-то вон.

Коршунов. За что их гнать! Кто ж девушек гонит... Хе, хе, хе... Они попоют, а мы послушаем да посмотрим на них да еще денег дадим, а не то что гнать.

Гордей Карпыч. Как тебе угодно, Африкан Савич! Мне только конфузно перед тобою! Но ты не заключай из этого про наше необразование — вот все жена. Никак не могу вбить ей в голову. (*К жене*.) Сколько раз

говорил я тебе: хочешь сделать у себя вечер, позови музыкантов, чтобы это было во всей форме. Кажется, тебе ни в чем отказу нет.

Пелагея Егоровна. Ну уж, куда нам музыкантов... старухам. Это уж вы забавляйтесь.

Гордей Карпыч. Вот какие у них понятия об жизни! Даже, я думаю, тебе смешно слушать.

Пелагея Егоровна. Да что понятия, понятия! Ты бы вот лучше попотчевал гостя. Не угодно ли, Африкан Савич, винца с нами, со старухами? *(Наливает мадеры.)*

Гордей Карпыч *(строго)*. Жена! С ума, что ль, сошла в самом деле? Не видывал Африкан Савич твоей мадеры-то! Шампанского вели подать... полдюжины... да проворней. Да вели зажечь свечи в гостиной, что новая небель поставлена. Так совсем другой эффект будет.

Пелагея Егоровна. Сейчас сама все сделаю. *(Встает.)* Аринушка, пойдем. Извините, соседушки.

1-я гостья. Э, матушка, и мы с тобой пойдем. Уж нам и ко дворам пора.

2-я гостья. Пора, пора! Ночи темные, собаки по переулкам лихие.

1-я гостья. Ох, лихи, лихи!..

Раскланиваются и уходят.

ЯВЛЕНИЕ VIII

Гордей Карпыч, Коршунов, Любовь Гордеевна, Анна Ивановна, Маша, Лиза, Митя, Гуслин и Разюляев.

Коршунов. Пойдем к барышням. Где это ты таких красавиц подобрал... Хе! *(Подходит к Любови Гордеевне.)* Здравствуйте, Любовь Гордеевна, красавица вы моя!..

Любовь Гордеевна кланяется.

Примите меня в свою компанию.

Любовь Гордеевна. Мы никого от себя не гоним.

Анна Ивановна. Садитесь, так гости будете.

Коршунов. Сухо принимаете старичка. Нынче дни святочные и поцеловаться, чай, можно.

Анна Ивановна. Зачем эти нежности заводить?

Коршунов. Гордей Карпыч, можно с дочкой поцеловаться? А я, признаться... хе, хе... до этого охотник. Да ведь и кто ж не любит!.. Хе, хе...

Гордей Карпыч. Сделай милость, без церемонии.

Коршунов. Поцелуетесь, барышня.

Любовь Гордеевна. Если тятеньке угодно... (Целуется.)

Коршунов. Ну, да уж со всеми по порядку.

Анна Ивановна. Я, пожалуй! Я не спесива.

Маша. Ах, стыд какой!..

Лиза. Ну уж, нечего сказать, велика приятность!

Гордей Карпыч (подходя к Мите). Ты зачем? Разве здесь твое место? Залетела ворона в высокие хоромы!

Митя, Гуслин и Разлюляев уходят.

ЯВЛЕНИЕ IX

Гордей Карпыч, Коршунов, Любовь Гордеевна, Анна Ивановна, Маша, Лиза и девушки.

Коршунов (садясь подле Любви Гордеевны). Я, Любовь Гордеевна, не в вас: вы меня и поцеловать не хотели, хе, хе, хе, а я вам подарочек принес.

Любовь Гордеевна. Напрасно беспокоились.

Коршунов. Вот я вам бриллиантик привез, хе, хе... (Отдает.)

Любовь Гордеевна. Это серьги. Покорно вас благодарю.

Анна Ивановна. Покажи-ка.

Маша. Но это прелестно!

Лиза. И с большим вкусом!

Коршунов. Дайте мне вашу ручку-то. (Берет и целует.) Я вас ведь очень люблю, хе, хе, хе, очень люблю; а ведь вы меня, чай, не любите, а?

Любовь Гордеевна. За что же мне вас не любить?

Коршунов. За что! Другого любите кого-нибудь, вот за что. А вы меня полюбите, я человек хороший, веселый, хе, хе, хе...

Любовь Гордеевна. Я не знаю, что вы говорите.

Коршунов. Я говорю: полюбите меня. Что ж, я еще не стар... (Смотрит на нее.) Али старенец? хе, хе, хе... Ну, что ж, не беда. Зато будете в золоте ходить. У меня ведь денег-то нет, я человек бедный... Так каких-нибудь сот пять тысяч... хе, хе, хе, серебром!.. (Берет за руку.)

Любовь Гордеевна (вставая). Не нужно мне ваших денег.

Гордей Карпыч. Любовь, куда ты?

Любовь Гордеевна. Я к маменьке!

Гордей Карпыч. Останься; она сюда придет.

Любовь Гордеевна садится.

Коршунов. Не хотите со стариком-то посидеть. Дайте мне ручку, барышня, я поцелую.

Любовь Гордеевна (дает руку). Ах, боже мой! Коршунов. Ручка-то какая! хе, хе, хе... бархатная! (Гладит своей рукой и потом надевает бриллиантовый перстень.)

Любовь Гордеевна (освобождая руку). Ах, оставьте меня, не надо мне, не надо.

Коршунов. Ничего, мне это не убыток, авось не раззорит.

Любовь Гордеевна. Да мне-то не надо. Дарите, кому хотите. (Снимает и отдает.)

Коршунов. Дают, так назад не берут... хе, хе, хе. Входят: Пелагея Егоровна, за ней Арина и Егорушка с вином и стаканами.

ЯВЛЕНИЕ X

Те же и Пелагея Егоровна, Арина и Егорушка.

Гордей Карпыч. Пойдем-ка выпьем.

Коршунов. Ну, Гордей Карпыч, потчуй, а вы, девки, величайте меня. Я почет люблю.

Пелагея Егоровна. Девушки, повеличайте.

Гордей Карпыч (откупоривает, наливает и подносит). Дорогому гостю, Африкану Савичу. Кланяйся, жена!

Пелагея Егоровна. Пожалуйте, Африкан Савич, просим покорно!

Коршунов берет.

Гордей Карпыч (берет стакан). Жена, выпей.

Пелагея Егоровна. Ох, не люблю я что-то этого вина-то... Ну, да уж выпью стаканчик.

Девушки (запевают).

А кто у нас холост,
А кто не женатый?
Африкан-от холост,
Савич не женатый.

На коня садится,
Под ним конь бодрится,
К лугам подъезжает —
Луга зеленеют,
Цветы расцветают.

Коршунов (сидясь подле Любви Гордеевны). Вот это хорошо, это я люблю. Ну-ка, подойди сюда которая-

нибудь. (Девушка подходит, он ее треплет по щеке.) Ишь ты востроглазая какая! Ведь вам, девушкам, чай, много надобно на белила на белые, на румяна на алые... хе, хе, хе... а у меня денег нет, за мной будет... хе, хе, хе... Держи фартук. (Сыплет ей деньги, мелочь; девушка кланяется и уходит.) Ну что же, Гордей Карпыч, скажи же-не-то, зачем мы приехали.

Гордей Карпыч. Я тебе, жена, давно говорил, что мне в здешнем городе жить надоело, потому на каждом шагу здесь можешь ты видеть как есть одно невежество и необразование. Для того я хочу переехать отселева в Москву. А у нас там будет не чужой человек, — будет зятюшка Африкан Савич.

Пелагея Егоровна. Ах, ах, что вы?

Коршунов. А уж мы, Пелагея Егоровна, по рукам ударили... Что вы так испугались, я ее не съем.

Пелагея Егоровна. Ах, ах, батюшки! (Хватает дочь.) Моя дочь! Не отдам!

Гордей Карпыч. Жена!

Пелагея Егоровна. Батюшка, Гордей Карпыч, не шути над материнским сердцем!.. Перестань!.. Истомил мою душу.

Гордей Карпыч. Жена, ты меня знаешь! Ты, Африкан Савич, не беспокойся: у меня сказано — сделано.

Коршунов. Обещал, так держи слово. (Встает, подходит к девушкам и говорит с ними тихо.)

Любовь Гордеевна (подходит к отцу). Тятенька! Я из твоей воли ни на шаг не выду. Пожалей ты меня, бедную, не губи мою молодость!..

Гордей Карпыч. Ты, дура, сама не понимаешь своего счастья. В Москве будешь по-барски жить, в каретах будешь ездить. Одно дело — ты будешь жить на виду, а не в этакой глуши; а другое дело — я так приказываю.

Любовь Гордеевна. Я приказу твоего не смею послушаться. Тятенька! (Кланяется в ноги.) Не захоти ты моего несчастья на всю мою жизнь!.. Передумай, тятенька!.. Что хочешь меня заставь, только не принуждай ты меня против сердца замуж итти за немилого!..

Гордей Карпыч. Я своего слова назад не беру. (Встает.)

Любовь Гордеевна. Твоя воля, батюшка! (Кланяется и отходит к матери.)

Коршунов. Вот и делу конец! Ну-ка, девушки, свадьбишную.

Девушки (поют).

Поблекнут все цветики во саду,
Завянут лазоревы в зеленѣм,
Мой миленький, аленький без мѣся.
Вставай-ка ты, матушка, раненько,
Поливай все цветики частенько
Утренней, вечернею зарей,
А еще своей горячею слезой.

Любовь Гордеевна. Не ту, не ту, запойте другую.

Гордей Карпыч. Пойдем, Африкан Савич, в гостиную. Жена! Приходите все туда.

Любовь Гордеевна. Куда мне деваться-то!..

Гордей Карпыч. Арина, перенеси вино.

Арина. Ох, постой, не до тебя. Дитяtko ты мое!..
Девушки, голубушки, вот какую запоете. (Запеваеt.)

Ты, родимая моя матушка!
В день денна моя печальница,
В ночь ночная богомольница,
Векова моя сухотница!
Прогляди ты очи ясные,
На свою на дочку гляючи,
На свою на дочь любимую,
Во последний раз, в останешний!

Любовь Гордеевна. В останешний.

В продолжение этой песни Гордей Карпыч и Коршунов уходят; Любовь Гордеевна в объятиях матери; подруги окружают ее.

ДЕЙСТВИЕ III

Небольшая комната в доме Торцова, заставленная разного рода шкапами, сундуками и этажерками с посудой и серебром; мебель: диваны, креслы, столы, все счель богато и поставлено тесно. Вообще эта комната составляет род кабинета хозяйки, откуда она управляет всем домом и где принимает своих гостей запросто. Одна дверь в залу, где обедают гости, другая во внутренние комнаты.

ЯВЛЕНИЕ I

Арина сидит на стуле у двери в залу; подле нее несколько девушек и женщин.

Арина (указывая в залу). Не ждали-то, матушки, не чаяли! — Налетел ястребом, как снег на голову, вырвал нашу лебедушку из стада лебединого, от батюшки, от матушки, от родных, от подруженек. Не успели и опомниться!.. Уж и что это на белом свете делается! Люди-то

нынче пошли злы-обманчивы, лукавы-подходчивы. Обошел Гордея Карпыча да тем да другим, ровно туманом каким, а тот-то, на старости, да польстись на его богатство! Красоту-то нашу писаную да за старого, за постылого и сговорили. Вон она, моя голубушка, сидит — на свет не глядит. Ох, тошнехонько мне! На то ль я тебя выходила да вынянчила, на своих руках выносила, как птичку какую в хлопчках берегла!..” А еще недавнушко мы с ней так-то вот растолковались. Не отдадим, говорю, тебя, дитятко, за простого человека; разве какой королевич из чужих земель наедет да у ворот в трубу затрубит. А вот и не вышло по-нашему. Вон он, разлучитель-то наш, сидит, толстый да губастый! Ишь на нее поглядывает да посмеивается — любо ему! О, чтоб тебе пусто было! Ну вот покушали, встают, ступайте за дело. *(Встает со стула.)*

Женщины уходят. Входит Пелагея Егоровна.

ЯВЛЕНИЕ II

Арина и Пелагея Егоровна.

Пелагея Егоровна. Поди-ка ты, Аринушка, пособи со стола собирать... да... А я отдохну, посижу, — устала.

Арина. Как не устать, родная ты моя, день-деньской на ногах, молоденькая ли ты!..

Пелагея Егоровна *(садится на диван)*. Ох!.. Да самовар-то чтоб туда подали, в девичью, большой... который самый-то большой. Да сыщи Аннушку, пошли мне.

Арина. Слушаю, слушаю.

Пелагея Егоровна. Да... поди, поди... Ох, моченьки моей нет!

Арина уходит.

Всю головушку разломило. Горе-то горем, а тут хлопоты еще. Да, да, хлопот-то что! ай, ай! Сбилась с ног, совсем сбилась! Дела-то много, а в голове все не то... И там нужно, и здесь нужно, а ухватиться не знаю, за что... Право... да... *(Садится задумавшись.)* Какой это жених... ах, ах, ах!.. Где тут любви ждать!.. Она теперь девушка в самой поре; сердчишко ведь тоже, чай, бьется иногда. Ей бы теперь хоть бедненького, да друга милого... Вот бы и житье... вот бы и рай!..

Анна Ивановна входит.

ЯВЛЕНИЕ III

Пелагея Егоровна и Анна Ивановна.

Пелагея Егоровна. На-ка тебе ключи-то от чаю. Поди разлей гостям-то; ну, да там все, что нужно, уж сама знаешь. Я-то уж ноги отходила, а тебе что, — ты бабочка молоденькая... да... послужи.

Анна Ивановна. Что ж не послужить, не велика работа, руки не отвалятся. *(Берет ключи.)*

Пелагея Егоровна. Вон там, в шкапу, чай-то, в ящичке красненьком.

Анна Ивановна отпирает и достает ящичек. Митя входит.

ЯВЛЕНИЕ IV

Те же и Митя.

Пелагея Егоровна. Что тебе, Митенька, надобно?

Митя *(сдерживая слезы)*. Я-с... я-с, Пелагея Егоровна, за всю вашу ласку и за все ваши снисхождения, и даже чего, может быть, и не стою... как вы, по сиротству моему, меня не оставляли и вместо матери... я... вами должен быть всю жизнь благодарен и завсегда богу молить-с. *(Кланяется в ноги.)*

Пелагея Егоровна. Да что ты, Митя?

Митя. Благодарю вас за все-с. Теперича прощайте, Пелагея Егоровна! *(Встает.)*

Пелагея Егоровна. Куда ж ты?

Митя. К матушке хочу ехать-с.

Пелагея Егоровна. На долго ли же ты едешь?

Митя. Да я у хозяина отпросился на праздники, а уж надо так полагать, что я там совсем останусь.

Пелагея Егоровна. За что ты это, Митя, нас бросить хочешь?

Митя *(переминаясь)*. Да так уж!.. Уж что же... я уж так порешился.

Пелагея Егоровна. А когда же ты едешь?

Митя. Сегодня в ночь.

Молчание.

Так думаю, до ночи-то с вами не увидишься, так я проститься пришел.

Пелагея Егоровна. Ну, что ж, Митя, коли тебе там надобно... Мы тебя не держим, бог с тобой... Прощай!..

Митя *(кланяется в ноги Пелагее Егоровне, целуется*

с нею и с 'Анной Ивановной, потом так кланяется и оставливается). Надо бы и с Любовью Гордеевной проститься. Что ж, ведь в одном доме жили... Либо жив буду, либо нет...

Пелагея Егоровна. Да, надо, надо. Что ж, простись, простись!.. Аннушка, поди покличь Любушку.

Анна Ивановна (покачав головой). Один ведет за рученьку, другой за другу, третий стоит, слезы ронит, любил, да не взял. (Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ V

Пелагея Егоровна и Митя.

Пелагея Егоровна. А у нас-то, Митенька, какое горе-то! Как его размыкать-размотать, не придумаю... Ровно меня громомшибло, в себя не придую.

Митя. Кто же теперича этому виноват-с, не на кого вам плакаться, Пелагея Егоровна-с, сами отдаете.

Пелагея Егоровна. Сами... сами... да, сами отдаем. Ох, только не моя, Митя, воля; кабы моя воля была, нешто б я отдала! Что, я разве враг ей!

Митя. Человек-то, как понаслышке, не больно-то завидный. Ничего хорошего, окромя дурного, не слышать.

Пелагея Егоровна. Знаю, Митенька, знаю.

Митя. А ведь уж теперича, по этим слухам, надо так сказать, что, должно быть, Любови Гордеевне за таким человеком, и притом в отдаленности, совсем погибать надобно-с.

Пелагея Егоровна. Ох, уж не говори ты мне, не говори... и без тебя тошнехонько. Глаза-то все проглядела, на нее гляючи! Хоть бы теперь-то наглядеться на нее прозапас. Точно я ее хоронить собираюсь.

Митя (почти плача). Так это что ж такое! Нешто этак-то делают? Ведь она, чай, ваша родная дочь!..

Пелагея Егоровна. Кабы не родная, так я бы не плакала и не убивалась, не надрывалось бы мое сердце на ее на слезы.

Митя. Чем плакать-то, не отдавали б лучше. За что девичий век заедаете, в кабалу отдаете? Нешто это не грех? Ведь, чай, вам за нее надоть будет Богу ответ дать.

Пелагея Егоровна. Знаю я, все знаю, да говорю ж я тебе, что не моя воля. Что ты пристал ко мне? Мне и без тебя тошно, а ты еще меня расстраиваешь. А ты бы, Митя, пожалел меня!

Митя. Оно так-с, Пелагея Егоровна, да непереносно мне это горе-то; может, тяжелее, чем вам. Я такую в вас веру, Пелагея Егоровна, взял, что все равно, как матушке своей родной откроюсь. *(Утирает глаза платком.)* Вечор-то, как у вас вечеринка-то была... *(Слезы мешают говорить.)*

Пелагея Егоровна. Ну, ну, говори, говори...

Митя. Ну, вот и столковались мы с ней в потемочках, чтобы итти нам с ней к вам, матушка, да к Гордею Карпычу, просить вас низменно: благословите, дескать, нас, а нам уж друг без друга не жить *(утирает слезы)*; а нынче вдруг поутру слышу... опустились мои рученьки!..

Пелагея Егоровна. Что ты?!

Митя. Вот перед истинным, Пелагея Егоровна.

Пелагея Егоровна. Ах ты, сердечный! Экой ты горький паренек-то, как я на тебя посмотрю!

Входит Любовь Гордеевна.

ЯВЛЕНИЕ VI

Те же и Любовь Гордеевна.

Пелагея Егоровна. Вот, Любушка, Митя проститься пришел: он едет от нас к матушке к своей.

Митя *(кланяется)*. Прощайте, Любовь Гордеевна!.. Не поминайте лихом!

Любовь Гордеевна. Прощай, Митя! *(Кланяется.)*

Пелагея Егоровна. Поцелуйтесь на прощанье-то, ведь, может, не приведет бог и свидеться... да... что ж такос!

Митя и Любовь Гордеевна целуются; она садится на диван и плачет; Митя тоже плачет.

Будет, будет вам плакать-то! Вы меня с ума сведете!

Митя. Эх, пропадай моя голова! Уж была не была! *(Подходит к Пелагее Егоровне.)* Пелагея Егоровна, жаль вам дочь отдавать за старого аль нет?

Пелагея Егоровна. Кабы не жаль, так бы я не плакала.

Митя. Прикажете говорить, Пелагея Егоровна?

Пелагея Егоровна. Говори.

Митя. Вот моя речь какая: соберите-ка вы ее да оденьте потеплее ужотко. Пусть выйдет потихоньку: посажу я ее в саночки-самокаточки, да и был таков! Не видать тогда ее старому, как ушей своих, а моей голове заодно уж погибать! Увезу ее к матушке, да и повенча-

смя. Эх! дайте душе простор — разгуляться хочет! По крайности, коли придется и в ответ итти, так уж то буду знать, что потешился.

Пелагея Егоровна. Что ты, что ты, беспутный!

Любовь Гордеевна. Что ты, Митя, выдумал!

Митя. Стало, не любишь? Аль разлюбила?

Любовь Гордеевна. Да ты говоришь-то что-то страшно!

Пелагея Егоровна. Что ты, беспутный, выдумал-то! Да кто ж это посмеет такой грех на душу взять... да... опомнись... что ты!

Митя. Ведь я говорю: коли жаль; а коли не жаль, так отдавайте за Африкана Савича, закабалите на веки вечные. Сами же, глядя на ее житье горемычное, убиваться станете. Спohватитесь вы с Гордей-то Карпычем, да уж поздно будет.

Пелагея Егоровна. Да как же без отцовского-то благословенья? Ну как же, ты сам посуди?

Митя. Конечно, без благословенья что за житье! Так уж благословите вы, Пелагея Егоровна (*становится на колени*), а Гордей Карпыч, может... и сам по времени как-нибудь...

Пелагея Егоровна. Как же мне быть-то с вами! Я совсем с ума сошла... да... помешалась. Ничего не знаю, не помню... да, да... головушка моя закружилась... Горько, горько моему сердцу, голубчики!..

Любовь Гордеевна (*подходит к Мите*). Нет, Митя, не бывать этому! Не томи себя понапрасну, перестань! (*Поднимает его.*) Не надрывай мою душу! И так мое сердце все изныло во мне. Поезжай с богом. Прощай!

Митя. За что ж ты меня обманывала, надо мной издевалась?

Любовь Гордеевна. Полно ты, Митя. Что мне тебя обманывать, зачем? Я тебя полюбила, так сама же тебе сказала. А теперь из воли родительской мне выходить не должно. На то есть воля батюшкина, чтоб я шла замуж. Должна я ему покориться; такая наша доля девичья. Так, знать, тому и быть должно, так уж оно заведено исстари. Не хочу я супротив отца итти, чтоб про меня люди не говорили да в пример не ставили. Хоть я, может быть, сердце свое надорвала через это, да по крайности я знаю, что я по закону живу, никто мне в глаза насмеяться не смеет. Прощай!

Целуются.

Митя. Ну, знать, не судьба!

Любовь Гордеевна садится на диван и плачет.

Прощай! (*Кланяется Пелагее Егоровне.*) Прощайте, Пелагея Егоровна, благодетельница вы моя! Век не забуду вашей ласки да милости ко мне: не забывали сироту на чужой стороне.

Пелагея Егоровна. Прощай, голубчик, не осуди нас в чем, грех тебе будет. Дай бог тебе счастливо... а мы тебя не забудем.

Митя кланяется и уходит.

ЯВЛЕНИЕ VII

Пелагея Егоровна, Любовь Гордеевна и потом Коршунов.

Пелагея Егоровна. Что, Любушка, жаль парня-то! Эко, девушка... ах!.. А мне и невдомек, что ты его полюбила-то. Да и где мне, старухе, догадаться... да. Что ж я? Вот поплакать наше дело, а власти над дочерью никакой не имею! А хорошо бы! Полюбовалась бы на старости. Парень-то такой простой, сердцем мягкий и меня-то бы, старуху, любил. Уж как погляжу я на тебя, девушка, как тебе не грустить!.. да помочь-то мне тебе, сердечная, нечем!

Любовь Гордеевна. Ну, маменька, что там и думать, чего нельзя, только себя мучить. (*Сидит молча.*)

Стучат; голос Коршунова: «Можно войти?»

Пелагея Егоровна. Войдите, батюшка.

Коршунов (*входя*). А, вот она, невеста-то моя, куда спряталась... хе... найду, везде найду. Позвольте-ка нам, Пелагея Егоровна, с вашей дочкой по секрету поговорить о своих делах.

Пелагея Егоровна. Изволь, батюшка. (*Уходит.*)

Коршунов (*садится подле Любви Гордеевны*). Об чем это плакать-то, сударыня? Стыдно, стыдно... хе... хе... Вот я и постарше, да не плачу... (*Смотрит на нее проницательно.*) Я ведь знаю, об чем: чай, за молоденького хочется? Так ведь это, миленькая вы моя (*берет руку и целует*), глупость одна девичья. Вот послушайте-ка, что я вам скажу... я правду буду говорить, начисто, обманывать не люблю, мне не из чего. Станете слушать, а?

Любовь Гордеевна. Говорите.

Коршунов. Хорошо-с. Вот начнем хоть с этого. Молодой разве оценит, что вы его полюбите, а? Молодого-то ведь всякая полюбит, ему это не в диковинку, а

старика-то дорого. Старик-то за любовь и подарочком, и тсм, и сем, и золотом, и бархатом — и не знает, чем утешить. *(Целует у нее руки.)* А в Москве хороших вещей в магазинах много, есть что подарить. Так вот старика-то и хорошо полюбить... Вот вам раз. А то вот еще что бывает с молодым-то мужем, да с хорошим-то: ведь они народ ветренный, — глядишь, и приволокнется за кем-нибудь на стороне, либо в него какая-нибудь сударынька влюбится, а жена-то сохни... Пойдут попреки да ревность... А что такое ревность, а? хе... хе... хе... Знаете ли вы, сударыня, что такое ревность?

Любовь Гордеевна. Нет, не знаю.

Коршун ов. А я знаю... Это не то, что иголкой пальчик уколоть, — гораздо побольнее будет. Ведь она, проклятая, сушит человека. От ревности-то режут друг друга, мышьяком отравляются! *(Смеется судорожно и с кашлем.)* А в старика-то кто влюбится?—Стало быть, жене-то и покойно. Да еще вот что скажу вам, драгоценная моя барышня: молодые-то²⁸ загуливать любят, веселости, да развлечения, да дебоши²⁸ разные, а жена-то сиди дома, жди его до полуночи. А придет-то пьяненький, заломается, заважничает. — А старик-то все подле жены так и будет сидеть; умирать будет — прочь не отойдет. Да все бы в глазки глядел, да все бы ласкал, да ручки бы целовал... *(Целует.)* Вот так.

Любовь Гордеевна. А вас та жена покойная любила?

Коршун ов *(смотрит на нее пристально)*. А вам, сударыня, зачем это?

Любовь Гордеевна. Так, хотелось знать.

Коршун ов. Знать хотелось?.. *(Встает.)* Нет, не любила, да и я ее не любил. Она и не стояла того, чтобы ее любить-то. Я ее взял нищую, за красоту только за одну; все семейство призрел; спас отца от ямы; она у меня в золоте ходила.

Любовь Гордеевна. Любви золотом не купишь.

Коршун ов. Люби не люби, да почаще взглядывай. Им, видишь ты, деньги нужны были, нечем было жить: я давал, не отказывал; а мне вот нужно, чтоб меня любили. Что ж, я волен этого требовать или нет? Я ведь за то деньги платил. На меня грех пожаловаться: кого я люблю — тому хорошо жить на свете; а уж кого не люблю, так не пеняй! *(Разгорячась, ходит.)* Да, я враг тому человеку, уж лучше беги с моих глаз долой: я словом да взглядом, пуще чем делом доеду; я прохожу... от-

дыху не дам человеку... я... *(Останавливается и хохочет.)*
А вы и в самом деле подумали, что я такой злой?.. хе... хе... Это я нарочно, так шучу! Я простой, я добрый старик... А уж вас-то буду на руках носить *(припевает)*, в люльке качать, приговаривать... *(Целует у ней руки.)*

Гордей Карпыч входит.

ЯВЛЕНИЕ VIII

Любовь Гордеевна, Коршунов и Гордей Карпыч.

Гордей Карпыч. А, вот где зятюшка-то! А мы тебя ищем. Мы уж там за шампанею принялись. Пойдем-ка к гостям, у нас без тебя и пир не в пир.

Коршунов. Мне и здесь хорошо.

Гордей Карпыч. Ну, так мы велим сюда подать да здесь, значит, с тобой и разопьем. *(Подходит к двери.)* Эй, малой! дай сюда вина! На серебряном подносе. *(Садится.)* Ну, зятюшка, что скажешь?

Коршунов. Ничего.

Гордей Карпыч. Как ничего?

Коршунов. Так ничего.

Гордей Карпыч. Нет-таки однако? *(Смотрит на него.)* Можешь ты меня теперь понимать?

Коршунов. Как не понимать.

Гордей Карпыч. Вот мы теперь подгуляли маненько, так ты мне скажи, что я за человек? Могут ли меня здесь оценить?

Коршунов. Где же им оценить!

Гордей Карпыч. Нет, ты вот что скажи: все у меня в порядке? В другом месте за столом-то прислуживает молодец в поддевке либо девка, а у меня фицыянт в нитяных перчатках. Этот фицыянт, он ученый, из Москвы, он все порядки знает: где кому сесть, что делать. А у других что! Соберутся в одну комнату, усядутся в кружок, песни запоют мужицкие. Оно, конечно, и весело, да я считаю так, что это низко, никакого тону нет. Да и пьют-то что, по необразованию своему! Наливки там, вишневки разные... а и не понимают они того, что на это есть шампанское! Ох, если б мне жить в Москве али бы в Питербурхе, я бы, кажется, всякую моду подражал.

Коршунов. Неужто всякую?

Гордей Карпыч. Всякую. Сколько б хватило моего капитала, а уж себя б не уронил. Ты, Любовь, у меня

смотри, веди себя аккуратно, а то жених-то, ведь он московский, пожалуй, осудит. Ты, чай, и ходить-то не умеешь, и говорить-то не понимаешь, где что следует.

Любовь Гордеевна. Я, тятенька, говорю, что чувствую; я в пансионе не училась.

Входит официант и подает вино Коршунову и Гордею Карпычу; ставит бутылки на стол и уходит.

Гордей Карпыч. Так-то, зятюшка! Вот и пусть их знают, каков Гордей Карпыч Торцов!

Входит Егорушка.

Егорушка. Дяденька, Гордей Карпыч, пожалуйста сюда-с.

Гордей Карпыч. Что тебе?

Егорушка. Пожалуйста: история вышла-с. (Смеется.)

Гордей Карпыч (подходя). Что там?

Егорушка. Да, дяденька, Любим Карпыч вошли.

Гордей Карпыч. Зачем пускали?

Егорушка. Им, должно быть, в голову вступило, никак не удержим. (Хохочет.)

Гордей Карпыч. Что же он делает?

Егорушка. Гостей разгоняет-с. (Хохочет.) Вы, говорит, рады чужой хлеб есть... Я, говорит, тоже хозяин... я, говорит... (Хохочет.)

Гордей Карпыч. Тсс... Снял он мою голову! (Уходит с Егорушкой.)

Коршунов. Что это там у них?

Любовь Гордеевна. Не знаю. Должно быть, дяденька что-нибудь... На него иногда находит.

Входят Разлюляев, Маша и Лиза.

ЯВЛЕНИЕ IX

Любовь Гордеевна, Коршунов, Разлюляев, Маша и Лиза.

Пелагея Егоровна (в дверях). Где братец-то?.. Где Любим Карпыч-то? Что он наделал — беда!

Любовь Гордеевна. Его здесь нет, маменька.

Пелагея Егоровна уходит.

Разлюляев. Вот так раз! Славные штучки Любим Карпыч отмачивает! ха... ха... ха... Такие пули отливает, что только люли!

Лиза. Совсем не смешно, одно невежество!

Маша. Я просто не знала, куда деваться от стыда.

Садятся на диван. Входит Любим Карпыч.

ЯВЛЕНИЕ X

Те же и Любим Карпыч.

Лиза. Ах, боже мой, опять!

Маша. Это ужасно!

Разлюляев. Ха, ха, ха...

Любим Карпыч. Гур, гур, гур... буль, буль, буль... С пальцем девять, с огурцом пятнадцать!..²⁹ Приятелю! *(Протягивает руку Коршунову.)* Наше вам-с!.. Тысячу лет со днем не видались! Как поживаете?

Коршунов. А, это ты, Любим?

Любим Карпыч *(загораживая лицо руками)*. Я не я, и лошадь не моя, и я не извозчик.

Коршунов. Я тебя, братец, помню, ты по городу ходил, по копейке собирал.

Любим Карпыч. Ты помнишь, как я по копейке собирал; а помнишь ли ты, как мы с тобой погуливали, осенние темные ночи просиживали, из трактира в погребок перепархивали? А не знаешь ли ты, кто меня раззорил, с сумой по миру пустил?

Коршунов. А ты сам чего зевал? Ведь тебя за ворот не тянули, любезный. Сам виноват.

Любим Карпыч. Я-то дурак, да ведь и тебе не велика честь! Ты меня так возвеличил, в такое звание возвел, что вот я ничего не украл, а людям в глаза глядеть совестно!

Коршунов. Ты все такой же шутник! *(Обращаясь к Любви Гордеевне.)* Весельчак дядюшка-то у вас. Видно уж, по старому знакомству, дать ему целковенькой.

Любим Карпыч. Тсс... Тут не целковым пахнет! Отдай старый долг, а за племянницу миллион триста тысяч!.. Дешевле не отдам.

Коршунов *(смеется)*. Уступки не будет?

Любим Карпыч. Ни копейки!

Разлюляев. Ай да Любим Карпыч! Меньше и не бери.

Входит Гордей Карпыч.

ЯВЛЕНИЕ XI

Те же и Гордей Карпыч.

Гордей Карпыч. А, ты здесь! Что ты со мной делаешь? Вон сейчас!

Коршунов. погоди, Гордей Карпыч, не гони, что его гнать! Пусть поломается, пошутит. Хе, хе, хе...

Любим Карпыч. Это брат шутит то, что за тебя дочь отдает, а я сщучу с тобой такую шутку, что будет тебе не по желудку!

Гордей Карпыч. Ему тут не место. Ступай вон!

Любим Карпыч. Брат, погоди, не гони! Ты думаешь, Любим Торцов пришел шутки шутить, ты думаешь, пьян Любим Торцов? Я пришел вам загадки загадывать. (Коршунову.) Отчего у осла длинные уши? Ну-ка давай ответ!

Разлюляев. Вот так задача!

Коршунов. Почему я знаю!

Любим Карпыч. Для того, чтобы все знали, что он осел. (Брату.) Вот тебе задача: за кого ты дочь отдаешь?

Гордей Карпыч. Это не твое дело! Ты меня не смеешь спрашивать.

Любим Карпыч. А вот тебе еще вопрос: честный ты купец или нет? Коли ты честный — не гадись с бесчестным, не трись подле сажи — сам замараешься.

Коршунов. А ты шути, да не забывайся, любезный!.. Выгони его или вели ему замолчать.

Любим Карпыч. Это про тебя!.. Видно, ты чист, как трубочист!

Гордей Карпыч. Брат, уйди честью, а не то худо.

Любовь Гордеевна (вскакивает в испуге). Дяденька, перестаньте!

Любим Карпыч. Не замолчу! Теперь кровь заговорила!

Все домашние и гости входят.

ЯВЛЕНИЕ XII

Те же, Пелагея Егоровна, Анна Ивановна, Гуслин, гости и гости и прислуга.

Любим Карпыч. Послушайте, люди добрые! Обижают Любима Торцова, гонят вон. А чем я не гость? За что меня гонят? Я не чисто одет, так у меня на совести чисто. Я не Коршунов: я бедных не грабил, чужого веку не заедал, жены ревностию не замучил... Меня гонят, а он первый гость, его в передний угол сажают. Что ж, ничего, ему другую жену дадут: брат за него дочь отдает! Ха, ха, ха! (Хохочет трагически.)

Коршунов (вскакивает). Не верьте ему, он врет, он это по злобе на меня говорит, спьяну.

Любим Карпыч. Что за злоба! Я тебе давно про-

стил. Я человек маленький, червяк ползущий, ничтожество из ничтожеств! Ты другим-то зла не делай.

Гордей Карпыч (прислуге). Уведите его!

Любим Карпыч (поднимая один палец кверху) Сс... Не трогать! Хорошо тому на свете жить, у кого нету стыда в глазах!.. О, люди, люди! Любим Торцов пьяница, а лучше вас! Вот теперь я сам пойду. (Обращаясь к толпе.) Шире дорогу — Любим Торцов идет! (Уходит и тотчас возвращается.) Изверг естества! (Уходит.)

Коршун о в (принужденно хохочет). Так этакой-то у тебя порядок в доме! Этакие ты моды завел: у тебя пьяные гостей обижают! Хе, хе, хе... Я, говорит, в Москву поеду, меня здесь не понимают. В Москве-то уж такие дураки повывелись, там смеются над ними. Зятюшка, зятюшка! Хе, хе, хе! Любезный тестюшка! Нет, шалишь, я даром себя обидеть не позволю. Нет, ты теперь приди-ка ко мне да поклоняйся, чтоб я дочь-то твою взял.

Гордей Карпыч. Я к тебе пойду кланяться?

Коршун о в. Пойдешь, я тебя знаю. Тебе нужно свадьбу сделать, хоть в петлю лезть, да только б весь город удивить, а женихов-то нет. Вот несчастье-то твое! Хе, хе, хе...

Гордей Карпыч. Опосля этого, когда ты такие слова говоришь, я сам тебя знать не хочу! Я отродясь никому не кланялся. Я, коли на то пошло, за кого вздумается, за того и отдам. С деньгами, что я за ней дам, всякий человек будет...

Входит Митя и останавливается в дверях.

ЯВЛЕНИЕ XIII

Те же и Митя.

Митя (обращаясь к толпе). Что такое за шум-с?

Гордей Карпыч. Вот за Митьку отдам.

Митя. Чего-с?

Гордей Карпыч. Молчи! Да... за Митьку отдам... завтра же. Да такую свадьбу задам, что ты и не видывал: из Москвы музыкантов выпишу, один в четырех каретах поеду.

Коршун о в. Посмотрим, посмотрим. Придешь прощенья просить, придешь! (Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ XIV

Те же без Коршунова.

Пелагея Егоровна. За кого, Гордей Карпыч, ты сказал?

Гордей Карпыч. За Митьку... Да! Ишь разважничался! Точно я хуже его! Пойдешь кланяться! Врет он, не пойду кланяться! Назло ему, за Митрия отдам.

Митя (*берет Любовь Гордеевну за руку и подходит к Гордею Карпычу*). Зачем же назло, Гордей Карпыч? Со злом такого дела не делают. Мне назло не надобно-с. Лучше уж я всю жизнь буду мучиться. Коли есть ваша такая милость, так уж вы благословите нас, как следует — по-родительски, с любовью. Как любим мы друг друга и даже до этого случая хотели вам повиниться... А уж я вам, вместо сына, то есть, завсегда всей душой-с.

Гордей Карпыч. Что, что всей душой? Ты уж и рад случаю! Да как ты смел подумать-то? Что она, ровня, что ль, тебе? С кем ты говоришь, вспомни!

Митя. Я очень хорошо знаю, что вы мой хозяин и что я по бедности своей не могу быть им ровней; но, впрочем, судите, как хотите, я весь тут-с: я вашу дочку полюбил душою-с.

Все удивлены.

Входит Любим Карпыч и становится в толпе.

ЯВЛЕНИЕ XV

Те же и Любим Карпыч.

Гордей Карпыч. Как, чай, не любить! У тебя губа-то не дура! За ней ведь денег много, так тебе, голомуну, на голодные зубы хорошо.

Митя. Для меня столь обидно от вас это слышать, что я не имею слов-с. Лучше молчать. (*Отходит.*) Извольте, Любовь Гордеевна, вы говорить-с.

Любовь Гордеевна. Я, тятенька, вашей воле не перечила! Коли хотите вы моего счастья — отдайте меня за Митю.

Пелагея Егоровна. Что это и в самом деле, Гордей Карпыч, капризничаешь... да! Что в самом-то деле! Я было уж обрадовалась, насилу-то от сердца отлегло, а ты опять за свое. Уж говори что-нибудь одно, а то что это такое... право. То скажешь — за одного, то за другого. Что она тебе, на мытарство, что ли, досталась?

Любим Карпыч (*из толпы*). Брат, отдай Любушку за Митю.

Гордей Карпыч. Ты опять здесь? Да ты понимаешь ли, что ты со мной нынче сделал? Ты меня оконфузил на весь город! Кабы ты чувствовал это, ты бы не смел и на глаза-то мне показываться, а ты еще с советами лезешь. Уж пускай бы говорил человек, да не ты.

Любим Карпыч. Да ты поклонись Любиму Торцову в ноги, что он тебя оконфузил-то.

Пелагея Егоровна. Именно, Любимушка, надо тебе в ноги поклониться... да... именно. Снял ты с нашей души грех великий; не замолить бы его нам.

Гордей Карпыч. Что ж, я изверг, что ли, какой в своем семействе?

Пелагея Егоровна. Изверг не изверг, а погубил бы дочь-то из-за своей из глупости... Да! Я тебе от простоты моей скажу. Отдают за стариков-то и не Африкану Савичу чета, да и то горе мычут.

Любим Карпыч. Пустите меня! *(Поет.)* Трум-тутум, трум-тутум! *(Пляшет.)* Посмотри на меня, вот тебе пример — Любим Торцов перед тобой живой стоит. Он по этой дорожке ходил — знает, какова она! И я был богат и славен, в каретах ездил, такие штуки выкидывал, что тебе и в голову не придет, а потом верхним концом да вниз. Вот погляди, каков я франт!

Гордей Карпыч. Ты мне что ни говори, я тебя слушать не хочу, ты мне враг на всю жизнь.

Любим Карпыч. Человек ты или зверь? Пожалей ты и Любима Торцова! *(Становится на колени.)* Брат, отдай Любушку за Митю — он мне угол даст. Назябся уж я, наголодался. Лета мои прошли, тяжело уж мне паясничать на морозе-то из-за куска хлеба; хоть под старость-то да честно пожить. Ведь я народ обманывал: просил милостыню, а сам пропивал. Мне работишку дадут; у меня будет свой горшок шей. Тогда-то я бога возблагодарю. Брат! и моя слеза до неба дойдет! Что он беден-то! — Эх, кабы я беден был, я бы человек был. Бедность не порок.

Пелагея Егоровна. Гордей Карпыч, неужели в тебе чувства нет?

Гордей Карпыч *(утирает слезу)*. А вы и в самом деле думали, что нет?! *(Поднимает брата.)* Ну, брат, спасибо, что на ум наставил, а то было свихнулся совсем. Не знаю, как и в голову вошла такая гнилая фантазия³⁰. *(Обнимает Митю и Любовь Гордеевну.)* Ну, дети, скажите спасибо дяде Любиму Карпычу да живите счастливо.

Пелагея Егоровна обнимает детей.

Гуслин. Дяденька, теперь и мне можно?

Гордей Карпыч. Можно, можно. Просите все, кому что нужно: теперь я стал другой человек.

Гуслин. Ну, Аннушка, дождались и мы с тобой.

Анна Ивановна. Ну, теперь пойдет у нас пляска, только держи шапку.

Пелагея Егоровна. Уж попляшем, попляшем.

Разлюляев (*подходит к Мите и ударяет его по плечу*). Митя!.. Для приятеля... все жертвую... Сам любил, а для тебя... жертвую... Давай руку. (*Ударяет по руке*.) Одно слово... бери, значит, жертву для тебя... Для друга ничего не жаль! Вот как у нас, коли на то пошло! (*Утирается полой и целует Митю*.) А это он правду говорит: пьянство не порок... то бишь — бедность не порок... Вот всегда проврусь!

Пелагея Егоровна. Ах, да вот и все тут! (*К девушкам*.) Ну-ка, девушки, веселенькую... да, веселенькую... Уж мы теперь свадьбу-то по душе отпируем, по душе...

Девушки начинают запевать.

Любим Карпыч. Тсс... Слушай команду! (*Запедают; девушки подтягивают*.)

У нас дело-то сделано,
По рукам у нас ударено.
Быть сговору-девишнику,
Быть девичьему вечеру.

1853 г.



ПРИМЕЧАНИЯ

«СВОИ ЛЮДИ — СОЧТЕМЯ»

Первоначальное название этой комедии было «Банкрот». Тема ее — довольно распространенное в царской России явление — банкротство.

Банкротство — явление специфически капиталистическое и сейчас мало понятное. Уже к началу девятнадцатого века московское купечество широко пользовалось кредитом, и самые богатые купцы, с одной стороны, владели большим количеством векселей, а с другой — сами имели крупные долговые обязательства. Разорившиеся купцы, неспособные уплатить по своим векселям, объявляли себя несостоятельными должниками и на этом основании платили долги своим заимодавцам не полностью, а лишь частично: по пятьдесят, двадцать, десять и меньше копеек за рубль. Это и называлось банкротством.

Такой порядок вызывал большое количество злоупотреблений. Широко было развито так называемое злостное банкротство, когда недобросовестные купцы объявляли себя несостоятельными без достаточных на это оснований. Переведя свое состояние на кого-либо из близких: жену, приказчика, родственников, и уплатив свои долги с большой скидкой, такие злостные банкроты получали значительную сумму денег. Мошенничество это имело только то неудобство, что лица, на которых злостные банкроты переводили свои предприятия и капиталы, делались их законными собственниками и часто присваивали данные им на «хранение» капиталы и имущество.

Подобная история описывается в комедии «Свои люди — сочтемся». В ней изображено злостное банкротство купца Большова и мошенническая проделка его приказчика Подхалюзина, присвоившего большевские лавки и капиталы.

В своей комедии Островский впервые вывел на русскую сцену совершенно новый мир — замоскворецкое купечество. Островский в совершенстве знал этот мир, со всеми его обычаями, особыми мерками честности и человеческих достоинств и, наконец, со своим языком.

Язык замоскворецких жителей времен Островского — особый. С одной стороны, в нем сохранилось много старинных слов и оборотов, уже исчезнувших из употребления, с другой стороны, многие купцы, желая щегольнуть своей «образованностью», нередко употребляли в своей речи иностранные слова, часто не понимая их значения, придавая им другой смысл и немилосердно их коверкая. Все эти особенности речи замоскворецкого купечества Островский зорко подметил и запечатлел в своей комедии.

ИСКАЖЕННЫЕ СЛОВА, ВСТРЕЧАЮЩИЕСЯ В КОМЕДИИ «СВОИ ЛЮДИ — СОЧТЕМСЯ»

Страи — срам, стыд.
Беспременно — непременно.
Секунта — секунда.
Бралиант — бриллиант.
Скус — вкус.
Апекит — аппетит.
Оргени — орден.
Лесоры — рессоры.
Баланец — баланс.
Новерситет — университет.
Жимши — живши.
Вальготность — вольность, свобода.
Практика — практика, обычай.
Эрестрик — реестр, опись.
Мычиться — мыкаться.
Проминовать — пропустить.
Обзнакомиться — познакомиться.
Патрет — портрет, картинка.
Отлепартовать — отрапортовать, дать отчет.
Сюжет — суждение, мнение.
Херумчик — херувим, ангел.
Енарал — генерал.
Издальки — издали.
Шлафорк — шлафрок, халат.
Таотка — там.
Акстись — перекрестись.
Очинно — очень.
Банкрут — банкрот.
Пукет — букет.
Треисподняя — преисподняя, ад.

УСТАРЕВШИЕ, РЕДКИЕ И СПЕЦИАЛЬНЫЕ СЛОВА И ВЫРАЖЕНИЯ

- 1 Сваха — женщина, занимающаяся за деньги сватовством, отыскивающая женихов и невест.
- 2 Стряпчий — адвокат.
- 3 Ключница — служанка в доме, находящаяся «при ключах» — ведающая съестными припасами, а иногда и напитками.
- 4 Приказные — старинное название чиновников.
- 5 Танцмейстер — учитель танцев.
- 6 Оказия — случай.
- 7 Капидон (купидон) — у древних римлян бог любви, изображавшийся в виде красивого мальчика.
- 8 Резон — довод, основание.
- 9 Посконь — грубый крестьянский холст.
- 10 Таранта — болтуня.
- 11 Хабальный — нахальный, резкий.
- 12 Буточник (будочник) — полицейский сторож, стоявший в будке.
- 13 Балясничать — болтать, разговаривать.
- 14 Меланхолия — грустное настроение.
- 15 Бальсан (вместо бальзам) — водочная настойка.
- 16 Амбиция — честолюбие, самолюбие.
- 17 Оболваненный — обритый.
- 18 Мухортник — невзрачный, щедушный человек.
- 19 «Одет по журнальному» — одет по картинке журнала мод.
- 20 Арабчик — червонец; золотая монета в 10 рублей.
- 21 Маститый — почтенный, заслуженный.
- 22 Мздоимец — взяточник.
- 23 Лихоимец — вымогатель.
- 24 «Руки на себя наложить» — покончить самоубийством.
- 25 Экзекутор — мелкий чиновник в финансовом или судебном учреждении, ведающий хозяйством.
- 26 Крючкотворство — судебные ухищрения.
- 27 Бельведер — вышка над домом, здесь — дворец.
- 28 Кредитор — займодавец, человек, дающий деньги в займы.
- 29 Закладная — документ, оформляющий заклад имущества, то есть выдачу под него денежной ссуды.
- 30 Купчая — документ, оформляющий продажу имущества.
- 31 Варганить — делать хитрое дело, мастерить.
- 32 Магарыч — угощение за какую-либо услугу.
- 33 Реэстрик, реестр — список, опись (в данном случае долгов).
- 34 Артачиться — упрямиться, упираться.
- 35 Баланец (вместо баланс) — сводка доходов и расходов, итог.

- ³⁶ Панская часть (панский товар) — красный (барский) товар, фабричные ткани.
- ³⁷ Си делец — лавочник, торгующий хозяйским товаром на жаловании или на отчете, приказчик.
- ³⁸ Тума к — глупый человек.
- ³⁹ Ве до мо сти — газеты.
- ⁴⁰ Воспитательный дом — учреждение, где воспитывались сироты и подкидыши.
- ⁴¹ Губернское правление — высшее полицейское управление губернии в царской России.
- ⁴² Приказы общественного призрения — учреждения, ведавшие делами благотворительности, государственной помощи нуждающимся, народными школами, больницами и аптеками.
- ⁴³ Городская шестигласная дума — городское самоуправление. Общая городская дума, избиравшаяся обывателями, в свою очередь избирала из свей среды шестигласную думу из шести человек, по числу разрядов обывателей.
- ⁴⁴ Оброчные статьи — казенное имущество, отдаваемое частным лицам в содержание за известную плату (оброк).
- ⁴⁵ Вдовый дом — богадельня, учреждение для содержания немущих вдов.
- ⁴⁶ Сиротский суд — судебное учреждение, ведавшее имуществом опекаемых вдов и сирот.
- ⁴⁷ Коммерческий суд — судебное учреждение, ведавшее торговыми или купеческими делами.
- ⁴⁸ Первая гильдия — по своему имущественному положению купцы разделялись на разряды, или гильдии. Первая гильдия — самая богатая и пользовавшаяся наибольшими правами.
- ⁴⁹ Ту з — здесь: богатый, значительный человек.
- ⁵⁰ Су х о я д ц ы — люди, соблюдающие самый строгий пост; не едят ничего вареного.
- ⁵¹ Степенство — почетный титул купцов.
- ⁵² Вексель — денежное обязательство, выданное на определенный срок.
- ⁵³ Протест векселей — официальное предъявление векселя к платежу, применяющееся в тех случаях, когда плательщик уклоняется от выполнения своих обязательств.
- ⁵⁴ Мораль. — В купеческом мире это слово получило особое, оскорбительное значение. «Пушать мораль» значило марать, пачкать. «На все купечество мораль» — дурная слава.
- ⁵⁵ Я ма — долговая тюрьма в Москве. Несостоятельные должники содержались в ней до тех пор, пока не выплачивали всех долгов. За содержание банкротов платили заимодавцы, по требованию которых неплательщик был посажен в яму.

- ⁵⁶ Дисконт (учет векселя) — скидка с суммы, указанной в векселе при продаже его до истечения срока.
- ⁵⁷ Городовые — здесь: провинциальные.
- ⁵⁸ Слепая мелочь — стершиеся медные и серебряные монеты.
- ⁵⁹ Москательная лавка — торговля лаками, красками, замазкой.
- ⁶⁰ Красная лавка — торговля красным товаром (фабричными тканями).
- ⁶¹ Бакалея — торговля съестными припасами.
- ⁶² Вязка — отступное, уплачиваемое с тем, чтобы возможные соперники не поднимали или не сбивали цепи.
- ⁶³ Гривна — гривенник, десять копеек.
- ⁶⁴ Анафема — проклятье, проклятый.
- ⁶⁵ Три листика — азартная карточная игра.
- ⁶⁶ Пристенок — азартная игра медными или серебряными монетами.
- ⁶⁷ Штоф, полштофа — винные или водочные бутылки разных размеров.
- ⁶⁸ Стракулист (вместо стрекулист) — попрыгун, болтун; презрительная кличка адвокатов.
- ⁶⁹ Целковенький, целковый — серебряный рубль.
- ⁷⁰ «Материю заведем» — обделаем дело.
- ⁷¹ Кабала — в старой Руси отдача в чью-либо зависимость за долги, срочная или бессрочная продажа себя другому лицу.
- ⁷² «Фантазия в голове» — мысль, суждение.
- ⁷³ Отымалка — тряпка, которой прихватывают горячие горшки и сковороды.
- ⁷⁴ Благой — озорной, своенравный.
- ⁷⁵ Обвертеть — обвенчать.
- ⁷⁶ Голицы — кожаные рукавицы на меху.
- ⁷⁷ Балчуг — торговая улица в Замоскворечье.
- ⁷⁸ Панёвница — деревенская баба, носящая панёву (шерстяную домотканую юбку), деревенщина.
- ⁷⁹ Мымра — зевака, разиня.
- ⁸⁰ «Суконное рыло» — бранное слово по адресу купцов. Суконщиками назывались купцы, торговавшие в суконном ряду.
- ⁸¹ Пахтать — сбивать масло.
- ⁸² «Ангелика-царевна» — сказочная царевна-недотрога.
- ⁸³ Притча — здесь: непредвиденный случай, неожиданность.
- ⁸⁴ Рюмить, разрюмиться — плакать, расплакаться.
- ⁸⁵ Авантажный — красивый, видный, казистый.
- ⁸⁶ Мадамы — содержательницы модных лавок, портнихи, модистки.
- ⁸⁷ Адмиральский час — старинное шутивное выражение, означающее: пора выпить водки и закусить.

- ⁶⁸ Фанаберия — гордость, надменность, спесь.
- ⁶⁹ Салоп — старинное женское верхнее платье, обычно на меху.
- ⁷⁰ Орловские лошади — знаменитая порода орловских рысаков.
- ⁷¹ Сирены — сказочные существа с женским телом и рыбьим хвостом, зачаровывающие мореплавателей своим пеньем.
- ⁷² Арбатский — знаменитый в то время владелец экипажной фабрики в Москве.
- ⁷³ Парк — имеется в виду Петровский парк в Москве, излюбленное место прогулок высшей знати и богачей.
- ⁷⁴ Блонды — шелковые кружева.
- ⁷⁵ Креп, грогогон, гроденапль, градафрик, марселин, муслинделин, шинерояль, крепрашель, буфмуслин — названия разных сортов дорогих материй.
- ⁷⁶ Ассигнации — бумажные деньги.
- ⁷⁷ «На четырнадцатом классе сижу». — В царской России чиновники делились на четырнадцать классов. Чиновники четырнадцатого класса, самого низшего, имели чин коллежского регистратора и считали себя выше купцов, не имеющих никакого чина.
- ⁷⁸ Конкурс — здесь: собрание займодавцев для распределения имущества несостоятельного должника между всеми дававшими ему в долг.
- ⁷⁹ Иверская — особо почитаемая купечеством икона, помещавшаяся в часовне у Иверских (Воскресенских) ворот в Китай-городе, близ долговой тюрьмы (ямы).
- ¹⁰⁰ Присутственные места — государственные учреждения.
- ¹⁰¹ Уголовная палата — уголовный суд.
- ¹⁰² Понедельничать — поститься из особого усердия, кроме среды и пятницы (церковные постные дни), еще и по понедельникам.
- ¹⁰³ Соборы — съезды духовенства, на которых часто проклинали неугодные церкви люди.
- ¹⁰⁴ Хапанцы — взятки.

«БЕДНОСТЬ НЕ ПОРОК»

В комедии этой Островский изобразил мир, уже давным-давно отошедший в прошлое. Даже во времена Островского патриархальность и старые русские обычаи начали уже исчезать из купеческого быта. На смену им шел русский капитализм, растлевающий общество и разрывающий все семейные и общественные связи, воплощенный Островским в хищной фигуре Коршунова.

Гениальный художник, Островский изобразил этот старый мир замоскворецкого купечества во всех его противоречиях. Здесь и крепость семейных устоев, доверие детей к родителям, цельность и ясность мировоззрения, нерушимость старинных обычаев; комедия наполнена великолепными русскими песнями и святочными обрядами. Но, с другой стороны, в этом мире господствуют самодуры, руководствующие в своих действиях страшными правилами «Домостроя»; царствуют деньги как единственное мерило человеческого достоинства.

Пьеса эта, создавшая Островскому театральную славу, не была напечатана в «Москвитянине», где в эти годы появлялись все произведения Островского. Владелец журнала Погодин, очевидно, предложил такие условия, что даже для нетребовательного Островского они оказались неприемлемыми. Островский писал Погодину: «Успех последней моей комедии превзошел не только мои ожидания, но даже мечты мои. Я очень рад такому сочувствию, оно меня вознаградит за неприятности, перенесенные мною в последнее время... Вы меня, Михайло Петрович, очень оскорбили, показавши ко мне недоверие и отказавши мне в пустяках в самую критическую минуту для меня».

В комедии «Бедность не порок», как и в своей первой комедии, «Свои люди — сочтемся», Островский заставил своих героев говорить языком, не совсем обычным в литературе, но тем не менее подлинным. Многие из отдельных слов и целых выражений, кажущихся современному читателю бессмысленными или непонятными, нуждаются в пояснении.

ИСКАЖЕННЫЕ СЛОВА, ВСТРЕЧАЮЩИЕСЯ В КОМЕДИИ «БЕДНОСТЬ НЕ ПОРОК»

А г л и ч и н — англичанин.

Д и л е х т о р — директор.

П л а н и д а — планета, судьба.

С у м н е н и е — сомнение, подозрение.

С т р а м о т а — срамота, стыд.

Х о ш а — хотя.

Н е б е л ь — мебель.

Н и з м е н н о к л а н я т ь с я — низко кланяться.

Ф и ц ы я н т — официант.

УСТАРЕВШИЕ, РЕДКИЕ И СПЕЦИАЛЬНЫЕ СЛОВА И ВЫРАЖЕНИЯ

- ¹ Святки — старинный, еще языческий праздник весеннего солнцеворота, сопровождавшийся песнями, играми, ряжением. Со времени крещения Руси праздник этот слился с христианским праздником — рождеством.
- ² «Бова Королевич» — старинная повесть о сказочных приключениях, очень распространенная в начале XIX века в лубочных (дешевых) изданиях.
- ³ «Такая моя планида» — сохранившийся в купеческом мире того времени пережиток старинного верования в то, что судьба людей определяется движением и расположением звезд и планет.
- ⁴ «Не могу своего сердца сообразить» — не могу забыть.
- ⁵ Полпивная — пивная. Полпиво — легкий хмельной напиток, нечто вроде браги.
- ⁶ «Себя-то бы образил прежде» — образить, образовагь — одеться, принять приличный вид.
- ⁷ Зипунишко, зипун — старинная мужская одежда, нечто вроде кафтана без козыря (стоячего воротника).
- ⁸ Бандурист — в шутку, вместо гитарист.
- ⁹ Ферт — буква «ф». Стать фертом — упереть руки в бока.
- ¹⁰ Презент, презентовать — подарок, подарить.
- ¹¹ Бурнус — плащ у арабов, женское пальто вроде накидки.
- ¹² Франк — французская монета, в то время около сорока копеек. Сантим — одна сотая франка.
- ¹³ Ломбард — ссудная касса, где под залог вещей выдаются денежные ссуды.
- ¹⁴ Частный дом — место заключения арестованных при городской полиции.
- ¹⁵ «Шпилен зи полька» (по-немецки) — сыграйте польку.
- ¹⁶ «Пей под ножом Прокопа Ляпунова» — цитата из драмы И. Кукольника «Князь Михаил Васильевич Скопин-Шуйский».
- ¹⁷ «Заторщик из бражного» — рабочий, затирающий пиво или вино на винокуренном заводе. Здесь: зачинщик по части пьянства.
- ¹⁸ Коммерция — торговля, биржевая сделка, спекуляция.
- ¹⁹ Талер — старинная немецкая монета стоимостью около трех рублей.
- ²⁰ Скоморох — музыкант, шут, плясун.
- ²¹ «Артикулы выкидывать» — выделять разные штуки.
- ²² Семитка — медная монета в две копейки.

- ²³ Сговор, сговорить — просватать, договориться о будущей женигбе.
- ²⁴ «Политика в разговоре» — вежливость, умение разговаривать с дамами.
- ²⁵ Подблюдные песни — песни, которые пелись во время гаданья над блюдом или чашкой с водой. Если выпималось кольцо какой-либо девушки, то это означало, что она выйдет замуж в этом году.
- ²⁶ Целовальник — продавец вина в царевом кабаке.
- ²⁷ «В хлопках берегла» — воспитывала в вате, бережно.
- ²⁸ Дебош — буйство, беспорядок.
- ²⁹ «С пальцем девять, с огурцом пятнадцать» — старинная парикмахерская приговорка. Невзыскательным посетителям парикмахерских, или, как во времена Островского говорили, цирулес, чтобы натянуть кожу на щеке для удобства бритья, просто засовывали палец в рот. Более требовательным посетителям предлагали взять в рот огурец. В зависимости от этого менялась и цена на бритье.
- ³⁰ «Гнидая фантазия» — глупая мысль.

Переплет и заставки
Г. Фишер

ДЛЯ НЕПОЛНОЙ СРЕДНЕЙ И СРЕДНЕЙ ШКОЛЫ

Ответственный редактор Г. ЭЙХЛЕР. Подписано к печати 1-го 1941 г.
9 печ. л. (8,1 уч.-изд. л.). 38169 экз. в печ. л. Тираж 50000 экз. А3521. За-
каз № 1.94. Цена в переплете 2 р. 10 к.

Фабрика детской книги Изд-ва детской литературы ЦК ВЛКСМ.
Москва, Суцеский вал, 49.

В случае обнаружения дефекта просим вернуть экземпляр для обмена
по адресу: Москва 18, Суцеский вал, д. № 41, Фабрика детской
книги. Телефон К 5-06-50.